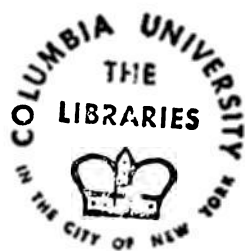

Cambridge

UNIVERSITY PRESS

1974

GENERAL
LIBRARY

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОЦА НАШЕО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Часть шестая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГОТЬЕ И МОНИГЕТТИ,

БЫВШЕЙ АНГ. СЕМЕНА.

1848.

88686

JP

v. 6.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи,
представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Ноября 27 дня, 1847 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Визанской Семинаріи

Ректоръ Архимандритъ Евгеній.

APR 12 1954

04 2

СТИХОТВОРЕНІЯ.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ.)

СТИХОТВОРЕНІЕ,

ВЪ КОТОРОМЪ СвѣТЫЙ ГРИГОРІЙ ПЕРЕСКАЗЫВАЕТЪ
жизнь свою.

Цѣль этого слова—изобразить ходъ моихъ несчастій, а можетъ быть, и счастливыхъ обстоятельствъ жизни, потому что одинъ назоветъ ихъ такъ, другой иначе, въ какомъ самъ, думаю, будетъ расположеніи духа. А нашъ произволь—не надежное мѣрило въ судѣ. Мѣрная же рѣчь, забавляя, врачуетъ отъ скорби, а молодымъ людямъ служить и урокомъ, и услажденіемъ, однимъ словомъ: пріятнымъ наставленіемъ.

И слово мое къ вамъ, нѣкогда моимъ, а теперь для меня чужимъ,—къ вамъ, и единовѣрные со мною, и не право мыслящіе, ежели есть они; потому что всякой сталъ ко мнѣ благорасположеннымъ, какъ скоро сомкнулъ я уста. Вы, именитое око вселенной, обитатели, сколько вижу, новаго міра, облеченные лѣпотами суши и моря, ты, новосозданный Римъ, отечество новыхъ знаменитостей, градъ Константиновъ и столпъ Державы! выслушайте человѣка самаго нелживаго, который во многихъ пере-

воротахъ жизни; гдѣ и узнается многое, не мало понесъ трудовъ.

Все ветшеть, ветшаетъ даже и прекрасное со временемъ; въ остаткѣ — или ничего, или самая малость. Гдѣ смыло землю стремительнымъ потокомъ проливныхъ дождей, тамъ остаются одни мелкіе камни; по сему ни мало не удивительно, если скажу то же о людяхъ обыкновенныхъ, которые и прежде не бывали въ числѣ добрыхъ, но походили на безсловесныхъ, поникшихъ къ землѣ. Страшный же, изрытый пропастями оврагъ,—это мы, то есть, наше, забывшее чинъ свой, сословіе (говорю сіе со слезами); это мы, не на добро возсѣдшіе на высокихъ престолахъ; мы, председатели народа, учителя прекраснаго; мы, которымъ дано въ удѣлъ питать души божественною пищею, но которые сами истаяваемъ голодомъ; мы, враги немощей и въ то же время мертвецы, заражающіе непрестанно новыми и новыми недугами; мы путеводители по стезямъ, можетъ быть, стремнистымъ, по стезямъ, по которымъ нѣкого еще не водили, даже не ходили и сами; мы, не послѣдовать которымъ—правило самое короткое, и вмѣстѣ урокъ, всего прямѣе ведущій ко спасенію, мы, которыхъ эта возвышенность обличаетъ въ худыхъ нравахъ, а эта рѣшетка отдѣляетъ отъ прочихъ не жизнь, но высокомеріемъ. Но почему рѣшился я передать это слову, тогда какъ не люблю разглашать многое безъ уважительной причины; пусть слышитъ это всякій и теперь, и въ послѣдующія времена.

А рассказъ объ обстоятельствахъ моей жизни, хотя потребуется и длинное слово, необходимо начать нѣсколько выше, чтобъ не дать укрѣпиться лживымъ обо мнѣ рѣчамъ; потому что злые люди любятъ на пострадавшихъ слагать вину въ томъ, что сами сдѣлали имъ

худаго , чтобъ этою ложью еще болѣе причинить имъ зла, а себя избавить отъ обвиненій. И это пусть будетъ введеніемъ въ слово.

Отецъ мой былъ прекрасный и весьма добрый старецъ, простой нравомъ, образецъ для жизни, истинный патріархъ, второй Авраамъ. Добродѣтели его были дѣйствительныя, а не мнимыя, какія видимъ нынѣ. Прежде жилъ онъ въ заблужденіи , а потомъ сталъ другомъ Христовымъ , потомъ сдѣлался Пастыремъ , и даже какою-то мощію Пастырей. Матерь же моя, выражусь коротко, ни въ чемъ не уступавшая такому супругу , ему равновѣсный талантъ, происходя отъ благочестивыхъ родителей, сначала превосходила его благочестіемъ, и по тѣлу только была женщина , а по нравамъ превышала мужчинъ. Оба по жизни составляли для всѣхъ общій предметъ разговоровъ.

Чѣмъ подтверждаю слово , объявляя о слѣдующемъ ? Въ свидѣтели рассказываемаго мною представляю ее же— мою родительницу, эти уста истины. У ней было въ обычаѣ—лучше скрывать и явное, нежели изъ славолюбія хвалиться сокровеннымъ. И въ этомъ руководилъ ея великій наставникъ—страхъ. Она, желая видѣть въ домѣ своемъ рожденіе дитяти мужескаго пола, что, конечно, вождельно для многихъ, открыла желаніе свое Богу, и просила исполнить оное. И какъ сердце было неудержимо, предваря дарованіе усердіемъ, отдаетъ она Богу даръ, который желала получить. А потому и дорогой обѣтъ не остался безъ исполненія ; благопріятнымъ же началомъ сего послужило ей видѣніе , показавши тѣнь желаемого ; ей ясно представились и мой образъ и мое имя.

И этотъ даръ ночи сталъ дѣйствительностію , потому

что родился у нихъ я. И если достоинъ я обѣта, это даръ даровавшаго меня Бога. А если не соответствую обѣту, мой это грѣхъ. Такъ вступилъ я въ жизнь сію; такъ я несчастный сталъ сопряженъ съ брениемъ и съ этимъ составомъ, которые владѣютъ мною, и которыми съ трудомъ владѣю самъ! По крайней мѣрѣ не лѣзя благодарить за то, что въ залогъ всего прекраснаго получилъ я такое рожденіе. А какъ скоро вступилъ въ міръ, тотчасъ дѣлаюсь ему чуждымъ, и отчужденъ прекрасно, потому что посвященъ въ даръ Богу, какъ агнецъ, или любимый телецъ, жертва благородная и разумная, помедлю говорить, какъ новый Самуилъ, развѣ и сіе скажу изъ уваженія къ ревности принесшихъ меня въ даръ.

Отъ пеленъ воспитанный во всемъ прекрасномъ, потому что имѣлъ совершеннѣйшіе образцы для себя дома, тогда еще пріобрѣлъ я какую-то старческую степенность; и какъ облако къ облаку, мало по малу скопилось во мнѣ усердіе къ усовершенію. Я возрасталъ, а вмѣстѣ преуспѣвалъ во мнѣ и разумъ. Съ радостію читалъ я книги, въ которыхъ проповѣдуется о Богѣ, и имѣлъ обращеніе съ мужами, которые совершенны по нравамъ.

Таково было начало. Но не знаю, какую стезю избрать мнѣ для слова, при описаніи послѣдующаго. Скрыть ли мнѣ тѣ чудеса, какими возбуждалъ меня Богъ, принявъ ревность мою за доброе начало (ибо такъ влечетъ Онъ обыкновенно людей ко спасенію), или со всѣмъ усердіемъ изречь ихъ передъ всѣми? Одно не благодарно, а другое не безъ кичливости. Лучше молчать. Съ меня довольно и того, что знаю это самъ. Иначе будетъ противорѣчить слову видимое теперь, какъ недостаточное въ сравненіи съ тогдашнею ревностію. Но что необходимо, то сдѣлаю извѣстнымъ для многихъ.

Еще не опушились мои ланиты ; но мною владѣла какая-то пламенная любовь къ наукамъ. И не совсѣмъ чистыя ученія старался я придать въ помощь ученіямъ истиннымъ, чтобъ не превозносились ничему не обучившіеся, кромѣ суетнаго и пустаго краснословія, которое состоитъ въ громкости и благозвучіи , и чтобъ самъ я могъ не запутываться въ хитросплетеніяхъ лжеумствованій. Но мнѣ никогда не приходило на мысль предпочесть что либо нашимъ урокамъ.

Однако жъ, чему всегда подвергается пламенность молодыхъ людей, которая легко предается безпорядочнымъ стремленіямъ, тому подвергся и я, пустившись въ путь, какъ полный отваги молодой конь. Совершенно не благо- временно, когда еще не утихло море, когда , по словамъ знающихъ дѣло, грозилъ опасностію какой-то хвостъ тельца (а), и плыть было дѣломъ дерзости, а не благо- разумія, оставилъ я Александрію , гдѣ пожалъ уже нѣсколько познаній , и разсѣкалъ море , несясь прямо въ Элладу. Когда огибали мы Кипръ ; бунтующіе вѣтры всколебали корабль. Земля , море , эфиръ , омраченное небо—все слилось въ одну ночь. На удары молній отзывались громы, плескались канаты у надутыхъ вѣтрилъ, мачта гнулась, кормило потеряло всю силу, и ручку руля насильно вырывало изъ рукъ , вода стѣною стояла надъ кораблемъ и наполняла собою подводную его часть. Смѣшались плачевные крики корабельныхъ служителей , начальниковъ , хозяевъ корабля , путешественниковъ , которые всѣ, даже и не знавшіе прежде Бога, единогласно призывали Христа ; потому что страхъ — самый вразу-

(а) Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда , при заходѣ солнца , вос- ходитъ созвѣздіе тельца.

мительный урокъ. Но ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ бѣдствій было безводіе на корабль, который отъ сильныхъ потрясеній разсѣлся, и сквозъ дно пролились въ глубину всѣ, какія были на немъ, сокровища сладкой влаги. Надобно было умереть, борясь съ голодомъ, бурей и вѣтрами. Правда, Богъ посылаетъ скорое отъ этого избавленіе. Вдругъ появились финикійскіе купцы, и хотя сами въ страхѣ, но по нашимъ мольбамъ, узнавъ о крайности бѣдствія, съ помощію багровъ и при могучихъ ударахъ руками, какъ люди сильные, вскочили они на корабль, и спасаютъ насъ почти уже мертвыхъ плавателей, походившихъ на рыбъ, которыя оставлены моремъ на сушѣ, или на умирающій свѣтильникъ, которому недостаетъ питанія. Но между тѣмъ ревущее море, въ продолженіе многихъ дней, непрестанно больше противъ насъ свирѣпѣло. Послѣ многихъ поворотовъ не знали мы, куда плывемъ, и не видѣли себѣ никакого спасенія отъ Бога.

Когда же всѣ боялись смерти обыкновенной; для меня еще ужаснѣе была смерть внутренняя. Не гостепріимно убійственныя воды лишали меня водъ очистительныхъ, которыя соединили бы меня съ Богомъ. Объ этомъ проливалъ я слезы; въ этомъ состояло мое несчастіе; объ этомъ я, несчастный, простирая руки, возносивъ вопли, которые заглушали сильный шумъ волнъ, терзалъ свою одежду и, ницъ распростершись, лежалъ подавленный горестію. Но вотъ что, хотя мало вѣроятно, однако же совершенно не ложно. Всѣ плившіе на корабль, забывъ о собственномъ бѣдствіи, и, въ общемъ несчастіи ставъ благочестивыми, со мной соединяли молитвенные вопли. Столько были они сострадательны къ моимъ мученіямъ!

Ты, Христе, и тогда былъ моимъ великимъ Спасите-

лемъ, и теперь избавляешь отъ волненій жизни. Когда не представлялось никакой доброй надежды, ни острова, ни твердой земли, ни вершины горъ, ни горящаго свѣтильника, ни звѣздъ—путеуказателей мореходцамъ, ничего—ни большого, ни малаго не было въ виду, что тогда предпринимаю? Какое окончаніе моего затруднительнаго положенія? Отчаявшись во всемъ дольномъ, обращаю взоръ къ Тебѣ, моя жизнь, мое дыханіе, мой свѣтъ, моя сила, мое спасеніе, къ Тебѣ, Который устрашаешь, поражаешь, ослабляешься, врачуешь и къ горестному всегда присоединяешь полезное. Напомнявъ же Тебѣ о всѣхъ прежнихъ чудесахъ, въ которыхъ познаемъ Твою великую руку, о морѣ раздѣленномъ и о путешествующемъ по оному Израиль, о врагахъ побѣжденныхъ воздвиганіемъ рукъ, объ Египтянахъ, сокрушенныхъ небесными карами, о твари рабски повинующейся вождямъ, о стѣнахъ разрушенныхъ звукомъ трубъ и обхожденіемъ, а къ чудесамъ прославленнымъ издревле присовокупивъ чудеса и надо мною совершившіяся, сказалъ я: «Твой я былъ прежде, Твой и теперь. Ты двукратно приймешь меня, какъ одно изъ дорогихъ для Тебя достояній, какъ даръ суши и моря, очищенный и матернимъ обътомъ и чрезмѣрнымъ страхомъ. Для Тебя буду я жить, если избѣгну сугубой опасности. Ты утратишь Своего слугителя, если не спасешь меня. И теперь ученикъ Твой обуревается. Отряси сонъ, или прійди по водамъ, и прекрати опасность». Такъ говорилъ я, и бушеваніе вѣтровъ прекратилось, море опало, корабль понесся прямо. И вотъ пріобрѣтеніе моей молитвы. Кто ни былъ на кораблѣ, всѣ сошли съ него, благоговѣя предъ великимъ Христомъ, получивъ отъ Бога сугубое спасеніе. Между тѣмъ, миновавъ Родось, въ скоромъ времени, при по-

путномъ вѣтрѣ , взошли мы въ эгинскую пристань ; потому что корабль былъ эгинскій .

Потомъ . Аѣины и науки . Но пусть другіе скажутъ , что было тамъ , какъ жилъ я въ Божіемъ страхѣ , стараясь первенствовать между знавшими то , что есть самое первое ; и когда другіе молодые люди между своими собратствами , въ порывахъ юности и отважной стремительности , предавались излишествахъ , проводилъ я тихую жизнь . Подобно тому источнику , который , какъ сказываютъ , и среди горькихъ водъ моря остается сладкимъ , не увлекался я за тѣми , которые вели къ пагубѣ , но самъ привлекалъ друзей къ совершеннѣйшему . А мнѣ Богъ и въ этомъ оказалъ благодѣяніе , соединилъ меня узами дружбы съ человѣкомъ самымъ мудрымъ , который одинъ и жизнь и словомъ всѣхъ былъ выше . Кто жъ это ? Весьма легко узнаете его . Это Василій — великое приобрѣтеніе для настоящаго вѣка . Съ нимъ вмѣстѣ мы учились , и жили , и размышляли . Если должно чѣмъ и похвалиться , то я составлялъ съ нимъ чету не безчестную для Эллады . У насъ все было общее , и одна душа въ обоихъ связывала то , что раздѣляли тѣла . А что преимущественно насъ соединяло , такъ это Богъ и стремленіе къ совершенству . Когда приобрѣли мы столько взаимной довѣренности другъ къ другу , что высказали одинъ другому и глубины сердечныя ; тогда соединились между собою еще тѣснѣйшими узами любви ; потому что одинаковость чувствованій и взаимную привязанность дѣлаетъ болѣе неразрывною .

Что же потомъ ? — Возвращеніе въ отечество и избраніе рода жизни . Много уже времени посвящено было наукамъ . Мнѣ почти исполнилось тридцать лѣтъ . Здѣсь-то узналъ я , сколько любили насъ товарищи , и какое

имѣли о насъ мнѣніе. Время приближалось, приближался и трудный подвигъ. Нужны стали объятія и слезныя напутственныя рѣчи, въ которыхъ припоминались сердечныя воспламененія другъ къ другу. Принужденно и съ трудомъ, однако же уступили Василию, когда представилъ многія причины своего отъѣзда. А у меня и теперь еще текутъ слезы, при воспоминаніи о тогдашнемъ смущеніи. Съ великою поспѣшностію окружили меня всѣ, чужеземцы, близкіе знакомые, сверстники, учителя; къ заклинаніямъ и слезамъ присоединили даже и насиліе; дружба внушила имъ отважиться и на это. Меня крѣпко держали, говоря: «Что ни будетъ, не выпустимъ отсюда! Почтенныя Аѣины не должны лишиться тебя; они по общему приговору отдадутъ тебѣ первенство въ словесности». Одинъ дубъ развѣ могъ бы противиться столькимъ слезамъ и убѣжденіямъ, и я уступилъ, впрочемъ не совершенно. Меня влекло къ себѣ отечество. Оно одно почти подъ солнцемъ было сильно вѣрою. Тамъ посвятить себя любомудрію — казалось мнѣ прекраснѣйшимъ дѣломъ. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостію и временемъ. Поэтому не долго пробылъ я въ Аѣинахъ, скрылся оттуда почти тайно и пустился въ путь.

Показалъ я и образцы своего краснорѣчія, удовлетворилъ недугу людей, которые требовали отъ меня этого, какъ долга. Но въ виду у меня были не рукоплесканія, не говоръ удивленія, не упоенія, не поклоненія, которыми въ толпѣ молодыхъ людей восхищаются софисты. Я выше всего поставилъ для себя то любомудріе, чтобъ и все прочее, и ученые труды свои повергнуть предъ Богомъ, какъ иные оставляли помѣстья свои пастухамъ, или, собравъ свое золото, кидали въ морскую глубину. Одна-

ко же, какъ сказалъ я, покорился я волѣ друзей. И сіе послужило какъ бы предуготовительнымъ упражненіемъ къ будущимъ подвигамъ, или преддверіемъ важнѣйшихъ таинствъ.

Наконецъ нужна была мужественная рѣшимость. Во внутреннее судилище собираю друзей, то есть, помыслы свои—этихъ искреннихъ совѣтниковъ. И когда искалъ я лучшаго изъ лучшаго, страшный круговоротъ объялъ мой умъ. Равно было рѣшено мною—все плотское вринуть въ глубину; и теперь это всего болѣе правилось. Но когда сталъ я разсматривать самые пути божественные, не легко было найдти путь лучшій и гладкій. И тотъ и другой изъ нихъ, какъ это часто бываетъ съ нами, когда рѣшаемся на какое либо дѣло, казался по чему нибудь или хорошимъ, или худымъ. Если же состояніе мое изобразить какимъ нибудь сравненіемъ; то я походилъ на человѣка, который задумываетъ отдаленное какое-то странствованіе, но, избѣгая плаванія по морю и трудовъ мореходныхъ, отыскиваетъ путь, на которомъ было бы больше удобствъ. Приходили мнѣ на мысль Ілія Оесвитянинъ, великій Кармилъ, необычайная пища, достояніе Предтечи—пустыня, нищетолюбивая жизнь сыновъ Іоанадавовыхъ. Съ другой стороны пересиливали любовь къ Божественнымъ книгамъ и свѣтъ Духа, очерпаемый при углубленіи въ Божіе Слово, а такое занятіе—не дѣло пустыни и безмолвія. Много разъ колебался я туда и сюда, и наконецъ умирилъ свои желанія, и скитающійся умъ установилъ на срединѣ, а именно слѣдующимъ образомъ.

Я примѣчалъ, что люди, которымъ нравится дѣятельная жизнь, полезны въ обществѣ, но бесполезны себѣ, и ихъ возмущаютъ бѣдствія; отъ чего мягкій нравъ ихъ

приходитъ въ волненіе. Видѣлъ также, что живущіе въ міра почему-то гораздо благоустроеннѣе и безмолвнѣе умомъ взирають къ Богу; но они полезны только себѣ, любовь ихъ заключена въ тѣсный кругъ, а жизнь, какую проводятъ, необычайна и сурова. Поэтому вступилъ я на какой-то средній путь между отрѣшившимися и живущими въ обществѣ, занявъ у однихъ собранность ума, а у другихъ—стараніе быть полезнымъ для общества.

Присовокупились и важнѣйшая причина—признательность къ людямъ достопочтеннымъ, разумѣю родившихъ меня, у которыхъ былъ я въ долгу. И какъ всего благочестивѣе первую честь по Богу воздавать родителямъ, которымъ обязаны мы и тѣмъ, что познаемъ Бога; то я лелѣлъ ихъ старость, поддерживалъ всѣми силами, водилъ ихъ за руку, чтобъ самому имѣть счастливую старость, угождая ихъ старости. Ибо чтò сѣмъ, то и пожинаемъ. И для меня составляло это часть образованія въ любомудріи—не показывать и вида, что тружусь для жизни превосходнѣйшей, но въ большей мѣрѣ быть, а не казаться угождающимъ Богу. Поэтому, хотя признавалъ я, что надобно любить тѣхъ, которые ведутъ жизнь дѣятельную, въ удѣлъ отъ Бога получили честь—посредствомъ Божественныхъ таинствъ руководить народъ, однако же самъ, по видимому, принадлежа къ обществу, больше имѣлъ привязанности къ жизни монашеской; потому что она состоитъ не въ тѣлесномъ мѣстопробываніи, но въ обузданіи нрава. Церковная же кафедра была для меня досточестна, но какъ стоялъ я вдали, то казалась она тѣмъ же, чѣмъ и солнечный свѣтъ бываетъ для слабыхъ глазъ. Скорѣе могъ бы надѣяться я всего инаго, только не того, что, среди многихъ переворотовъ въ жизни, получу ее самъ.

Но человѣку не лѣзя ни о чемъ важномъ говорить рѣшительно. Зависть всегда полагаетъ преграды нашимъ пареніямъ. Не бери примѣровъ далеко ; посмотри на мою жизнь. Я располагалъ собою такъ, но меня настигла страшная буря. Отецъ мой въ точности зналъ мои мысли, но не понимаю, почему, можетъ быть, побужденный отеческою любовію (а любовь при власти сильна), чтобъ удержать меня духовными узами , и почитать лучшимъ изъ того, чѣмъ обладалъ самъ, противъ воли возводитъ на одинъ изъ низшихъ престоловъ (б).

При этомъ принужденіи (и доселѣ не могу назвать сего иначе ; да простиъ меня Божій Духъ за такія чувствованія !) такъ сильно возскорбѣлъ я , что забылъ все, друзей, родителей, отечество, родъ, и, какъ волъ, уязвленный слѣпнемъ, ушелъ въ Понтъ, надѣясь тамъ въ божественномъ другѣ найти себѣ врачевство отъ горести. Тамъ, въ сожителствѣ съ Богомъ , трудился онъ , покрытый облакомъ , какъ одинъ изъ ветхозавѣтныхъ мудрецовъ. Это былъ Василій , который теперь съ Ангелами. Онъ облегчилъ скорбь моего сердца. Между тѣмъ добрый отецъ , изнемогающій отъ старости и желанія имѣть меня при себѣ, много убѣждалъ сына почитать послѣдніе дни его жизни. А во мнѣ и самое время ослабло чувство бѣдствія. И я опять (чего бы никогда не надлежало дѣлать) пускаюсь въ глубину, убоявшись слезныхъ отеческихъ угрозъ. Опасно было , чтобъ нѣжность не обратилась въ клятву ; ибо таково бываетъ прогнѣванное простодушіе.

Не много времени прошло послѣ этого, и новое тревоженіе ; не умѣю сказать , сколько оно было свирѣпе

(б) Въ санъ пресвитера.

прежняго. Но не будетъ излишнимъ все пересказать друзьямъ. Братъ мой занималъ въ свѣтѣ высокую должность. Братъ мой, — о какъ ты силенъ злобный демонъ! — братъ мой, когда ему ввѣрена была государственная жазна, умираетъ на должности. На имущество и останки умершаго кинулось множество псовъ; все расхищали домашніе, сторонніе, друзья. Когда дубъ упалъ, кто не занасаетъ себѣ дровъ? Но сколько касалось это собственно до меня; то я не боялся еще стеченія дѣлъ; потому что былъ — свободная птица, которой не трудно улетѣть вверхъ. Однако же необходимо было вмѣстѣ съ прекраснымъ родителемъ нести на себѣ все, — и доброе, и худое, и раздѣлять съ нимъ, если не имѣніе, то заботы. А кто занесъ первый шагъ надъ пропастью и поскользнулся однажды, тотъ не въ состояніи уже удержаться и падаетъ въ стремнистую глубину: такъ и для меня, какъ скоро вкусилъ я золь, изъ одной бѣды выростала другая.

Въ это время (умолчу о томъ, что было дотолѣ, опасаясь подать мысль, что произношу хульное слово на человѣка, котораго теперь только ублажалъ я съ благословеніями) пришелъ ко мнѣ возлюбленнѣйшій изъ друзей Василій (со скорбію выговариваю слово, однако жъ скажу). Онъ сталъ для меня другимъ отцемъ, возложившимъ на меня бремя еще болѣе тягостное. Но отъ одного должно было терпѣть, хотя поступалъ со мною и властительно: терпѣть же отъ другаго, ради дружбы, приносившей мнѣ вредъ, а не освобожденіе отъ бѣдствій, не было необходимости.

Не знаю, кого винить за случившееся со мною; оно все еще, какъ недавнее, приводитъ меня въ волненіе: винить ли больше себя за свои грѣхи (а они часто и

сильно меня угрызали), или тебя, превосходнѣйшій изъ людей, упрекнуть въ превозношеніи, до котораго довелъ тебя престолъ? Если все прочее принять во вниманіе; то, можетъ быть, и самъ ты не пожелать бы (какъ и не желалъ дотолѣ по своей великой добротѣ) взять надо мною перевѣсъ. А если бы и пожелалъ; то, вѣроятно, удержалъ бы тебя какой нибудь благомыслящій судія, хорошо знающій обоихъ насъ. Что жъ съ тобою сдѣлалось? За что вдругъ бросилъ ты меня въ такую отъ себя даль? Да погибнетъ въ мірѣ законъ дружбы, которая такъ мало уважаетъ друзей! Вчера мы были львы; но теперь я сталъ обезьяной, а ты почти что левъ. Если бы такъ смотрѣлъ ты на всѣхъ своихъ друзей; то (скажу горделивое слово) не надлежало бы по крайней мѣрѣ тебѣ смотрѣть такъ на меня, котораго, бывало, предпочиталъ ты прочимъ друзьямъ, пока не вознесся за облака, и не стало все ниже тебя.

Но къ чему волнуешься, сердце мое? Удержи коня силою, и пусть рѣчь опять идетъ своей тропою. Лжецемъ для меня сталъ этотъ во всемъ прочемъ нелживѣйшій другъ. Не разъ слыхалъ онъ, какъ я говаривалъ: «Теперь все надобно переносить, хотя бы случилось что и худшее. Но какъ скоро не станеть родителей на свѣтѣ, тогда мнѣ будетъ полная возможность оставить дѣла, и отъ бездомной жизни пріобрѣсти хотя ту выгоду, что легко буду гражданиномъ всякаго мѣста». Онъ слыхалъ это, и хвалилъ мое разсужденіе. Но при всемъ томъ, вмѣстѣ съ отцемъ моимъ, насиленно возводить на епископскій престолъ, въ другой разъ запнувъ меня въ этомъ.

Не приходи въ безпокойство, пока не узнаешь всего. Если бы враги мои потратили много времени, выиски-

вая, тѣмъ довести меня до безславія , то , думаю , не иній, а этотъ же самый нашли бы они способъ. Хочешь ли узнать, какой? Скажетъ тебѣ всякій , кому только поступокъ сей казался не приличнымъ. Какъ же вель я себя съ другомъ, объ этомъ знаетъ Понтъ, знаетъ Кесарія , знаютъ всѣ общіе наши друзья. Низко было бы укорять меня въ этомъ. Воспоминать о сдѣланномъ добрѣ прилично тому, кто имъ пользовался, но не прилично тому, кто его сдѣлалъ. Но каковъ онъ быть ко мнѣ, пусть увѣрять въ томъ самыя дѣла !

На большой дорогѣ, пролегающей чрезъ Капшадокію, есть мѣсто обычной остановки проѣзжихъ , съ котораго одна дорога дѣлится на три, мѣсто безводное, не произрастающее и былинки, лишенное всѣхъ удобствъ , селеніе ужасно скучное и тѣсное. Тамъ всегда пыль , стукъ отъ повозокъ, слезы , рыданія, собиратели налоговъ, орудія пытки, цѣпи ; а жители — чужеземцы и бродяги. Такова была церковь въ моихъ Сасимахъ ! Вотъ какому городу (подлинно это великодушіе !) отдалъ меня тотъ , кому было мало пятидесяти хорепископовъ. И чтобы удержать это за собою, когда другой отнималъ насильно, установилъ новую каеэдру. А я у него (потому что и мы были нѣкогда сильны) стоялъ въ первомъ ряду воинственныхъ друзей. И конечно, раны за дѣло святое не страшны : потому что , кромѣ прочаго исчисленнаго мною, овладѣть этимъ престоломъ не возможно было безъ пролитія крови. Онъ служилъ предметомъ спора для двоихъ , состязующихся епископовъ ; между ними открылась страшная брань , а причиною тому служило раздѣленіе нашего отечества , по которому два города дѣлались начальственными надъ другими меньшими. Въ предлогъ представлялось попеченіе о душахъ , а

истиннымъ побужденіемъ было любоначаліе, не осмѣлюсь сказать : сборы и поборы , отчего весь міръ приходитъ въ жалкое колебаніе.

Что справедливо было бы сдѣлать мнѣ ? скажите предъ Богомъ. Терпѣть ? Принять на себя всѣ удары бѣдствій ? Идти, не взирая ни на что ? Погрязнуть въ тинѣ ? Идти туда , гдѣ не могъ бы я упокоить и этой старости , непрестанно насильственной рукою гонимый изъ-подъ крова, гдѣ не было бы у меня хлѣба , чтобъ разломить его съ прищельцемъ, гдѣ я нищій принялъ бы въ управленіе народъ также нищенствующій , не видя никакого средства оказать ему услугу , и изобилуя только тѣмъ , что есть въ городахъ худаго, гдѣ я долженъ былъ обирать тернія, а не розы съ терній , пожинать одни бѣдствія , не прикрытыя никакими выгодами ? Требуя отъ меня великодушія въ другомъ чемъ, если хочешь, а это предложи тѣмъ , которые меня премудрѣ ! Вотъ что принесли мнѣ Аѳины , общія упражненія въ наукахъ , жизнь подъ одной кровлею , питаніе съ одного стола , одинъ умъ, а не два, въ обоихъ , удивленіе Эллады и взаимныя обѣщанія, какъ можно , дальше отринуть отъ себя міръ , а самимъ жить общею жизнью для Бога , успѣхи же въ словѣ принести въ даръ единому, премудрому Слову ! Все разсыпалось ! Все брошено наземь ! Вѣтры разносятъ давнія надежды ! Куда бѣжать ? Развѣ вы, дикіе звѣри, примете меня къ себѣ ? У нихъ, думаю, болѣе вѣрности. Вотъ каково , скажу короче , было мое положеніе !

Но послѣ того, какъ я, хотя не подклонился духомъ, подклонилъ однако же вью, что сказать мнѣ ? Съ которой бы стороны ни сталъ я изображать всю свою болѣзнь, вездѣ для меня жало. Опять я бѣглець , опять

укрываюсь въ гору, предаваясь любимому мною образу жизни, услаждаюсь имъ. Какую же пользу приносить мнѣ это? Оказалось, что былъ я нерычительный бѣглець. Во всемъ иномъ умѣя быть терпѣливымъ, не имѣлъ я въ этомъ мужества, не вынесъ отеческаго гнѣва. Первымъ покушеніемъ отца моего было утвердить меня въ Сасимахъ. Но какъ не имѣло оно успѣха, пускается онъ въ новое плаваніе, и простираетъ ко мнѣ руки, касается моей бороды, прося, чтобъ я не оставался на низшей степени, но трудясь вмѣстѣ съ нимъ (потому что его обременяла уже плоть), облегчалъ его труды. И какихъ не употребилъ онъ убѣжденій? «Тебя, любезнѣйшій изъ сыновей,—говорилъ онъ,—умоляетъ отецъ, юнаго молить отецъ старецъ, служителя молить тотъ, кто и по естеству и по двоякому закону твой владыка. Не золота, не серебра, не дорогихъ камней, не участковъ воздѣланной земли, не потребностей роскоши прошу у тебя, чадо, но домогаюсь того, чтобъ содѣлать тебя другимъ Аарономъ и Самуиломъ, досточестнымъ представителемъ Богу. Ты, сынъ, принадлежишь Даровавшему тебя. Не обезчести меня, чтобъ и къ тебѣ былъ милосердъ единый нашъ Отецъ. Прекрасно мое требованіе, по крайней мѣрѣ, оно отеческое. Ты не живешь еще столько на свѣтѣ, сколько прошло времени, какъ я приношу жертвы Богу. Сдѣлай мнѣ эту милость; сдѣлай, или другой предастъ меня гробу. Такое наказаніе опредѣляю я за непокорность. Подари не многіе дни останку моихъ дней, а прочю своею жизнію располагай, какъ тебѣ угодно.»

Когда выслушалъ я это, и душа высвободилась нѣсколько изъ-подъ бременившей ее тяготы, какъ солнце изъ-за облаковъ; что тогда происходитъ, чѣмъ оканчи-

ваются мои страданія? Разсудилъ я самъ съ собою, что нѣтъ еще бѣды, во избѣжаніе каѳедры, исполнить желаніе отца. «Ибо это,—говорилъ я,—не удержитъ противъ воли меня, котораго не связываютъ ни нареченіе, ни обѣщаніе.» Вотъ до чего довелъ меня превозмогшій страхъ!

Но когда родители мои преселились изъ этой жизни, сподобившись жребія, къ которому давно поспѣшали; я не на добро остался свободнымъ. Правда, что вовсе не касался я данной мнѣ церкви, ни однажды не совершалъ тамъ служенія Богу, не молился съ народомъ, не возложилъ рукъ ни на одного изъ клириковъ; но что касается до Церкви отцевой (нѣсколько людей благоговѣйныхъ напали на меня, и не преставали заклинять, угрожая успѣхами множества людей богомерзкихъ); то имѣлъ я о ней нѣкоторое попеченіе въ продолженіе краткаго времени (не отрицаюсь отъ сего), но имѣлъ какъ челоуѣкъ сторонній о Церкви чужей. Это самое всегда говорилъ я епископамъ, отъ глубины сердца прося у нихъ, какъ дара, поставить кого нибудь епископомъ сего малаго града. По всей справедливости утверждалъ я, во-первыхъ, что не принималъ этой Церкви въ управленіе по гласному нареченію, а во-вторыхъ еще, что у меня давняя мысль—бѣжать и друзей и дѣлъ. Но я не могъ ихъ убѣдить, и одни, по великой ко мнѣ привязанности, а другіе, можетъ быть, по высокоумдію, хотѣли взять надо мною верхъ. Поэтому пошелъ я сперва бѣглецемъ въ Селевкію, ко храму прославляемой дѣвы Θεκly, разсуждая, что, можетъ быть, такимъ средствомъ, когда утомить ихъ время, убѣдятся отдать бразды другому. Тамъ провелъ я не мало времени. Но опять встрѣтивъ свои бѣдствія, не нашелъ ни одной изъ выгодъ,

какихъ ожидать. И дѣла, которыхъ думалъ я избѣжать, какъ съ сроку, явились ко мнѣ въ великомъ множествѣ.

Но здѣсь, конечно, самое трудное въ моемъ словѣ. Впрочемъ скажу, хотя буду говорить и очень извѣстное, скажу, чтобъ вы, когда нѣтъ съ вами меня, имѣли по крайней мѣрѣ это слово во врачевство отъ скорби, въ укоръ врагамъ, и въ свидѣтельство друзьямъ, отъ которыхъ я, ничѣмъ ихъ не обидѣвъ, самъ потерпѣлъ обиду.

Природа не произвела двухъ солнцевъ; но два Рима, два свѣтила для цѣлой вселенной, древняя и новая Держава. Они тѣмъ только различаются между собою, что одинъ тамъ, гдѣ возсіяваетъ солнце, а другой на западѣ. Но что до красоты, они въ красотѣ не уступаютъ другъ другу; и если спросить объ ихъ вѣрѣ, одинъ съ давняго времени шелъ добрымъ путемъ и идетъ еще до нынѣ, весь Западъ связуя спасительнымъ словомъ, какъ и должно первопрестольному въ цѣломъ мѣрѣ граду, который чтитъ всецѣлое согласіе Божества; а другой (говорю это о моемъ, а потомъ уже не моемъ Римѣ) былъ прежде правошественъ, но теперь не таковъ, напротивъ же того погрязъ въ безднѣ погибели послѣ того, какъ легкомысленный и исполненный всѣхъ золъ городъ Александрія—эта безумная кипучесть, послалъ отъ себя мерзость запустѣнія—Арія, который первый сказалъ, что не достопокланяема Троица, нераздѣлимую сущность разсѣкши на неравныя части, въ одномъ естествѣ разграничилъ предѣлы достоинству, отчего и мы разошлись по разнымъ путямъ.

Однако же, какъ ни злосчастенъ былъ этотъ городъ, доведенный до такого состоянія, и по закону времени (ибо всякій застарѣвшій обычай обращается въ законъ) отъ невѣрія погибшій жалкою смертію, въ немъ было

еще малое сѣмя жизненнаго дыханія, были души совершенныя въ словѣ вѣры, былъ народъ, правда, малочисленный, но многочисленный предъ Богомъ, Который приемлетъ въ счетъ не множество, но сердца; въ немъ было надежное насажденіе, былъ самый драгоценный останокъ.

Къ нимъ благодать Духа послала меня: обо мнѣ думали, что значу нѣчто предъ Богомъ, какъ человѣкъ, извѣстный жизнiю и словомъ, хотя всегда велъ я сельскую жизнь. Меня приглашали многіе и изъ Пастырей, и изъ овецъ, приглашали быть помощникомъ народу, защитникомъ слову, души безводныя, но еще зеленыя, освѣжить струями благочестія, съ питательностію елея подлить свѣта въ свѣтильникъ, а многооборотливыя словосплетенія языковъ борзыхъ, которыми губится простота вѣры,—эти паутинныя ткани, гнилыя узы, смѣшныя для крѣпкихъ, но связывающія легкомысленныхъ, разрѣшить и расторгнуть твердымъ ученіемъ, чтобъ могъ избѣжать сѣтей всякій, кто попалъ въ нихъ.

Такъ, не по доброй волѣ, но насильно увлеченный другими, пришелъ я туда быть защитникомъ слова. Ибо носилась молва о какомъ-то сборищѣ епископовъ, которые вводятъ въ Церковь новоявившееся еретическое ученіе. То сраствореніе съ нами Бога-Слова, въ какое вступилъ Онъ, Самъ не измѣнившись, но пріавъ на Себя человѣка имѣющаго душу и умъ, доступнаго свойственнымъ тѣлу страданіямъ, цѣлаго прежняго Адама кромѣ грѣха, это, говорю, сраствореніе разсѣкается въ новомъ ученіи. И оно вводитъ какого-то неумнаго Бога, какъ бы убоившись, что умъ вступитъ въ противоборство съ Богомъ. Но на такомъ основаніи убоился бы я и тѣлесной природы, потому что она еще гораздо дальше отъ Бога. Или конечно, когда все имѣло нужду въ спасеніи,

опредѣлено было погибнуть совершенно уму, который преимущественно предъ всѣмъ надлежало спасти моему Богу, и который всего болѣе погубленъ въ первосозданномъ; потому что умомъ и принялъ онъ законъ, и измѣнилъ закону! Но чтò было оставлено въ небреженіи; то и надлежало воспріять, и потому да спасетъ Слово не половину меня, который весь пострадалъ! И да не безчестится Богъ тѣмъ, что будто* бы воспріалъ не цѣлаго меня, но одно брѣніе, душу неразумную, душу какого-то безсловеснаго животнаго, которое, конечно, и спасено, по твоему ученію. Да удалить отъ себя подобныя мысли всякій благочестивый! Ибо разсѣкающіе дольнее благосраствореніе, хотя противоположнымъ образомъ, однако жъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, равно погрѣшаютъ, какъ и тѣ, которые необдуманно вводятъ двухъ сыновъ, одного отъ Бога, а другаго отъ Дѣвы. Одни худо обсѣкаютъ, а другіе худо удворяютъ. Если два сына; боюсь, что выйдетъ одно изъ двухъ, или будемъ поклоняться двумъ Богамъ вмѣсто одного, или, когда изъ благоговѣнія не захотимъ потерпѣть сего, Совокупленное (в) поставимъ внѣ Божества. Хотя Богъ не можетъ потерпѣть ничего такого, чтò терпитъ плоть; однако же естество человѣческое приобщилось всецѣлаго Бога, приобщилось не такъ, какъ Пророкъ, или кто другой изъ людей богодухновенныхъ, приобщающійся не Бога, но Божіихъ даровъ, напротивъ того приобщилось такъ, что Богъ въ естествѣ человѣческомъ пребываетъ Своею сущностію, какъ солнце въ лучахъ. Поэтому да не будетъ у насъ о нихъ слова, если не хотятъ поклоняться Богочеловѣку, какъ единому и

(в) *Τὸ σὺνθετον*, то есть Иисуса Христа, въ Которомъ совокуплены Божество и человечество.

воспріявшему , и вмѣстѣ воспріятому , безлѣтному и подчинившемуся времени , сущему отъ единого Отца и отъ единой Матери ,—двумъ естествамъ , сочетавшимся во единого Христа !

Но въ какомъ положеніи были мои дѣла ? Пришедши туда, встрѣтилъ я множество бѣдствій. Сначала городъ пришелъ въ волненіе и возсталъ противъ меня, будто бы вмѣсто единого Бога я ввожу многихъ боговъ. И это было не удивительно. Такъ ихъ учили, что вовсе не знали они благочестиваго ученія, не знали, какъ Единица умопредставляется троично, и Троица — единично, если въ обоихъ случаяхъ умопредставлять благочестно. А простой народъ увлекается въ пользу страждущихъ. Такъ, ощутивъ жалость къ тогдашнему своему предстоятелю и Пастырю, стоялъ за бѣдствующаго и этотъ многочисленный народъ, исполненный высокаго о себѣ мнѣнія, почитавшій для себя крайнимъ позоромъ—не одержать въ чемъ нибудь верха. Умолчу о камняхъ—этомъ угощеніи, какое сдѣлали они мнѣ, и укорю развѣ за то, что были не удачны въ выборѣ цѣли и мѣтили въ тѣхъ, въ кого попасть было напраснымъ убійствомъ. А потомъ меня, какъ убійцу, представили правителямъ города, которые смотрѣли какъ-то съ высока и надменно, и у которыхъ одинъ былъ законъ—домогаться народной къ себѣ благосклонности. Къ нимъ представили меня, который, какъ ученикъ Слова, никогда не сдѣлалъ и не помыслилъ ничего зловерднаго. И защитникомъ мнѣ въ словѣ предсталъ Христосъ, вспомоествуя моему защитительному слову. Онъ спасалъ и отданныхъ въ сожительство лвамъ ; Онъ оросилъ огонь въ прохлажденіе юношамъ ; Онъ изъ кита содѣлалъ молитвенный домъ благочестивыхъ ; Онъ и меня прославилъ на судѣ чуждомъ .

Потомъ обнаружилось ужасное ревнованіе въ моихъ ; они влекутъ меня къ какому-то Павлу и Аполлосу (г), которые никогда за насъ не воплощались и не проливали крови , въ драгоцѣнномъ страданіи , между тѣмъ какъ именуемъ ихъ именемъ , а не именемъ Спасшаго насъ. Съ ними все приводится въ движеніе ; все потрясено , какъ будто Церковь благоденствуетъ въ другихъ отношеніяхъ. Но какъ устоятъ корабль , или городъ , или воинство , или полнота лика , или дружелюбный домъ , когда въ нихъ больше разрушающаго , нежели скрѣпляющаго ? Это самое и было тогда съ Христовымъ народомъ. Благородное порожденіе сіе еще не окрѣпло , не приобрѣло смѣлости , не отрѣшилось отъ дѣтскихъ пеленъ , не оперлось еще нѣжною стопой на землю , какъ уже въ глазахъ родителей было посѣчено , брошено наземь , истерзано волками , жаждавшими моего безчадія.

Несносно имъ было , что челоѣкъ самый бѣдный , сторбленный , поникшій въ землю , одѣтый худо , обуздавшій чрево слезами , страхомъ будущаго и другими зло-страданіями , странникъ , скиталецъ , не имѣющій ничего привлекательнаго для взоровъ , сокрытый во тмѣ земной , беретъ преимущество предъ людьми , отличающимися силою и красотою. Отъ нихъ слышны были такіа почти слова : « Мы льстимъ , а ты нѣтъ ; мы чтимъ высокія сѣдалища , а ты чтишь богобоязненность ; мы любимъ дорогія яства , а ты любишь дешевую пищу , въ которой вся приправа—соль , и презираешь соленую горечь высокоумія . Мы рабы времени и народныхъ прихотей , отдаемъ ладью свою всякому подушему вѣтру , у насъ

(г) Должно думать , что подъ Павломъ и Аполлосомъ разумеются здѣсь Мелетій и Павланъ.

ученіе, на подобіе хамелеоновъ , или полиповъ , принимаетъ непрестанно новый цвѣтъ , а ты — неподвижная наковальня. Какая надменность! Какъ будто всегда одна вѣра , что такъ слишкомъ стѣсняешь догматы истины , ступая все по одной скучной стезѣ слова. Для чего же тебѣ, превосходнѣйшій , и народъ привлекать говорливымъ своимъ языкомъ ? Для чего съ успѣхомъ низлагать предающихся худымъ мудрованіямъ въ заблужденіяхъ всякаго рода? Для чего не одинакимъ быть для друзей и для стороннихъ , но для однихъ камнемъ магнитомъ , а для другихъ працею »?

Но если это не худо (какъ и дѣйствительно не худо), для чего негодуешь , какъ будто встрѣтивъ какую несообразность? Если же худо (какъ это тебѣ одному кажется); суди правдиво, какъ Божій предстоятель. Порази меня , который впалъ въ погрѣшность ; но не трогай народъ , который не сдѣлалъ никакой неправды , кромѣ того, что любить меня и покорился моимъ наставленіямъ.

Въ состояніи еще былъ я сносить первыя нападенія. Хотя новость изумила меня не надолго, подобно грому, внезапно поразившему слухъ , или быстротѣ молніи , облившей непривычные глаза, но на мнѣ не было еще ранъ , и могъ я все перенести. И надежда , что дѣла пріймутъ счастливый оборотъ, и въ другой разъ не случится со мной того же, убѣждала меня легко переносить несчастіе. Но изъ этого самаго скорѣ произошло для меня новыя бѣды. Какъ мнѣ описать труды свои? Какъ могъ привести въ исполненіе такое злое дѣло ты, изобрѣтатель всякаго зла , завистливый демонъ ? Меня низложили не кровь, не жабы, не тучи скниповъ , не песьи мухи, не истребленіе скотовъ , не струпы, не градъ, не пруги, не тма , не губительство первородныхъ—это по-

слѣднее изъ бѣдствій, какія, что всякому извѣстно, были казнями для свирѣпыхъ Египтянъ, а наконецъ меня сокрушили и не волны Чермнаго моря, потопившія народъ. Что же поколебало меня?— Легкомысліе Египтянъ. А какъ поколебало?— Это стоитъ того, чтобы рассказать о семъ; ибо можетъ послужить вѣчнымъ памятникомъ позора для злыхъ.

У насъ въ городѣ былъ человѣкъ женоподобный, какое-то египетское привидѣніе, злое до бѣшенства, песь, и песь изъ мелкихъ, уличный прислужникъ; Арей, безгласное зло, китовидное чудовище, красный, черноволосый, курчавый, косматый. Курчавымъ было онъ издавна, а космы изобрѣтены вновь; потому что искусство— второй творецъ. Всего чаще это бываетъ дѣломъ женъ, а иногда и мужчины золотятъ и завиваютъ волосы, обстриженные по-философски. Употребите же въ дѣлю, мудрецы, и тѣ притиранья, которыя на лицахъ у женщинъ. Ибо для чего однѣмъ любомудрымъ женамъ пользоваться этимъ неприличнымъ и худымъ благообразіемъ, которое служить безмолвною вывѣскою нравовъ? Что Максимъ не принадлежитъ уже къ числу мужчинъ, это тайлось до времени, а теперь показала его прическа. Для насъ удивительно въ нынѣшнихъ мудрецахъ, что природа и наружность у нихъ двойственны, и жалкимъ образомъ принадлежать они обоимъ поламъ; по волосамъ походятъ на женщинъ, а по жезлу на мужчинъ. Этимъ хвастался и Максимъ, какъ человѣкъ, значащій что-то въ городѣ; у него плечи всегда осѣнялись золотыми кудрями; съ волосъ, какъ изъ пращей, летали умствованія, и всю ученость носилъ онъ на тѣлѣ. Онъ, какъ слышно, прошелъ по многимъ лукавымъ путямъ; но объ иныхъ пусть разыскиваютъ другіе; у меня нѣтъ

и времени входить въ изслѣдованіе всего ; впрочемъ это имѣется во многихъ записяхъ у градоправителей. Наконецъ утверждается онъ въ этомъ городѣ.

Здѣсь у него не доставало привычной ему пищи ; но глазъ его былъ зорокъ, и чутье у него было мудрое ; потому что нельзя не назвать мудрымъ и этого горькаго для меня замысла—низложить съ каедедры меня, который не имѣлъ ее, и вообще не почтенъ былъ никакимъ титуломъ, а только охранялъ и примирялъ народъ. Но еще премудрѣе то, что всю завязку дѣла, какъ опытный изобрѣтатель и слагатель козней , ведетъ онъ не чрезъ постороннихъ, но чрезъ меня же самого , человѣка вовсе къ тому не привычнаго, совершенно не знакомаго съ хитростями и привыкшаго уважать другаго рода хитрость, а именно, чтобъ сказать нѣчто мудрое, похвалить, когда скажетъ это другой, и изъ Божественныхъ книгъ извлечъ самое ихъ сердце.

При описаніи такого бѣдствія хочу сказать одно новое слово. Надлежало бы всѣмъ быть одинакими по нравамъ, или неопытными, или преухищренными въ злѣ ; потому что меньше вреда терпѣли бы одни отъ другихъ, когда бы нравы у всѣхъ были уравнишены, или согласны. А теперь добрые дѣлаются добычею злыхъ. Чтò значить такое смѣшеніе твари ? Какъ много неравенства въ тѣхъ, которыхъ Богъ взаимно сопрягъ между собою. Кто изъ скромныхъ въ состояніи примѣтить, какъ человѣкъ злонаправный хитритъ, завязываетъ, приводитъ въ исполненіе свои козни, всегда умѣя закрыть себя тысячами увертокъ ? И кто готовъ на негодный поступокъ, тотъ за всѣмъ наблюдаетъ, и высматриваетъ удобное время. А кто расположенъ къ добру, тотъ по природѣ медли-

теленъ и недѣтеленъ въ подозрѣніи чего либо худаго ; отъ чего добродушіе и уловляется удобно.

Смотрите же , какъ и съ какимъ искусствомъ этотъ человѣкъ приводитъ въ исполненіе свой умыслъ. Въ немъ увидишь какаго-то новаго египетскаго Протея. Онъ дѣлается человѣкомъ благомыслящимъ и весьма вѣрнымъ. Кто былъ такъ расположенъ ко мнѣ, какъ этотъ Максимъ? Онъ жилъ со мною подъ одною кровлей , вкушалъ съ одной трапезы, раздѣлялъ мои мнѣнія и предположенія. И это ни мало не удивительно. Какъ будто большой какой пестъ, онъ лаялъ тогда на людей зломудренныхъ , а мои поученія хвалилъ усердно.

Но вмѣстѣ съ этимъ заимствовалъ онъ отъ служителей алтаря какую-то болѣзнь , останокъ первоначальнаго недуга. А это было врожденное зло—не прекращающаяся зависть ; потому что порокъ не безъ труда приводится въ изнеможеніе. Надъ ними-то не правдивымъ, но своевольнымъ судіею стать Максимъ , и , прииславъ двухъ споспѣшниковъ своей злобы, перваго и втораго человѣкоубійцу, едва наконецъ разрѣшился отъ своего бремени , породивъ аспида. Первый изъ сихъ споспѣшниковъ былъ веларъ , нѣкогда ангель , а второй — пресвитеръ сего народа, по уму еще болѣе , нежели по тѣлу, варваръ. Онъ не былъ мною забытъ, не видалъ отъ меня никакого пренебреженія , всегда пользовался первенствомъ и въ почестяхъ, и въ сопрестоліи (внеми , Христе , о непогрѣшительное въ судахъ око, если только прилично призывать здѣсь Христа !), и вдругъ стать чревоболѣть лукавою и злонравною ненавистію. Увы ! Какъ оплачу сіе? Чистое небо покрылось тмою ; нашлю на меня вдали скопившееся зло—египетская туча. Сперва появились соглядатаи, какихъ въ избранную израильскую землю по-

сылалъ нѣкогда доблественный Моисей. Но это были не Иисусъ и Халевъ—мудрецы, а нѣчто наглое изъ юношей и старцевъ, Аммонъ, Апаммонъ, Арпократъ, Стишъ, Родонъ, Анувись, Ерманувись — египетскіе боги, въ видѣ обезьянъ и псовъ представшіе демоны, жалкіе и буйные моряки, которые не дорого себя продаютъ, — за небольшую монету охотно (только бы нашлись) предлагаютъ многихъ боговъ. А вскорѣ потомъ прибыли и пославшіе сихъ соглядатаевъ, достойные такого полчища вожди, или пастыри, если о псахъ приличнѣе сказать послѣднее. Но больше ничего не произнесу, хотя много у меня въ готовности словъ, и они приводятъ въ трепетаніе мою внутренность, какъ завязанный мѣхъ, въ которомъ бродитъ молодое вино, или какъ кузнечные мѣхи, которые наполнены воздухомъ. Впрочемъ уважаю пославшаго ихъ, хотя онъ и легкомысленъ, уважаю и ихъ самихъ, какъ людей, которыхъ, можетъ быть, должно и извинить нѣсколько; потому что увлеклись по грубости, дѣйствовали по наущенію другихъ, а именно тѣхъ, кого злыми на меня содѣлала здѣсь зависть.

Рѣшите, мудрые, мою задачу. Для меня это не понятно, и развѣ растолкуетъ какой мудрецъ. Отъ чего самъ Петръ (д), этотъ судія Пастырей, сперва писаніемъ своимъ, которое явнымъ образомъ не заключаетъ въ себѣ никакого двусмыслія, какъ въ этомъ увѣрить самое письмо его ко мнѣ, призналъ меня возведеннымъ на престолъ и почтилъ знаками своего утвержденія, а теперь вмѣсто дѣвы оказался для меня ланью? Это—дѣло темное, которое требуетъ объясненія. Видали ли что болѣе

(д) Архіепископъ Александрійскій.

похожимъ на лицедейство, хотя на свѣтѣ и много разыграно лукавыхъ дѣлъ?

Но увидать я еще нѣчто болѣе забавное. Одинъ изъ пирующихъ (2 Ездр. 11, 12) говорилъ, что всѣми владѣетъ вино, другой утверждалъ, что всѣми владѣютъ женщины, а мудрый сказалъ, что владѣетъ истина. Но я присовокупилъ бы о золотѣ, что ему принадлежитъ владычество. Имъ безъ труда все приводится въ движеніе; и ни мало не странно, если одно только мірское перевозмогаетъ у насъ надъ духомъ. —

Но спросать: откуда золото у этого пса? — Одинъ пресвитеръ прибылъ сюда изъ Тассы и привезъ золото тамошней церкви, чтобъ купить на него проконнійскаго мрамора. Обласкавъ этого бѣдняка, при содѣйствіи другихъ, связавъ его множествомъ надеждъ (ибо худые съ худыми сходятся скоро), Максимъ добылъ у него золото; приобрѣлъ этого на все пригоднаго служителя, вѣрнаго помощника, искренняго товарища. И вотъ доказательство! Тѣ самые, которые прежде уважали меня, начинаютъ теперь презирать, какъ бесполезнаго и безденежнаго друга, и подобно стрѣлкѣ въ вѣсахъ, легко склоняются на худшее.

Была ночь, а я лежалъ больной. Какъ хищные волки, явившіеся вдругъ въ загонъ овецъ, съ не малымъ числомъ наемныхъ моряковъ (которыми легко приводится въ воспламененіе Александрія; потому что къ этимъ морякамъ пристають и умные люди), — они спѣшатъ обстричь этого пса и возвести на кафедру прежде, чѣмъ стало то извѣстно народу, вождамъ Церкви, и даже мнѣ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, псу этого стада. Они говорятъ, что такъ было имъ приказано. Вотъ какъ

Александрія воздасть за труды ! Пусть судить объ этомъ кто другой, къ вамъ благорасположенный !

Настало утро. Клирь (потому что клирики жили близко) приходитъ въ воспламенение, молва быстро переходитъ отъ одного къ другому, и разгарается самый сильный пожаръ. Сколько стеклось людей чиновныхъ; сколько — стороннихъ и даже сомнительной вѣры ! Не было челоуѣка, который бы, видя такое вознагражденіе трудовъ, не раздражился тогдашнимъ поступкомъ. Но къ чему продолжать рѣчь ? Немедленно съ гнѣвомъ удаляются они изъ храма, скорбя о томъ, что не достигли цѣли. Но чтобы не пропадало понапрасну начатое зло, приводятъ къ концу и остальную часть своего лицедейства. Почтенные и богоугодные эти люди, въ сопровожденіи нѣсколькихъ мірянъ изъ числа самыхъ презрѣнныхъ, входятъ въ бѣдное жилище свирѣльщика, и тамъ, остригши волосы самому злему изъ псовъ, впрочемъ не употребивъ ни узъ, ни насилія, потому что этотъ песь готовъ былъ и на большее, назначаютъ его Пастыремъ. Свершилось посѣченіе густыхъ кудрей ; безъ труда уничтоженъ этотъ долговременный трудъ рукъ, а самъ онъ приобрѣлъ изъ сего то одно, что обнаружена тайна волосъ, въ которыхъ заключалась вся его сила, какъ повѣствуется сіе и о судіи Сампсонѣ, что остриженные волосы предали его врагамъ, которымъ въ угодность обрѣзала ихъ жена, и произвела эту безвременную и губительную жатву. Но изъ псовъ сдѣланный пастыремъ опять изъ пастырей сталъ псомъ, и (какое безчестіе !) псомъ покинутымъ. Не носить уже онъ красивыхъ волосъ, но не владѣтъ и стадомъ, а бѣгаетъ опять по мяснымъ рынкамъ за костями. Что жъ сдѣлаешь съ прекрасными своими волосами ? Снова ли будешь тщательно ихъ отращивать ? Или останешься такимъ посмѣшищемъ,

какъ теперь? То и другое срамно, а между этими двумя крайностями не возможно найти ничего средняго, кромѣ одной удавки. Но скажи также, гдѣ положишь, или куда пошлешь эти остриженные волосы? Къ лицедѣямъ ли на позорище, или къ дѣвамъ, и къ какимъ опять дѣвамъ? Не къ своимъ ли коринѣскимъ? Не къ тѣмъ ли, съ которыми нѣкогда ты, о всемудрый, одинъ на одинъ упражнялся въ богоугодныхъ подвигахъ! За все это назову тебя лучше псомъ небеснымъ.

Послѣ сего городъ столько скорбѣлъ о тогдашнихъ происшествіяхъ, что всѣ были смущены, всякій разсѣвалъ о Максимѣ ненавистные слухи въ оужденіе его жизни, и что доселѣ тайлось въ мысли, то гнѣвъ вывелъ наружу. Каждый присовокуплялъ отъ себя что нибудь новое; и изъ всего этого составлялось стройное изображеніе одного совершеннаго негодяя. Какъ въ тѣлѣ, при большихъ недугахъ, появляются и малыя немощи, оставшіяся непримѣтными, пока человѣкъ былъ здоровъ: такъ и у Максима всѣ прежнія худыя дѣла выставлены на позоръ послѣднимъ возмутительнымъ поступкомъ. Но никогда не стану разглашать ихъ я. Пусть знаютъ о семъ тѣ, которые говорятъ. Я, хотя и потерпѣлъ обиду, однако же изъ уваженія къ прежнему, замыкаю уста.

«Итакъ что же? Не вчера ли былъ онъ въ числѣ твоихъ друзей? Не вчера ли удостоивалъ ты его самыхъ великихъ похвалъ?» Такъ, можетъ быть, возразить мнѣ иный, кто знаетъ это дѣло и захочетъ обратить мнѣ въ вину тогдашнюю готовность, съ какою уважалъ я даже худшихъ изъ псовъ. Точно, я былъ въ невѣдѣніи, достойномъ порицанія, какъ Адамъ, обольщенъ былъ зло- Зрч
вреднымъ вкушеніемъ; горькое дерево прекрасно было на видъ;—меня обманула личина вѣры, какую видѣлъ я

Зри на его лицѣ, обманули и притворныя слова. А кто вѣ-
 ренъ, тотъ всѣхъ вѣроимчивѣе, легко привлекается бла-
 гоговѣніемъ другаго, будетъ ли оно истинное, или мни-
 мое. Конечно, это добрая еще немощь. Ибо всякій то и
 думаетъ, чего желаетъ. И скажите, премудрые, что над-
 лежало мнѣ дѣлать? Что иное, по вашему мнѣнію, сдѣ-
 лалъ бы кто изъ васъ самихъ? Церковь находилась то-
 гда въ такомъ еще тѣсномъ положеніи, что не мало для
 меня значило собирать и солому. Стѣсненные обстоятель-
 ства не даютъ такой свободы, какую можно имѣть во
 времена изобилія. Для меня очень было важно, если и
 псѣ ходить на моемъ дворѣ, и чтить Христа, а не
 Иракла. Но здѣсь было нѣчто и большее. О томъ из-
 гнаніи, какому подвергся Максимъ за срамныя дѣла, увѣ-
 рялъ онъ, что потерпѣлъ сіе ради Бога. Онъ былъ на-
 казанъ бичами, а мнѣ казался побѣдоносцемъ. Если это
 тяжкая вина, то знаю, что не одинъ разъ и во многомъ
 погрѣшалъ я подобнымъ сему образомъ. Простите же
 меня, суди, въ этомъ прекрасномъ прегрѣшеніи. Ма-
 ксимъ былъ самый негодный человѣкъ, но я уважалъ его,
 какъ добраго. Или скажу нѣчто и болѣе отважное. Вотъ
 отдаю мой говорливый, не умѣющій соображаться со вре-
 менемъ языкъ. Кто хочетъ, отсѣки его безъ милосердія.
 И что жъ? Развѣ онъ не отсѣченъ уже? Если угодно,
 то дѣйствительно такъ. По крайней мѣрѣ давно онъ мол-
 чить, и долѣе еще будетъ молчать, можетъ быть, въ
 наказаніе за неблаговременность, и въ наученіе, что не
 всѣмъ онъ пріятенъ. Но каково и это? Позвольте при-
 совокупить еще одно. Лукавство, подлинно, идетъ вопре-
 ки здравому разсудку. Кого и доброта не сдѣлала
 кроткимъ, изъ того могло ли что сдѣлать всякое другое
 средство? Вотъ и самая честь—для него уже укоризна.

Какимъ назовешь ты нравъ этого человѣка? Весьма худымъ. И если это вѣрно, не доискивайся большаго. А если неправда, то не соглашайся и на прежнее. Что можетъ быть неоспоримѣ этого?

Такъ безчестно прогнанъ отсюда этотъ злой человѣкъ, вѣрнѣе же сказать, прогнанъ прекрасно, потому что былъ золь. Поелику же царь Востока; готова гибель варварскимъ племенамъ, находился въ ессалоникійской крѣпости; то смотри опять, что замышляетъ этотъ злѣйшій пещь. Взявъ съ собою подлую толпу Египтянъ (разумѣю тѣхъ, которые обстригли его такъ безобразно), направляетъ онъ путь въ воинскій станъ, чтобы царскимъ указомъ утвердить за собою каеэдру. Но тамъ еще ни чей слухъ не былъ расположенъ ко миѣ худо и не внималъ клеветѣ; поэтому Максимъ и тамъ, съ великимъ гнѣвомъ и страшными проклятіями, отринуть, какъ пещь, и вскорѣ скрывается въ Александрію, сдѣлавъ это одно справедливое и умное дѣло. Ибо съ наемной толпой бездомныхъ людей нападаетъ на Петра, у котораго было двойное перо, и который безъ труда писалъ все, хотя бы это и противорѣчило одно другому. Сего-то старца тѣснить Максимъ, требуя себѣ престола, котораго надѣялся, а въ противномъ случаѣ грозя, что самого не оставить на престолѣ. Наконецъ градоправитель, опасаясь (какъ и справедливо было), чтобы раздуваемый пламень къ старымъ бѣдствіямъ не присовокупилъ еще новыхъ, выгоняетъ его вонъ. И теперь, по видимому, онъ спокоенъ. Но боюсь, чтобы эта страшная, чреватая градомъ туча, надвинутая сильнымъ вѣтромъ, не разразилась надъ тѣми, которые вовсе того не ожидаютъ; потому что злонаравіе никогда спокойно быть не можетъ; — хотя теперь и связано, но не сдѣлается благоразуміе. Эри

Таково-то любомудріе нынѣшнихъ псовъ ! Это псы лающіе, чѣмъ единственно и похожи они на псовъ. Чтѣ же такое въ сравненіи съ ними Діогенъ, или Антисоенъ ? Чтѣ передъ ними и Кратесъ ? Ни во что ставъ Платоново любомудріе ; ничего не значить портикъ. Тебѣ, Сократъ, доннѣ принадлежало первенство. Скажу нѣ что вѣрнѣе самой Пифіи. Всѣхъ премудрѣ Максимъ.

А я бѣдствую, какъ едва ли бѣдствовалъ какой смертный : такъ было со мною съ самаго начала ; такъ, и еще болѣе, продолжается и теперь. И великое благодареніе трудамъ на сушѣ, опасностямъ на морѣ, и тѣмъ страхамъ, которыми я спасенъ ! Они, поставивъ меня выше всего коловратнаго, явнымъ образомъ обратили къ горнему. Однако же не перенесъ я тогдашняго безчестія, и съ радостію ухватился за открывшійся предлогъ. Какъ скоро узналъ, что этотъ негоднѣйшій человѣкъ обстриженъ, хотя окружили меня всѣ друзья, составили около меня непримѣтную стражу, охраняя мои движенія, выходы и возвращенія, однако же, поелику всѣ враги мои видѣли эту борьбу, и происшедшее раздѣленіе почитали изложеніемъ самаго ученія, смотря на все это и не имѣя терпѣнія перенести (не отрицаюсь въ томъ), испыталъ я на себѣ нѣчто свойственное человѣку простому, а не мудрому. Тотчасъ, какъ говорятъ, поворотилъ я не слишкомъ искусной рукою. Никто бы, можетъ быть, и не догадался ; но у меня вырвалось какое-то прощальное слово, которое изрекъ я въ скорби отеческаго сердца. « Блюдите, сказалъ я, всецѣлую Троицу, какъ предавъ вамъ, возлюбленнымъ чадамъ, самый щедрый Отецъ ; помните, любезнѣйшіе, и мои труды. » Едва народъ услышалъ это слово ; одинъ нетерпѣливый громко вскричалъ, и, какъ рой пчелъ, выгнанный дымомъ изъ улья, вдругъ

поднимаются и оглушают криками и мужчины и женщины, дѣвы, юноши, дѣти, старики, благородные и неблагородные, начальники, воины, живущіе на покоѣ; всѣ равно кипятъ гнѣвомъ и любовію, гнѣвомъ на враговъ, любовію къ Пастырю.

Но не въ моихъ было правилахъ — принужденно преклонить колѣна, и обрадоваться утвержденію на престолѣ, которое не было исполнѣе законно, когда не могли меня принудить и къ принятію законнаго престола. Чтобъ достигнуть желаемого, избираютъ другой путь, прибѣгаютъ къ сильнымъ заклинаніямъ и моленіямъ, просятъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, остался у нихъ, помогаль имъ и не предавалъ паствы на расхищеніе волкамъ. Можно ли было удержаться отъ слезъ? Анастасія, досточестнѣйшій изъ храмовъ, въ которомъ воздвигнута вѣра, поверженная на землю, Ноевъ ковчегъ, который одинъ избѣгъ всемірнаго потопленія и сохранилъ въ себѣ сѣмена новаго православнаго міра! Къ тебѣ отсюду стекался многочисленный народъ; потому что приближалась самая опасная и рѣшительная минута — одержать верхъ или мнѣ, или народной любви. А я посреди ихъ безгласный, въ какомъ-то омраченіи, не въ состояніи былъ ни остановить шума, ни обѣщать того, о чемъ просили. Одно было невозможно; отъ другаго удерживалъ страхъ. Задыхались отъ жара, всѣ обливались потомъ. Женщины, особливо ставшія уже матерями, въ страхѣ напрягали свой голосъ; дѣти плакали; а день клонился къ вечеру. Всякій клялся, что не отступится отъ своихъ домогательствъ, хотя бы храмъ сдѣлался для него прекраснымъ гробомъ, пока не исторгнетъ у меня одного желаннаго слова. Нѣкто (для чего ты, слухъ мой, не былъ загражденъ въ то же самое мгновеніе?), какъ бы вынужденный скорбію,

сказать : « ты вмѣстѣ съ собою изводишь и Троицу. » Тогда убоявшись, чтобъ не случилось какой бѣды, не клятвою обязался (похваляюсь въ этомъ нѣсколько о Богѣ, а никогда не произношу клятвъ съ тѣхъ поръ, какъ омытъ по дарованію Духа), но далъ слово, за которое ручался мой нравъ, что останусь у нихъ, пока не явятся нѣкоторые епископы, которыхъ тогда ожидали. Тогда и я надѣялся получить избавленіе отъ чуждыхъ для меня заботъ. Такъ съ трудомъ мы разошлись, для той и другой стороны пріобрѣтя тѣмъ надежды. Они воображали, что теперь я уже ихъ ; а я разсуждалъ, что остаюсь у нихъ не на долгое только время.

Такъ было дѣло. И опять возсіяло Божіе слово; казалось, что разрѣдѣвшій нѣсколько воинскій строй снова сгущается отъ расторопныхъ распоряженій военачальника, или разрушенный по мѣстамъ оцпоть быстро растетъ подъ множествомъ рукъ. Еще прежде пріявшіе на себя узы догматовъ и потому присоединившіеся ко мнѣ, когда увидѣли, чему я подвергся, возлюбили меня крѣпче. Однихъ приводила ко мнѣ проповѣдуемая Троица, ученіе о Которой было изгнано на долгое время, но не скажу, чтобъ оно издавна погребено было совершенно ; нѣтъ, это была отечественная проповѣдь, и теперь она возвращалась въ свое отечество. Она была здѣсь и прежде, потомъ прекратилась, но теперь явилась снова, удостоверяя тѣмъ въ воскресеніи изъ мертвыхъ. А въ другихъ было уваженіе и къ моимъ, можетъ быть, словамъ. Иные же притекали ко мнѣ, какъ къ терпѣливому подвижнику. Другимъ пріятно было видѣть меня, какъ дѣло собственныхъ рукъ. И объ этомъ пусть одни спросятъ у знающихъ, а другіе расскажутъ незнающимъ, если найдутся люди, которые были бы такъ удалены отъ насъ и

отъ преобладающаго нынѣ владычества Римлянъ,—пусть, говорю, расскажутъ, чтобъ могло быть это пересказано и во времена послѣдующія, пересказано какъ одно изъ небывалыхъ еще въ свѣтѣ бѣдствій, приносимыхъ къ намъ непостояннымъ теченіемъ времени, которое ко всему доброму примѣшиваетъ въ большей мѣрѣ худое. Не говорю уже о правовѣрномъ народѣ, о семъ благородномъ плодѣ моего чревоболѣнія. Объ нихъ можно сказать только, что, поелику не было у нихъ единомудреннаго съ ними Пастыря; то, какъ при безводіи бѣгутъ къ первой показавшейся влагѣ, и въ совершенной тмѣ—къ малому свѣту: такъ и они стекались ко мнѣ, чтобы въ моемъ словѣ найти себѣ пособіе отъ глада. Но что сказалъ бы иной о людяхъ чуждыхъ вѣры, припоминая, какъ и они восхищались словомъ?

Много путей, которые слишкомъ уклонились отъ пути законнаго и непогрѣшительнаго. Много путей, которые ведутъ въ бездну гибели. На сіи-то пути растлитель увлекаетъ образъ Божій, чтобъ чрезъ это найти какойнибудь доступъ, раздѣляя въ насъ мысли, а не языки, какъ древле раздѣлилъ Богъ. Это было причиною нездравыхъ ученій; одни не знаютъ инаго Бога, кромѣ случайнаго стремленія, каковымъ будто бы составила и управляется эта вселенная; другіе вмѣсто единаго Бога вводятъ множество боговъ, и кланяются собственнымъ своимъ произведеніямъ; иные все долѣе лишаютъ Промысла и ставятъ въ зависимости отъ сопряженій звѣздъ; другіе, бывъ избраннымъ Божиимъ народомъ, распяли на крестѣ Сына, думая тѣмъ почтить Отца; иные поставляютъ благочестіе въ исполненіи мажорнахъ заповѣдей; иные отрицаютъ Ангеловъ, духовъ и воскресеніе, или отметають пророческія писанія, другіе въ законныхъ свѣ-

нѣхъ чествуютъ Христа; иные чтутъ Глубину, Молчаніе — довременныя природы, и эоновъ — женомужей; это дѣти Симона волхва, и ихъ порожденія, то слагающіе Божество изъ буквъ, то ветхій и новый Заветъ приписывающіе двумъ богамъ — жестокому и всеблагому, то вводящіе три неподвижныя природы: духовную, перстную и среднюю между обѣими, то съ восторгомъ принимающіе Манесову первобытную тму, то нечестиво чествующіе Монтонова Духа, или суетное превозношеніе Новата, наконецъ сократители всецѣлой Троицы, и раздѣлители несѣкомаго Естества. А отъ нихъ, какъ отъ одной гидры, расплодилось многоглавое злочестіе; отъ нихъ и тотъ, кто одного Духа называетъ тварію, и тотъ, кто къ Духу прилагаетъ и Сына; отъ нихъ и тѣ, которые вводятъ современнаго Кесарю Бога, или ни съ чѣмъ несообразно приписываютъ Христу призранный образъ, или допускаютъ другаго Сына, дожняго, или утверждаютъ, что спасенъ человѣкъ не полный, не имѣющій ума. Таковы, скажу кратко, сбѣненія правой вѣры; таковы родоначальницы всѣхъ нелѣпыхъ ученій.

И кто же изъ нихъ былъ тогда столько упоренъ, чтобъ не склонить слуха къ моимъ словамъ? Однихъ пѣняла сила ученій, другихъ дѣлалъ кроткими образъ выраженія. Безъ вражды, не столько съ укоромъ, сколько съ сердоболіемъ велъ я рѣчь; сѣтовалъ, а не поражалъ, и не превозносился, какъ другіе, скоротечнымъ и непостояннымъ временемъ. Ибо какое общеніе у Слова съ землею властію? Не дѣлалъ я щита своему неразумію изъ дерзости. Слишкомъ ухищренно и развѣ каракатицъ только свойственно изрыгать черноту изъ своей внутренности, чтобъ въ темнотѣ избѣжать обличеній. Напротивъ того, въ словахъ своихъ соблюдалъ я кротость и благопримічье,

какъ защитникъ Слова кроткаго, сострадательнаго, не наносящаго никому ударовъ. Потому и побѣжденнымъ оставаться славно, но еще гораздо досточестіе одерживать верхъ надъ пріобрѣтаемыми Богомъ невольнымъ убѣжденіемъ. Такъ было начертано на моихъ скривляхъ !

Но былъ у меня и другой, такъ же ясно и прекрасно начертанный, законъ обученія, именно же слѣдующій: не признавать единственнымъ путемъ къ благочестію этого легко пріобрѣтаемаго и зловреднаго языкоболія, не метать таинственныхъ ученій безъ всякой пощады на зрѣлищахъ, на пирахъ, во время упоенія, среди смѣха, когда сердце разнѣжено пѣснями, не метать языкомъ, который не очищенъ предварительно отъ мерзкихъ рѣчей, не метать слуху, который оскверненъ и чуждъ Христа, и не обращать въ шутку того, что съ трудомъ уловляется ; но доказывать благочестіе всего болѣе исполненіемъ заповѣдей, тѣмъ, чтобы питать нищихъ, принимать странныхъ, ходить за больными, постоянно проводить время въ псалмопѣніяхъ, молитвахъ, воздыханіяхъ, слезахъ, возлежаніяхъ на голой землѣ, въ обузданіи чрева, въ умерщвленіи чувствъ, въ подчиненіи доброму порядку раздражительности, смѣха и устъ, наконецъ умирять плоть силою Духа. — Ибо много путей ко спасенію, много путей, ведущихъ къ общенію съ Богомъ. Ими надобно идти, а однимъ путемъ слова. Достаточно ученіе и простой вѣры, какою безъ мудрованій по большей части спасаетъ Богъ. А если бы вѣра доступна была однимъ мудрымъ ; то крайне бѣденъ былъ бы нашъ Богъ.

Но ты любословъ ; ты исполненъ ревности ; для тебя несносно, если не полется у тебя слово ! И въ этомъ случаѣ желаю тебѣ не больше, какъ свойственнаго чело-
вѣку. Говори, но со страхомъ ; говори, но не всегда,

34

не обо всемъ, не всякому и не вездѣ; знай, кому, сколько, гдѣ и какъ говорить. Всякой вещи, какъ слышишь, есть свое время, а всего лучше всему мѣра, по слову одного изъ мудрыхъ. Не сходятся между собою предѣлы Мидянъ и Фригіянъ; не сходятся между собою ученія внѣшнихъ и мои слова. У тѣхъ говорятся рѣчи на показъ, въ собраніи молодыхъ людей и для образца имъ; въ нихъ не важны и успѣхъ и неудача. Ничто такъ не бессильно, какъ тѣнь тѣни. Но у насъ одна цѣль — говорить истину. Поэтому нельзя безъ страха такъ, или нѣтъ, вымолвить слово. Путь съ обѣихъ сторонъ окруженъ стремнинами; едва соступишь съ него, тотчасъ упадешь, а упадешь прямо во врата адовы. Поэтому нужна особенная осторожность въ словахъ, чтобъ умно говорить, и умно слушать. Иногда же, равно избѣгая того и другаго, должно пользоваться правдивымъ мѣриломъ — страхомъ. Слухъ меньше подвергается опасности, нежели языкъ. Но еще меньше будетъ опасности, если — ничего не пріймешь и слухомъ, но побѣжишь прочь. Для чего тебѣ прикасаться къ гнюсю, и умертвить свой умъ? Для чего тебѣ приближаться къ дыханію бѣшеной собаки?

Сему научился я изъ законоположеній Писанія, которыми былъ напитаенъ еще прежде, нежели собрался съ собственнымъ своимъ умомъ. Такъ дѣйствовалъ я на гражданъ и на стороннихъ, и сталъ уже однимъ изъ богатыхъ земледѣлателей, хотя жатва моя не вся вдругъ готова была къ сбору. И нѣкоторые изъ терній только что перестали быть дикими, а инныя выравнивались, въ другія влагалось только сѣмя, инныя были еще въ молокѣ, у иныхъ едва показывался изъ земли ростокъ, другія дали зелень, у другихъ обвязался стебель, другія ботвы, а инныя побѣдали къ жатвѣ, инныя были на гумнѣ,

другія лежали въ кучахъ, одни вывѣвались, другія стали чистой пшеницею, а инныя и хлѣбомъ, что составляетъ конецъ земледѣлія. Но этотъ хлѣбъ питаетъ теперь не трудившагося земледѣлателя, а тѣхъ, которые не пролили и капли пота.

Здѣсь желалъ бы я заключить свое слово, и ничего не говорить о томъ, что недостойно слова. Но теперь не позволяетъ мнѣ сего дальнѣйшій ходъ дѣлъ, изъ которыхъ инныя текли для меня успѣшно, а о другихъ не знаю, что и сказать, къ какому причислить ихъ разряду, и кого похвалить.

Таково было мое положеніе, какъ внезапно прибываетъ изъ Македоніи Самодержецъ, послѣ того какъ онъ остановилъ тучу варваровъ, которыхъ воодушевляли и надежда на свою многочисленность и дерзость. Государь, что касалось до вѣры въ Бога, не былъ зломысленъ, могъ удерживать въ должныхъ предѣлахъ души болѣе простыя, самъ усердно чтилъ Троицу (говорю это отъ искренняго сердца, а то же подтверждаютъ и всѣ, безопасно утвердившіеся на прочномъ основаніи); но у него не было такой горячности духа, чтобы настояще уравнивать съ прошедшимъ, самому времени предоставивъ отразить удары времени. Или, можетъ быть, имѣлъ онъ и горячность духа, но ей не равнялась (какъ это назвать? научите сами) отважность или дерзость. А можетъ быть, лучше наименовать сіе предусмотрительностію; потому что и самъ признаю законнымъ не принуждать, но убѣждать, и нахожу сіе болѣе полезнымъ какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Невольное, сдерживаемое силою; какъ стрѣла, остановленная тетивою и могучей рукою, или ручей, отвсюду прегражденный въ своемъ теченіи, при первомъ удобномъ случаѣ презираетъ сдерживающую силу. А добровольное навсегда твердо;

потому что связано неразрѣшимыми узами любви. Съ такою мыслию, какъ полагаю, и царь не давалъ пока мѣста страху, всѣхъ привлекалъ кротостію, желая лучше, чтобъ дѣйствовали свободно, а не изъ повиновенія только писанному закону.

Какъ же скоро обрадованный Государь прибылъ къ намъ, которые въ-трое болѣе обрадовались его пріѣзду; тогда сколько почтилъ онъ меня при первомъ свиданіи, какъ благосклонно и самъ говорилъ со мною, и меня выслушалъ! Но нужно ли говорить объ этомъ мнѣ? Слишкомъ было бы стыдно, если бъ подумали, что такія вещи дорого цѣню и я, для котораго дорого только одно—Богъ. Но вотъ чѣмъ заключилъ онъ разговоръ со мною: «черезъ меня, сказалъ онъ, Богъ даетъ тебѣ и твоимъ трудамъ этотъ храмъ.»

Слова сіи казались невѣроятными, пока не приведены были въ исполненіе, потому что въ городѣ готовились противиться этому всѣми мѣрами; кипѣніе страстей было сильно и ужасно, рѣшались не уступать, но удерживать за собою все, чѣмъ владѣли, хотя бы случилось что и непріятное. А если бы къ уступкѣ принудили ихъ силою; то стоило имъ обратить нѣсколько гнѣва на меня, надъ которымъ не трудно было взять верхъ. Но такъ сказалъ Государь, и я ощутилъ въ себѣ нѣкоторое трепетаніе удовольствія, смѣшанное съ содраганіемъ ужаса. Христе мой, призывающій насъ къ страданіямъ, тѣми страданіями, какія Самъ претерпѣлъ! Ты и тогда былъ издвоздательемъ моихъ трудовъ, будь и теперь моимъ утѣшителемъ въ злостраданіяхъ!

Наступило назначенное время. Храмъ окруженъ былъ воинами, которые въ вооруженіи, въ великомъ числѣ, стояли рядами. Туда же, какъ морскій песокъ, или туча,

или рядъ катящихся волнъ, стремился, непрестанно прибывая весь народъ. Съ гнѣвомъ и мольбами, съ гнѣвомъ на меня, съ мольбами къ Державному. Улицы, ристалища, площади, всякое даже мѣсто, дома съ двумя съ тремя жильями наполнены были снизу зрителями, мужчинами, женщинами, дѣтьми, старцами. Вездѣ суеты, рыданія, слезы, вопли—точное подобіе города, взятаго приступомъ. А я доблестный воитель и воевода, съ этимъ немощнымъ и разслабленнымъ тѣломъ, едва переводя дыханіе, шелъ среди войска и Императора, возводя взоръ горѣ и ища себѣ помощи въ однѣхъ надеждахъ; наконецъ не знаю, какъ вступилъ въ храмъ.

Стѣитъ примѣчанія и слѣдующее обстоятельство. Тогда многимъ казалось оно даже выше всякаго слова, именно же тѣмъ, для которыхъ не просто и все, что они видятъ, особливо въ важнѣйшія мгновенія времени. А я, который не меньше всякаго другаго не склоненъ вѣрить чрезвычайному, не имѣю причины не вѣрить утверждающимъ это; потому что оспаривать все безъ разбора хуже, нежели имѣть готовность — всему безпрекословно вѣрить. Одно показываетъ легковѣріе, а другое — дерзость. Какое же это чудо? Пусть провозгласить о немъ міру моя книга, и да не скроется отъ потомства такой даръ благодати.

Было утро; но надъ цѣлымъ городомъ лежала еще ночь; потому что тучи закрывали собою солнечный кругъ. Это всего менѣе прилично было тогдашнему времени; потому что при торжествахъ всего пріятнѣе ясная погода. Въ этомъ и враги находили для себя удовольствіе; они толковали, что совершаемое не угодно Богу. И мнѣ причиняло сіе тайную въ сердцѣ печаль. Но какъ скоро я и порфиросеицы были уже внутри священной рѣшетки,

вознеслась отъ всѣхъ общая хвала призываемому Богу, раздались восклицанія, простерлись вверхъ руки; вдругъ, по Божію велѣнію, сквозь расторгшіяся тучи возсіяло солнце, такъ что все зданіе, дотолѣ омраченное, мгновенно сдѣлалось молніевиднымъ, и въ храмъ все приняло видъ древней скиніи, которую покрывала Божія свѣтлость. У всѣхъ прояснились и лица и сердца.

Такое зрѣлище внушило смѣлость. Въ громкихъ восклицаніяхъ, какъ чего-то единственно недостававшего къ настоящей радости, требуютъ меня; говорятъ, что для города отъ державной власти будетъ первою, самою важною, лучшею самага престола наградой, если константинопольскому престолу данъ буду я. Таково было требованіе и чиновныхъ и простолюдиновъ; всѣ въ равной мѣрѣ желали этого. О семъ вопіяли вверху женщины, почти забывъ, чего требуетъ отъ нихъ благоприличіе. Все оглашалось какъ бы какими-то невѣроятными раскатами грома. Наконецъ, велѣвъ встать одному изъ возсѣдавшихъ со мною (а у меня не было тогда силы въ голосъ, отъ смущеній и отъ страха), чужими устами проговорилъ я слѣдующія слова: «удержите, удержите ваши крики; теперь, конечно, время благодаренію; послѣ займемся и дѣлами.» Народъ съ рукоплесканіями принималъ слова мои; потому что умѣренность нравится всякому. И самодержецъ, при выходѣ изъ храма, похвалилъ меня. Такой конецъ имѣло это собраніе, которое такъ много меня устрашало; и весь страхъ кончился тѣмъ, что обнаженъ одинъ мечъ, но опять сокрытъ въ ножны, и дерзость пламеннаго народа пресѣчена.

Но что было послѣ, не знаю, какъ продолжать о томъ слово; потому что и самый предметъ приводитъ меня въ затрудненіе. Лучше бы другой кто кончилъ начатое мною

повѣствованіе; потому что стыжусь слышать себя похвалы, когда и другой говорить обо мнѣ хорошо. Такой у меня законъ! Впрочемъ буду говорить, соблюдая умѣренность, сколько могу.

Я оставался дома. Городъ, послѣ того, какъ сталъ принадлежать намъ, прекратилъ свои грозныя на меня рыканія, но издавалъ еще глухіе стоны, подобно исполну, который, какъ сказываютъ, пораженный перуномъ близъ горы Этны, изрыгалъ изъ глубины и дымъ и огонь. Какъ же надлежало мнѣ поступить въ этомъ случаѣ? Научите меня ради Бога, скажите вы, властвующие нынѣ, вы — собраніе жалкихъ юношей, у которыхъ кротость почитается слабостію, а упорство и злонавіе — мужествомъ? Долженъ ли я былъ, безъ мѣры воспользовавшись обстоятельствами и властію, толкать, гнать, свирѣпствовать, воспламенить? Или надлежало мнѣ врачевать врачевствами спасительными? Въ послѣднемъ случаѣ можно было извлечь двѣ выгоды, — и ихъ сдѣлать умѣренными своею умѣренностію, и себя пріобрѣсти славу и благорасположеніе. Это было справедливо; такъ и всегда буду дѣйствовать, а всего болѣе такъ прилично было дѣйствовать тогда. Во-первыхъ, надобно было показать, что приписываю это не столько счастливому стеченію обстоятельствъ, сколько Божію могуществу. И имѣя самаго надежнаго совѣтодателя — Слово, какой совѣтъ получаю отъ этого добраго совѣтника? Всѣ тогда кланялись гордымъ чиновначальствующимъ, особливо тѣмъ, которые имѣли силу при Дворѣ и не способны были ни къ чему другому, какъ только собирать деньги; трудно и сказать, съ какимъ усердіемъ и съ какими происками припадали тогда къ самымъ вратамъ царевымъ; другъ друга обвиняли, перетолковывали, употребляли во зло даже благочестіе,

однимъ словомъ: отваживались на всякія постыдныя дѣла. Одинъ я признавалъ для себя лучшимъ, чтобъ меня любили, а не преслѣдовали ненавистію. Я хотѣлъ снискать уваженіе тѣмъ, что меня рѣдко видѣли; большую часть времени посвящалъ Богу и очищенію, а двери сильныхъ земли предоставлялъ другимъ.

Сверхъ того я видѣлъ, что одни, причинявъ мнѣ обиду, какъ сами себѣ сознавались въ томъ, безпокоились о послѣдствіяхъ, а другіе, что и естественно, имѣли нужду въ новыхъ моихъ благодѣяніяхъ. Поэтому однихъ избавилъ я отъ страха, а другимъ помогъ, по мѣрѣ нужды каждаго, и сколько самъ былъ въ силахъ. Для примѣра скажу объ одномъ изъ многихъ случаевъ.

Однажды оставался я дома, не занимаясь дѣлами по болѣзни, которая посѣщала, не разъ посѣщала меня вмѣстѣ съ трудами; и вотъ та нѣга, какой предавался я, по мнѣнію моихъ завистниковъ! Въ такомъ былъ я положеніи; вдругъ входятъ ко мнѣ нѣсколько простолюдиновъ, и съ ними молодой человѣкъ, блѣдный, съ всклокоченными волосами, въ печальной одеждѣ. Я свѣсилъ не много ноги съ своего одра, какъ бы испугавшись такого явленія. Прочіе, наговоривъ, какъ умѣли, много благодареній и Богу и царю за то, что даровали намъ настоящій день, сказавъ не мало словъ и мнѣ въ похвалу, удалились. А молодой человѣкъ припалъ вдругъ къ моимъ ногамъ, и оставался у нихъ какимъ-то безмолвнымъ и неподвижнымъ отъ ужаса просителемъ. Я спрашивалъ: кто онъ, откуда, въ чемъ имѣетъ нужду? — Но не было другаго отвѣта, кромѣ усиленныхъ восклицаній. Онъ плакалъ, рыдалъ, ломалъ себѣ руки. И у меня полились слезы. Когда же оттащили его насильно, потому что не внималъ словамъ; одинъ изъ бывшихъ при этомъ сказалъ мнѣ: «это

убійца твой; если видишь еще Божій свѣтъ, то потому, что ты подъ Божиимъ покровомъ. Добровольно приходитъ къ тебѣ этотъ мучитель своей совѣсти, не благомысленный убійца, но благородный обвинитель себя самого, и приносить слезы въ цѣну за кровь». Такъ говорилъ онъ; меня тронули слова сии, и я произнесъ такое разрѣшеніе несчастному: «да спасетъ тебя Богъ! а мнѣ спасенному не важно уже показать себя милостивымъ къ убійцѣ. Тебя дерзость сдѣлала моимъ. Смотри же, не посрами меня и Бога». Такъ сказалъ я ему. И какъ ничто прекрасное не остается тайнымъ, городъ вдругъ умягчается, какъ желѣзо въ огнѣ.

А въ разсужденіи прославляемыхъ богатствъ, какими повелители цѣлой вселенной обогащали храмы во все времена, и тѣхъ драгоценностей и отвсюду собираемыхъ доходовъ, въ которыхъ не нашелъ я никакого отчета ни по записямъ прежнихъ предстоятелей, ни у сокровищехранителей, у которыхъ все это было на рукахъ, если не сталъ я входить въ разысканія, и для повѣрки, какъ совѣтовали мнѣ иные, и къ чему даже принуждали, не принялъ никого сторонняго, что послужило бы къ оскорбленію таинства; то какъ думаешь о семъ? Пусть отчетъ дадутъ въ томъ, что у кого было, а не въ томъ, что слѣдовало кому получить. Кто пристрастенъ къ богатству, тотъ порицаетъ и этотъ мой поступокъ; а кто выше этой страсти, тотъ весьма его одобритъ. Если во всякомъ случаѣ худа ненасытность; то еще хуже—быть ненасытнымъ духовному. Если бы все такъ разсуждали о деньгахъ, то никогда бы не было такого безпорядка въ Церквахъ.—Но входить въ такіа разысканія не имѣю намѣренія. Говорю же единственно о томъ, что относится къ священнослуженію и приближаетъ къ Богу.

Противниками распускаемъ былъ и тотъ слухъ, что не достанетъ у меня народа для наполненія и однихъ притворовъ; такъ прежде раздѣленъ былъ народъ, когда мы были скудны; такъ презиралъ всякій меня, у котораго теперь полный храмъ, даже полные храмы! И это было предметомъ моихъ попеченій; не говорю уже о томъ, что я заботился о нищихъ, о монахахъ, о дѣвахъ, служащихъ при храмѣ, о странныхъ, о прохожихъ, объ узникахъ, о псаломъникахъ, о всеночныхъ слезахъ, о мужахъ и женахъ упражняющихся въ дѣлахъ честныхъ, и обо всемъ, что веселитъ Самого Бога, когда совершается благочинно.

Но не успокоивается губительная зависть, которую все уязвляетъ или явно, или тайно. Моя побѣда дѣлается для меня началомъ бѣдствій. Для утвержденія благочестиваго престола собрались всѣ предстоятели народные, сколько ихъ ни было на Востокъ, кромѣ Египта, до самаго новаго Рима, не знаю, какими-то Божиими вѣщаніями подвигнутые изъ внутреннихъ глубинъ суши и моря. Первосѣдателемъ у нихъ былъ мужъ весьма благочестивый, простой и нехитрый нравомъ; онъ весь былъ въ Богѣ; свѣтлый взоръ его, внушая уваженіе, обуздывалъ дерзость, и взирающимъ открывалъ въ немъ воздѣланную Духомъ ниву. Въ этомъ изображеніи кто не узнаетъ предстоятеля Церкви Антиохійской, который дѣйствительно былъ таковъ, какъ именовался, и чье имя вполне соответствовало его качествамъ; потому что и имя и нравы его медоносны (е)? Онъ много пострадалъ

(е) *Μελιτος γάρ καὶ τρέλος καὶ τοῦτομα*. Сею игрою словъ обозначается имя Антиохійскаго Архіепископа Мелетія.

за Духа Божія, свѣтлыми подвигами воздѣлавая въ себѣ духовныя дарованія, хотя и былъ не долго водимъ чуждою рукою.

Сія-то предстоятели утверждаютъ меня на досточестномъ престолѣ, сколько ни вопіялъ я и ни жаловался на сіе. По крайней мѣрѣ, утверждаютъ не совершенно противъ воли, чему одна только была причина,—будь въ этомъ моимъ свидѣтелемъ, Слово! Какая же это причина? Скрывать истину было бы не позволительно. Кто чего желаетъ, тотъ слѣпо сего надѣется. Когда же духъ кипитъ, тогда все кажется удобнымъ. Въ такихъ случаяхъ и я, подобно всякому другому, бываю высокоуменъ. Поэтому въ мечтаніяхъ суетнаго сердца предполагалъ я, что, какъ скоро пріобрѣту могущество этого престола, поелику видимость придастъ много вѣса, тотчасъ приведу въ согласіе къ несчастію отдалившихся другъ отъ друга, подобно уставщику пѣвчихъ, который, ставъ въ срединѣ двухъ ликовъ, и одному предписывая законъ тою, а другому — другою рукою, дѣлаетъ изъ нихъ одинъ ликъ. —

И не верхъ ли это бѣдствія? Не достойно ли это обильныхъ слезъ, сильныхъ рыданій и терзаній, какимъ не предавался никто ни изъ древнихъ, ни изъ новѣйшихъ ни въ одномъ горестномъ событіи, какъ ни много со многими встрѣчалось несчастій, не исключая и то извѣстное всякому разсѣяніе Израиля, развѣяннаго христоубійственною ненавистію? Эти предсѣдатели и учителя народовъ, податели Духа, съ высоты престоловъ осіявающіе спасительнымъ ученіемъ и непрестанно среди Церквей широкогласнымъ гласомъ проповѣдающіе всѣмъ миръ, съ такимъ огорченіемъ возставали другъ на друга, что, съ грозными восклицаніями собиравъ себѣ споборни-

ковъ, обвиняя другихъ, сами подвергаясь обвиненіямъ, предаваясь сильнымъ движеніямъ, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, расхищая, что только удавалось захватить прежде другихъ, въ страсти къ любоначалию и единоначалию (какъ и какими словами опишу это?) расторгли уже (какъ сказалъ я въ началѣ сего слова) цѣлую вселенную. Ихъ споры, по видимому, больше отдѣляютъ Западъ отъ Востока, нежели разность мѣстности и климатовъ. Последніе, если не въ крайнихъ, то въ среднихъ своихъ состояніяхъ, имѣютъ нѣкоторое единеніе. Но нѣтъ уже ничего связующаго этихъ раздѣлившихся между собою, не изъ благочестія, выставляемаго въ предлогъ ненавистию, готовую ко лжи, но изъ за спора о престолахъ. О комъ говорю это? Ужели объ епископахъ? Не столько объ епископахъ; потому что достаточно знаю обоихъ (ж), сколько о тѣхъ, которые нехстати стоятъ за того и другаго, раздуваютъ пламень и безъ того разгорѣвшійся, изъ дѣла друзей прекрасно извлекаютъ собственныя выгоды, если только дѣйствительно это прекрасно, а не крайне худо!

Изъ спхъ бѣдствій и я пріобрѣлъ нѣчто на свою долю. Когда предстоятель Антіохійской Церкви, котораго восхвалялъ я недавно, исполненный и измѣряемыхъ и неизмѣряемыхъ лѣтъ, послѣ многихъ (какъ слышно) увѣщаній о примиреніи, какія и прежде, по рассказамъ, дѣлалъ онъ друзьямъ своимъ, отшелъ отселѣ въ ангельскій ликъ, а потомъ при чудномъ сопровожденіи и стеченіи города, особенно тогда, какъ сказывали, опечаленнаго, перенесъ въ собственную свою Церковь, какъ прекрасное

(ж) Меелетія и Павлина.

сокровище для знавшихъ его; тогда у насъ предлагается на совѣщаніе вопросъ, не требовавшій совѣщаній. Его сложили люди мятежные и злонамѣренные, имѣвшіе въ виду какого нибудь первостоятеля противопоставить тому, который теперь одинъ (з) оставался на престолѣ. Много было наговорено и съ той и съ другой стороны, многое предложено съ цѣлю примиренія, а многое послужило къ увеличенію зла. Тогда и я съ своей стороны сдѣлалъ предложенія, какія признавалъ лучшими и болѣе споспѣшествующими въ прекращенію бѣдствій.

«Мнѣ кажется, друзья,—говорилъ я,—что не всѣ вы равно постигаете дѣлю, и хотите, чтобы слово мое касалось не того именно, о чемъ надлежитъ теперь разсуждать, но, какъ можно далѣе, уклонилось отъ необходимаго вопроса. У васъ идетъ разсужденіе объ одномъ городѣ (и), и это для того, чтобы произвести теперь еще больше споровъ. Вотъ цѣль, которой стараетесь достигнуть, и для которой требуете вспоможенія и моей руки. А у меня слово о дѣлѣ гораздо болѣе важномъ и общемъ. Видите великій кругъ земли, запечатлѣнной потоками драгоцѣнной крови Бога, Который пострадалъ въ образѣ чловѣка и Себя Самого предалъ въ искупительную цѣну, видите кругъ земли, освященной и другими многими вторичными жертвами. Онъ-то приводится въ колебаніе двумя (скажу такъ) Ангелами, но и они (выговорю сіе со скорбію) не достойны такой чести, а напротивъ того, поколику они Ангелы, тѣмъ паче достойны не того, чтобы изъ за нихъ ссориться и поступать еще хуже, если только лучшее и достойно лучшаго.

(з) Т. е. Павлинъ. (и) Т. е. Антиохія.

Пока находясь еще въ живыхъ божественный епископъ (і), и оставалось неизвѣстнымъ, пріймутъ ли его когда нибудь Епископы Западные, дотоѣ раздраженные противъ него; извинительно еще было нѣсколько и оскорбить въ мѣру этихъ (какъ говорятъ) защитниковъ законовъ; потому что, какъ кротость сего мужа служила нѣкоторымъ врачевствомъ противъ гнѣва, такъ невѣдѣніе весьма много придавало дерзновенія. Теперь же, когда бури уже нѣтъ, и Богъ даровалъ тишину Своей Церкви, теперь что, по словамъ моимъ, нужно? Пріймите мое предложеніе, предложеніе благоразумное, превышающее мудрость юныхъ; потому что намъ старикамъ не убѣдить ихъ кипучести, которая всегда уступаетъ верхъ желанію суетной славы. Престолю пусть будетъ предоставленъ во власть тому, кто владѣтъ имъ доселѣ. Что худаго, если этого мужа (к) оплакивать будемъ долѣе, нежели сколько времени назначаетъ на сіе Ветхій Законъ? Потомъ дѣло рѣшить старость и общій для всего нашего рода необходимый и прекрасный предѣлъ. Онъ (л) преселится, куда давно желаетъ, предавъ духъ свой даровавшему его Богу; а мы по единодушному согласію всего народа и мудрыхъ епископовъ, при содѣйствіи Духа, дадимъ тогда престолу кого нибудь другаго. И это пусть будетъ единственнымъ прекращеніемъ неустройствъ! Тогда, или, что всего важнѣе, приобрѣтемъ себѣ и чуждое; ибо теперь, какъ вижу, чуждъ для насъ Западъ, или, что составляетъ вторую выгоду, многочисленные жители города (м), утомившись продолжительностію времени, согласятся во мнѣніяхъ. Да утихнутъ наконецъ, да утихнутъ,

(і) Мелетій. (к) Мелетія. (л) Павлинъ. (м) Антиохія.

говору, эта буря, волнующая міръ! Сжались падъ тѣми, которые впади теперъ въ расколъ (н), или близки къ нему, или могутъ впасть въ послѣдствіи. Никто изъ насъ да не пожелаетъ извѣдать на опытъ, чѣмъ это кончится, если превозможетъ на-долго. Настала рѣшительная минута, или сохраниться на будущее время нашему досточтимому и священному догмату, или отъ раздоровъ пасть невозвратно. Какъ непрочность красокъ, хотя и не совсѣмъ справедливо, ставятъ въ вину живописцу, или правы учениковъ — въ вину учителямъ: такъ тайноводствуемый, а тѣмъ паче тайноводитель, если онъ худъ, не поруганіе ли таинству? Пусть побѣдятъ (о) насъ въ маломъ, чтобъ самимъ намъ одержать важнѣйшую побѣду, быть спасенными для Бога и спасти міръ, ко вреду нашему погубленный. Не всякая побѣда приноситъ славу. Доброе лишеніе лучше худаго обладанія. — Это извѣстно Троицъ; это доказываетъ и свѣтлая проповѣдь моего дерзновенія, встрѣченная камнями и содѣлавшая меня предметомъ зависти людей злонравныхъ. Я говорю сего дня просто и по правотѣ, говорю, сколько знаю, сообщное съ цѣлію. Если же кто изъ злонамѣренныхъ думаетъ, что или говорю это изъ челоуѣкоугодія (потому что самъ онъ намѣренъ продать себя, а цинѣ дѣйствительно есть люди, которые, имѣя у себя много золота и столько же ревности, покупаютъ голоса въ пользу из-

3/4

(п) Расколомъ называетъ раздѣленіе въ Церкви, происшедшее отъ того, что въ Антиохіи были вдругъ два Епископа — Мелетій и Павливъ.

(о) Епископы Западныя, которые поставили Павлина Епископомъ Антиохіи.

бираемыхъ), или, по обычаю многихъ, не теряю при семъ собственной выгоды (потому что самъ онъ ухищряется, какъ бы укрыться въ произведенномъ имъ безпорядкѣ, или замышляетъ ухватить изъ этого нѣчто и себѣ); то да будетъ предоставлено рѣшить сіе конечному огню! А мнѣ дозвольте остаться безъ престола и вести жизнь хотя не славную, однако же безбѣдную. Я пойду и успокоюсь тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ золь; потому что сіе гораздо лучше, чѣмъ жить съ ближними, но не имѣть силы и другаго склонить на свое мнѣніе и самому согласиться съ другими вопреки разуму. Пусть выступитъ на среду, кто имѣетъ виды на этотъ престолъ. А онъ заступитъ мѣсто многихъ и достойныхъ и худыхъ Пастырей. Вотъ о чемъ надлежитъ вамъ разсуждать! Мое слово сказано.»

Такъ сказалъ я; а они кричали каждый свое; это было то же, что стадо галокъ, собравшееся въ одну кучу, буйная толпа молодыхъ людей, общая рабочая, вихрь, клубомъ поднимающій пыль, бушеваніе вѣтровъ. Вступать въ совѣщаніе съ такими людьми не пожелалъ бы никто изъ имѣющихъ страхъ Божій и уваженіе къ епископскому престолу. Они походили на ось, которая мечется туда и сюда, и вдругъ всякому бросаются прямо въ лице. Но и степенное собраніе старцевъ, вмѣсто того, чтобы уцѣломудрить юныхъ, имъ же послѣдовало. И смотри, какое похвальное разсужденіе! Надобно, говорятъ, чтобы наши дѣла текли вмѣстѣ съ солнцемъ, тамъ воспринимая начало, откуда возсіялъ намъ Богъ подъ плотскою завѣсою. Что же? Мы научены не круговращенія чествовать, но признавать, что Христова плоть есть начатокъ всего нашего рода. А если здѣсь положено начало (п), то по-

(п) На Востокъ положено начало Церкви Христовой.

тому, можетъ быть, какъ скажетъ лный, что здѣсь болѣе дерзости, и слѣдовательно, здѣсь удобнѣе было Христу умереть, слѣдствіемъ же смерти было воскресеніе, а слѣдствіемъ воскресенія спасеніе. Державшіеся такихъ мыслей не должны ли были, какъ сказалъ я, уступить хорошо знавшимъ дѣло? А изъ этого видно, какъ высокоумны они и во всемъ прочемъ. Но каково и то, что прекрасный и сладкій источникъ древней вѣры, которая досточтимое естество Троицы сочетала во-едино, и была нѣкогда преподаана въ Никее, этотъ, говорю, источникъ вѣры, какъ видѣлъ я, жалкимъ образомъ возмущенъ былъ солеными потоками ученій, какія распространяли люди сомнительной вѣры, которые, держась середины, принимаютъ всякое мнѣніе, какое только угодно властителю? И это было бы всего утѣшительнѣе, если бѣ дѣйствительно держались середины, а не явно передавались къ противной сторонѣ, эти епископы, нынѣ только научившіеся знать Бога, вчера учителя, а нынѣ ученики, сперва тайноводители, а потомъ тайноводствуемые, ведущіе къ совершенству людей, и вмѣстѣ, не знаю, почему, оглашающіе собственные свои пороки, и оглашающіе безъ слезъ. Не странное ли дѣло — безъ слезъ исповѣдывать свои немощи? Таковы эти люди; потому что все, говорятъ они, раболѣпствуетъ времени. Не всего ли же пріятнѣе, шутя пріобрѣтать, чего во многихъ случаяхъ не лзя пріобрѣсти трудомъ, что не снискивается и другими средствами, даже не покупается? А мы какъ-то чрезъ мѣру челоѣколюбивы. Поставили предъ алтарями проповѣдническую каѣедру и всѣмъ вопіемъ: «Входи сюда, кто хочетъ, хотя бы два и три раза перемѣнялъ вѣру! Настало время торжища. Никто не уходи безъ прибыли. Время всего измѣнчивѣе; можетъ быть, кость ляжетъ

другой стороною; тебѣ не удалось, мечи снова. Не благо-
 разумное дѣло—привязаться къ одной вѣрѣ, когда зна-
 емъ, что путей жизни много. » Чтò жъ выходитъ изъ
 этого? — Тотъ многосоставный кумиръ, который древле
 являлся во снѣ,—золото, потомъ серебро, мѣдь, желѣзо,
 потомъ попираемый ногами черепокъ. Боюсь, чтобъ все-
 го этого не сокрушилъ камень. И Моавитянамъ и Ам-
 монитянамъ, которымъ въ древности не позволялось вхо-
 дить въ Церковь, нынѣ открыть въ нее входъ.

Но скажи: не самъ ли ты хвалилъ это прежде? Да и
 кто имѣлъ нѣкогда силу на Соборахъ?—Правда, что бы-
 ли Соборы, подъ чьимъ бы председательствомъ они то-
 гда ни были (повременю выговорить то, чтò приводитъ
 меня въ стыдъ); но на нихъ имѣли силу всѣ, или, чтò
 3рн то же, никто не имѣлъ силы; потому что 'многочае—
 — тоже безначаліе. — А надо мною, къ счастью, одерживала
 верхъ болѣзнь, которая не рѣдко и подолгу держала меня
 безвыходно дома. У меня передъ глазами было одно—
 переселеніе изъ этой жизни, которое освобождало меня
 отъ всѣхъ бѣдъ. Поэтому чтò представилось, то пусть и
 будетъ закономъ. Правда, что были на Соборѣ люди,
 которые насильно и съ трудомъ, потому что было у
 нихъ столько дерзновенія, вошли въ собраніе; но имъ
 извиненіемъ служить невѣдѣніе зла; они уловлены были
 двусмысленностію ученій, проповѣдуемое имъ открыто
 казалось благочестивымъ, какъ порожденіе вовсе не по-
 ходившее на своихъ родителей. Но этотъ многочислен-
 ный сбродъ хриstopродавцевъ тогда развѣ допущу на
 Соборъ, когда и грязь станутъ примѣшивать къ благо-
 уханію чистаго мѣра; потому что худое сообщается —
 легче, нежели доброе. Имъ не понравился вводителъ но-
 выхъ ученій (такъ дерзкіе называютъ благоразумныхъ);

но и они не понравились благоразумному. И вотъ Лотъ и патріархъ Авраамъ идутъ, одинъ въ ту, а другой въ противную сторону, чтобъ не стѣсняться множествомъ своихъ имуществъ. Нужно ли говорить, сколько разъ и какими словами искушали вы, любезнѣйшіе, эту сѣдину, то предлагая мнѣ первенство, то, какъ искренніе друзья, у искренняго друга Григорія (увы! точно искренніе, но въ единодушіи на худое) прося чего нибудь, а именно: содѣйствія вамъ во всемъ? Какъ же во всемъ? Кому же пришла такая мысль, что склонить меня къ чему нибудь народная толпа, а не Божіе Слово? Скорѣ рѣки потекутъ вверхъ и огонь пріиметъ направленіе противоположное обычному своему стремленію, нежели я измѣню чему либо въ моемъ спасеніи. —

Съ этого времени нога моя избѣгала вашихъ собраний; и это дѣлалось явно; потому что перемѣнилъ я домъ, спасаясь изъ глубинъ Церкви, устраняясь отъ худыхъ бесѣдъ и собраний. Впрочемъ, сколько сожалѣли о семъ приверженные ко мнѣ, особливо народъ, не говорю уже о всѣхъ! Въ громкихъ восклицаніяхъ умоляли они, воздѣвая руки къ Богу, заклиная, оплакивая меня, какъ уже умершаго. Сколько терзаній! Сколько слезъ! Какъ и чьему сердцу можно было вынести сіе? «И ты оставляешь насъ—твой, какъ называлъ ты, класъ, нѣкогда тощій, а теперь уже разбогѣвшій и готовый къ жатвѣ. Оставляешь народъ, не давно присоединенный къ Церкви, оставляешь тѣхъ, изъ которыхъ одни стоятъ при дверяхъ твоихъ и ждутъ, когда онѣ будутъ отверсты, другіе введены уже тобою внутрь двора, а иные сами уловляютъ постороннихъ. И кому оставляешь? Кто воспитаетъ твое рожденіе? Уважь труды свои, какими изнурялъ себя, и останокъ дыханія

своего отдай намъ и Богу. Пусть этотъ храмъ препроводитъ тебя изъ этой жизни ! »

Таковы были удары : однако же я крѣпился. Еще не много, и Богъ подаетъ избавленіе. Ибо вдругъ прибыли приглашенные содѣйствовать къ утвержденію мира; прибыли египетскіе и македонскіе дѣлатели Божіихъ законовъ и тайнствъ. Но они повѣяли на меня тѣмъ-то западнымъ и суровымъ. Имъ противостоялъ сонмъ высокоумствующихъ съ Востока. Тѣ и другіе сошлись между собою (скажу нѣчто въ подражаніе трагикамъ), какъ вепри, остря другъ на друга свирѣпыя зубы, и ископая огненные очи. Коснувшись же многихъ вопросовъ, при чемъ водились болѣе раздраженіемъ, нежели разумомъ, и въ моемъ дѣлѣ усмотрѣли они нѣчто весьма горькое, когда стали перебирать законы давно уже не дѣйствующіе, отъ которыхъ всего болѣе и явнымъ образомъ свободенъ былъ я, и дѣлали это не по враждѣ ко мнѣ, не по желанію скорѣе увидѣть престолъ празднымъ для другихъ, нѣтъ! но, какъ, не скрываясь, увѣряли меня въ тайныхъ со мною бесѣдахъ, чтобы вривести въ затрудненіе возводившихъ меня на престолъ, находя для себя несносною ихъ наглость, какую оказывали и прежде и въ новыхъ дѣлахъ. А я, сокрушенный бѣдствіями и болѣзнію, какъ связанный конь, не переставалъ между тѣмъ прядать мысленно ногами, жаловался на порабощеніе и стѣснительность узъ, изъявлялъ желаніе увидѣть свои пажити и эту мою пустыню. Какъ же скоро коснулись того, о чемъ сказалъ я ; тотчасъ разорвалъ я узы и (хотя никогда, какъ очевидно, не увѣрю въ этомъ людей, зараженныхъ любоначалиемъ, однако жъ сіе справедливо) съ радостію ухватился за такой предлогъ.

Когда уловилъ я время; вышелъ на среду и сказалъ

слѣдующее: «Вы, которыхъ собралъ Богъ для совѣщанія о дѣлахъ богоугодныхъ, вопросъ обо мнѣ почитайте второстепеннымъ. Чѣмъ ни кончится мое дѣло, хотя осуждаютъ меня напрасно, это не заслуживаетъ вниманія такого Собора. Устремите мысли свои къ тому, что важнѣе, соединитесь, скрѣдите, наконецъ, взаимныя узы любви. Долго ли будутъ смѣяться надъ нами, какъ надъ людьми неукротимыми, которые научились одному только—дышать ссорами? Подайте съ усердіемъ другъ другу десницу общенія. А я буду пророкомъ Іоною, и хотя не виновенъ въ бурѣ, жертвую собою для спасенія корабля. Возмите и бросьте меня по жребію. Какой нибудь гостепріимный китъ въ морскихъ глубинахъ дастъ мнѣ убѣжище. А вы съ этой минуты положите начало своему единомыслію, потомъ простирайтесь и къ прочему. Пусть мѣсто сіе назовется мѣстомъ *пространства* (Быт. 26, 22). Это и для меня обратится въ славу. А если на мнѣ остановитесь, то сіе будетъ для меня безчестіемъ. Даю законъ стоять за законы. Если держитесь такого образа мыслей, ничто для васъ не будетъ трудно. Я не радовался, когда восходилъ на престоль, и теперь схожу съ него добровольно. Къ тому убѣждаетъ меня и тѣлесное мое состояніе. Одинъ за мною долгъ—смерть; все отдано Богу. Но забота моя о Тебѣ единственно, моя Троица! О если бѣ имѣть Тебѣ защитникомъ какой нибудь языкъ благообученный, по крайней мѣрѣ исполненный свободы и ревности! Прощайте и воспоминайте о трудахъ моихъ!»

Такъ сказалъ я; они уклонялись отъ рѣшительнаго слова, а я оставилъ собраніе и съ радостію и съ какимъ-то уныніемъ,—съ радостію, что прекратятся нѣсколько труды для меня, съ скорбію, потому что не зналъ, что

будетъ съ народомъ; да и кто не сокрушается о сиротѣющихъ дѣтяхъ? Таковы были мои чувствованія; известно же только имъ самимъ и Богу, не скрывали ли въ себѣ чего либо большаго, кромѣ выказываемаго наружу, эти подводные утесы, эти засады въ морскихъ глубинахъ, эта гибель кораблей. Иные говорятъ и такъ, но я смолчу. У меня нѣтъ времени распознавать хитросплетенія злобы. Я упражняюсь въ приобрѣтеніи простоты сердечной, отъ которой зависитъ спасеніе. А спастись—единственное мое попеченіе. Впрочемъ знаю, и знаю болѣе, чѣмъ было бы нужно, что Соборъ тотчасъ почтилъ меня безпрекословнымъ согласіемъ. Такъ отечество вознаграждаетъ друзей!

Такъ было у меня съ ними; а что жъ съ Государемъ? Кланялся ли я, изгибался ли, припадалъ ли къ его десницамъ? Вымолвилъ ли предъ нимъ какое просительное слово? Засылалъ ли ходатаемъ кого другаго изъ друзей наиболѣе сильныхъ при Дворѣ и особенно ко мнѣ расположенныхъ? Сыпалъ ли золото, прибѣгалъ ли къ помощи этого сильнаго властелина, помогаясь того, чтобъ не пасть съ престола? Такія мѣры предоставляю другимъ людямъ, слишкомъ гибкимъ. А я, какъ только могъ, пришелъ къ порфиноносцу, и въ присутствіи многихъ наблюдавшихъ, что буду говорить, сказалъ: «И я, щедродаровитый царь, прошу у твоего всемощія нѣкоторой милости; прошу у тебя не золота, не разноцвѣтныхъ мраморовъ, не покрововъ для таинственной трапезы, прошу не о томъ, чтобъ родные мои получили высокіе чины, или удостоились служить при твоей особѣ; прошу объ этомъ свойственно тѣмъ, которые домогаются не многого; а я почитаю себя стоящимъ и болѣе важнаго. Даруй мнѣ одно, дозволю уступить нѣсколько зависти.

Желаю чтить престолы, но только издали. Я изнемогъ, видя, что меня ненавидятъ всѣ, даже и друзья; потому что не могу обращать взоровъ ни на что, кромѣ Бога. У нихъ требуй вожделѣннаго согласія; если не изъ страха Божія, и не изъ страха наказанія, то, по крайней мѣрѣ, изъ угожденія тебѣ пусть положить они оружіе. Воздвигни себѣ побѣдный памятникъ въ этой безкровной брани, какъ воздвигъ уже, сокрушивъ необузданную дерзость варваровъ. Требуй и этой (указаль я на сѣдину и вмѣстѣ на слѣды пота, пролитого мною для Бога); она не отказывается терпѣть для пользы міра. Тебѣ извѣстно, что ты возвелъ меня на престолѣ противъ моей воли». Самодержецъ рукоплескалъ, когда я говорилъ сіе; рукоплескали и другіе. И я получаю просимое, правда, какъ говорятъ, съ трудомъ, однако же получаю.

Что еще послѣ этого озабочиваетъ меня? Стараюсь убѣдить всѣхъ, чтобъ приняли это равнодушно; и изъ любви ко мнѣ, и по раздраженію на дурной поступокъ, ни мало не задумывали какихъ либо сопротивленій. Я употреблялъ ласки, похвалы, рукоплескалъ людямъ злонамѣреннымъ; такъ дѣйствовалъ на служителей алтаря, на постороннихъ, на вождей стада, на тѣхъ, которые издавна принадлежали къ Церкви, и которые присоединились къ ней недавно, и не могли перенести, что лишаютъ ихъ Пастыря,—такъ дѣйствовалъ на Епископовъ, которыхъ крайне сіе поразило; ибо многіе, какъ скоро узнали о рѣшеніи Собора, поспѣшно потекли вонъ, какъ стрѣлы молніи, затыкали себѣ уши, всплескивали руками, не хотѣли даже и видѣть, чтобы другой возведенъ былъ на мой престолъ.

Конецъ слову. Вотъ я дышащій мертвецъ, вотъ я побѣжденный и вмѣстѣ (не чудо ли?) увѣнчанный, въ замѣнъ

престола и пустой пышности стяжавшій себѣ Бога и божественныхъ друзей! Оскорбляйте меня, благодушствуйте, скажите, мудрецы, сложите пѣснь о моихъ несчастьяхъ, пойте ее въ собраніяхъ, на пирахъ и въ храмахъ, возглашайте свою побѣду, какъ пѣтухи, вытянувшись и высоко поднявъ голову, ударяйте локтями себѣ въ бока среди безумцевъ! Одинъ захотѣлъ, и всѣ вы одержали побѣду. А если самъ я хотѣлъ этого; то какая зависть — лишать меня и этой славы, хвастаясь, что свели съ престола силою! Если же я не хотѣлъ, устыдитесь сдѣланнаго худо вы, которые вчера возвели на престолъ, и нынѣ изгнали.

Что жъ буду дѣлать, избѣжавъ сего? Стану съ Ангелами. Какова ни будетъ моя жизнь, никто не причинитъ ей вреда, но никто не принесетъ и пользы. Сосредоточусь въ Богѣ. А рѣчи обо мнѣ другихъ пусть разносятся, какъ легкіе вѣтерки. Я пресытился ими; меня часто осыпали и злорѣчіемъ и чрезмѣрными похвалами. Одного ишу себѣ—обитать вдали отъ злыхъ, гдѣ могъ бы единымъ умомъ искать Бога, гдѣ питала бы мою старость утѣшительная надежда горнихъ благъ.

Что жъ принесу въ даръ Церквямъ?—Слезы. Къ этому привелъ меня Богъ, подвергнувъ жизнь мою многимъ превратностямъ. А куда приведетъ она меня, повѣдай мнѣ, Божіе Слово. Молю Тебя, чтобы привело въ неколебимую обитель, гдѣ моя Троица и Ея сочетанное сіяніе, Троица, Которой и не ясныя тѣни приводятъ меня въ восторгъ.

О СЕБѢ САМОМЪ И НА ЗАВИСТНИКОВЪ.

Григорія іерея и забава и рыданія. Увеселяйся, кому угодно, моими несчастіями.

У меня и бездѣлка имѣетъ свои украшенія, и изъ ямбовъ родится новая мѣра. Прочти акростихъ (а), и ясно увидишь.

Хотя я старъ и извѣдалъ много бѣдствій; потому что морщины показываютъ опытность въ дѣлахъ, а опытность всего чаще производитъ благоразуміе: однако же и моя старость, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не видала такого бѣдствія, какое видитъ теперь. И это не трудно узнать изъ краткаго слова.

Вожди народа незаконно возстали другъ противъ друга. Ополчась вмѣсто орудія гнѣвомъ и завистию и кипя презорствомъ, какъ свирѣпымъ огнемъ, они возстали, и раздѣлилась цѣлая вселенная. А я—человѣкъ тонкій (потому что думалъ о себѣ не мало), хотя никакъ не могъ поражать злыхъ жезломъ (вамъ извѣстно, что и теперь я то же предпочелъ бы всему), однако же дѣлалъ, что былъ въ состояніи, и придерживался обоихъ камней, подражая краеугольному камню — Спасителю. Но какъ укрощающій львовъ, или разсвирѣпѣвшихъ кабановъ, оскорбленій не прекратилъ, а самъ затоптанъ; потому что

(а) Акростихъ и послѣдующіе два первые стиха :

*Γρηγορίε ἱερεὺς ἀθ'ὕμνητά τε σοφισαί τε.
Τέρεπτοθ' ὅβρι φίλον πῆμισιν ἡμετέροις.*

5*

легче пострадать, нежели сдѣлать доброе дѣло. Если бы сталъ я мученикомъ : то , подвергшись большимъ и жесточайшимъ страданіямъ, всего скорѣе освободился бы отъ двоякой опасности. Но нѣтъ возможности переносить благодушно обиду, которая такое долгое время непрестанно предъ глазами. Кто не знаетъ сего , даже и не близкій ко мнѣ? Если это одно у нихъ дѣло: то пусть двоедушіе ихъ ко мнѣ остановится въ одномъ. Если самъ я сошелъ съ престола , чего же еще больше ? А если свергнуть противъ воли, чего достойны отважившіеся на это? Нынѣ возведенъ на престолъ, а на утро сводятъ меня съ престола. Въ состояніи ли кто пріискать на это хотя ложную причину ? Осмѣливаюсь сказать, Христе мой, что у меня на сердцѣ. Они завидуютъ моимъ подвигамъ, тѣмъ камнямъ, которые въ меня метали.

А можетъ быть (скажу ясно), предметомъ ихъ нападеній Духъ,—Духъ (выслушайте это), исповѣдуемый Богомъ. Еще говорю: Ты мой Богъ, и въ третій разъ восклицаю: Духъ есть Богъ. Бросайте , цѣльте въ меня камнями ; вотъ непоколебимо стою предъ вами цѣлю истины, презирая свистъ и словъ и стрѣлъ.

У насъ Отецъ — корень и источникъ Доброты. Отъ Него рожденный Свѣтъ и Слово—печать Безначальнаго; отъ Него и Духъ—безлѣтное естество. Богъ—Богъ мой и Богъ тройственная Единица. Никто не возбранитъ мнѣ говорить сіе. Свидѣтель тому — моя Троица, что время не превратитъ сего слова. Пусть все колеблется, только бы не превращали у меня Бога! Равно нечестиво—одно ли что, или все обезчестить. У меня есть голосъ, а у тебя — города и блистательные престолы. Удерживаю языкъ; какое прекрасное принужденіе ! О если бъ мнѣ

свѣтитъ, какъ свѣтильнику, поставленному на свѣщникѣ! О если бѣ мнѣ озарять цѣлую вселенную!

Такъ теперь; а въ скоромъ времени новыя престолы, законный порядокъ и первыхъ и вторыхъ престоловъ. Тяжелы были бы здѣшнія неудачи, если бѣ Богъ въ послѣдствіи не оборачивалъ костей другою стороною. Не хочу имѣть привязанности къ здѣшнимъ благамъ. Ты дѣлай возліанія этому міру, а я приношу жертву Богу, чтобъ безъ труда переносить мнѣ непріятности. Ночь все покрываетъ; а день все освѣщаетъ. Много потрудился я: однако же труды мои не стоятъ еще тѣхъ наградъ, какія ожидаютъ друзей Божіихъ.

Исаія претренилъ былъ пилюю: но перенесъ сіе съ терпѣніемъ. Трехъ отроковъ въ печи привѣтливо принялъ огонь. Даніиль брошенъ къ звѣрямъ, какъ къ друзьямъ. А Павелъ и Петръ явились побѣдоносцами въ Римѣ. И Предтеча не жертва ли своего дерзновенія? Они знаютъ, что я умеръ: но пусть знаютъ, что я живъ, хотя бы Тебѣ, Отецъ, угодно было послать мнѣ что нибудь еще худшее.

КЪ ЗАВИСТНИКАМЪ.

Правосудіе, суди, законы, судилища, и ты мечъ, изощренный на злыхъ, и грозный день—обличитель всего, и неумирающій червь, и источники всеподающаго огня, выслушайте, выслушайте мой судъ! Когда все умерло, умираетъ и зависть; потому что борьба бываетъ съ противоборствующимъ; а что не стоитъ на дорогѣ и не противится, тому безъ зависти оказываютъ честь. Но я

и умеръ и терплю отъ зависти, хотя перенесъ въ жизни борьбы всякаго рода. Чѣмъ докажу это, какими свидетельствами? Всѣ вопіють, хотя и заключаю уста свои. О если бы несчастіе мое осталось не гласнымъ !

О если бы могъ я не осквернить языка, выговаривая словомъ (что изъ всего худаго есть худшее) и самое имя! Звѣрь, исполненный яда;—опасная и ужасная кладовая зависти, позорный столпъ, сокращенно представляющій всякое ужасное зло. Кому не надлежало бы приближаться къ спасительнымъ дверямъ, тотъ предпочтень моимъ тайнодѣйствіямъ, и трудъ этой власяницы поставленъ выше метаній въ меня камнями и моихъ очищеній. Увы! Кто изъ мудрыхъ похвалитъ сіе? О Ты, Который проникаешь въ таинницы моего сердца, всѣмъ распоряжаешь, и все ведешь къ другой жизни! Они поставили меня ниже худыхъ! Ужели и тамъ будутъ первенствовать злые? Они худую помощь оказываютъ другъ другу, одно имѣя въ виду—безопасность своихъ престоловъ. О если бы имѣть мнѣ часть, какой я достоинъ! Но ежели нѣтъ мнѣ доли здѣсь; Ты, Христе, часть моя, и лучше Тебя имѣть, нежели все то, что есть у всѣхъ. Ты единственное твердое и свободное стяжаніе, котораго не лишитъ меня никакая зависть.—

О РАЗЛИЧІЯХЪ ВЪ ЖИЗНИ И ПРОТИВЪ ЛЖЕ-ІЕРЕЕВЪ.

Тотъ совершенный живописецъ, кто начертываетъ на картинахъ вѣрныя и живыя изображенія, а не тотъ, кто,

намѣшавъ понапрасну много красокъ, хотя и доброцѣтныхъ, представляетъ на картинѣ написанный лугъ. И корабль мореходный хвалю не за то, что блистаетъ излишними украшениями и расцвѣченной кормой, но за то, что рука корабельнаго строителя крѣпко сплотила его гвоздями, надежнымъ и смѣлымъ пустила по волнамъ. И войско должно быть храбро, а не красиво; и въ домѣ хорошая отдѣлка—второе уже достоинство послѣ прочности. Такъ и жизнь человѣческая, или божественна, когда страхъ ведетъ человѣка ко Христу, дѣлаетъ его чуждымъ сѣтей грѣха, постояннымъ, неразвлеченнымъ и безпечальнымъ; или весьма порочна, и внутренне безсильна, хотя по наружности не надолго имѣетъ такую же силу, какую замѣчаемъ въ умоизступленныхъ, у которыхъ все кружится, потому что мысль идетъ кругомъ.

Такъ не одинаково и сердце молитвенниковъ великаго Христа. Одинъ—всегдашній слуга человѣческаго могущества, смотря по обстоятельствамъ, какъ трость, колеблемая вѣтромъ, клонится туда и сюда, и подаетъ не врачевство, но образецъ всякаго порока. Другой трепетными и благоговѣйными руками возноситъ даръ благодаренія Христовой плоти и великимъ страданіямъ, какія понесъ на землѣ Богъ въ избавленіе наше отъ первородныхъ недуговъ. Онъ живетъ для единого Христа, Имъ утѣшается, для Него, возносясь отселѣ, отрѣшаетъ сердце отъ земнаго, и изъ людей однимъ добрымъ покоряетъ мысль; злымъ же противится, какъ твердый камень адамантъ. Онъ не заботится о богатствѣ, о великихъ престолахъ, о человѣческой славѣ, пресмыкающейся долу. И, нося на себѣ кожу могучаго, царственнаго льва, не скрываетъ подъ нею раболѣпства лисицы, чтобъ быть мертвоедцемъ, хитрецомъ, злодѣемъ, перекидываться во

всѣ виды порока. Напротивъ того, непрестанно обогащая умъ чистыми представленіями, касается даже небесной Троицы, утвердилъ Ея образъ въ своемъ сердцѣ, созерцающая единую Славу въ трехъ Добротахъ, а наконецъ, чистыми жертвами приуготовляя народъ богоподобный, приносить безкровную сердечную жертву.

Въ числѣ таковыхъ молитвенниковъ желалъ быть и я,— не скрою сего, потому что нога моя стояла уже внутри преддверія. Но какъ скоро увидѣлъ я дѣла непотребныя и заботливо обдуманый обманъ, отступилъ назадъ и внѣ поставилъ свою ногу. Правда, что много понесъ я огорченій и среди другихъ неправовѣрныхъ, у которыхъ и теперь еще отдаются звуки моего голоса. Мнѣ—камни; а имъ—новоутвержденное Божество Троицы,—вотъ дары, какіе принесли мы другъ другу! Но если и уступалъ я; то нигдѣ не оставлялъ слова не утвержденнымъ, куда только ни заносили меня наши волненія. Теперь я низложенъ; наступай, наступай на меня, злобная зависть! Или, можетъ быть, остановлю еще тебя, хотя буду сокрытъ въ крайнихъ предѣлахъ земли, заключенъ въ мрачной утробѣ морскаго звѣря — кита, какъ нѣкогда было съ Іоною. Пусть тѣло въ утробѣ; но умъ, сколько бы ни преграждали ему пути, съ неудержимымъ стремленіемъ пойдетъ, куда желалъ. Вотъ единственное достояніе добрыхъ—свобода, неудержимость, неодолимость, умъ воспарившій ко Христу!

Григорій уже не сотрапезникъ земнаго царя, какъ прежде, не станетъ дѣлать и малыхъ угожденій своему мѣшку (а), не будетъ потушенный и безмолвный возлежать среди пирующихъ, съ трудомъ переводя дыханіе

(а) Тѣлу.

и пресыщаясь, какъ рабъ. Судья не посадить меня или рядомъ съ собою, чтобы почитать, или ниже себя, чтобы положить мѣру моему духу. Не буду цѣловать окровавленныхъ рукъ, или ласкать подбородокъ, чтобы добиться небольшой милости. Не побѣгу съ многолюдной свитой на священный или именинный, или похоронный, или свадебный обѣдъ, чтобы все предать расхищенію, иное истребивъ собственными зубами, а иное предоставивъ своимъ провожатымъ—этимъ хищническимъ рукамъ Вріарей; поздно же вечеромъ отвести нагруженный корабль, одушевленный гробъ, то есть, съ трудомъ привлечь опять домой болѣзненное чрево, но едва перевода дыханіе отъ пресыщенія, и еще не избавившись отъ прежней тягости, спѣшить на другой богатый пиръ. Нѣтъ, нѣтъ, не буду говорить пріятнаго слуху, председательствуя въ священныхъ мѣстахъ или одинъ, или въ совокупномъ собраніи многихъ; не отрину глаголовъ Духа изъ заботливости снискать любовь у народа; не стану тѣшиться рукоплесканіями, ликовствовать на зрѣлищахъ; не буду, подобно состязующимся на ристалищахъ въ ловкости и изворотливости, или обгоняющимъ другъ друга на колесницахъ, носиться по стремнинамъ слова препретьельнаго, и притомъ не для того, чтобы истребить гнѣвъ, охладить бѣшенство распаленнаго тѣла, узами слова связать руку, которая съ неистовствомъ простирается ко всему чужому, изгнать изъ сердца ложную славу, поученіями своими низложить на землю надмевающуюся гордыню, источниками слезъ вызвать слезы, но для того, чтобы вкусить одну жестокую отраву, которая причинить несомнѣнную смерть—удовлетворить страсти гонаться за славой. Не буду засѣдать въ собраніяхъ гусей, или журавлей, которые дерутся между собою безъ всякой при-

чины, гдѣ раздоръ, гдѣ смятеніе, а еще прежде сего, гдѣ собраны въ одно мѣсто всѣ тайныя срамоты враждующихъ.

Вотъ причины, по которымъ на ряду съ низкими сижу я—такой врачъ страстей, который самъ не боленъ. Ибо моей сѣдинѣ не прилично забавляться подѣтски, и противъ своего обычая услуживать изъ-за престоловъ, за которые препираясь, другіе дѣлятся на скопища и незаконно разсѣкаютъ цѣлый міръ. Увы! увy! какъ велики наши скорби!

Владѣй всѣмъ этимъ, кому угодно, и кто хитръ. А я безтрепетно буду исполняться Христомъ. Если же худо покинуть броды богомудраго народа; то да падетъ сіе на главу тѣхъ, которые сами свергли ихъ съ себя, чтобы, подобно быстрому коню, не терпящему узды, неистово нестись по стремнинамъ и утесамъ. У меня одно желаніе, чтобы они имѣли попеченіе о всемъ богоугодномъ. Если же заботятся о худомъ, молю Бога поставить слухъ мой вдали отъ нихъ.

КЪ ЕПИСКОПАМЪ.

Приносящіе безкровныя жертвы іерей, достославные приставники душъ, вы, которые на рукахъ своихъ носите созданіе великаго Бога, приводите человѣковъ въ преимущественное единеніе съ Богомъ, вы — основанія міра, свѣтъ жизни, опора слова, тайноводители въ жизнь свѣтлую и нескончаемую, христоносцы, вы, которые воссѣдаете на знаменитыхъ престолахъ, превознесены, вос-

хищаетесь благолѣпными зрѣлищами, выходите на позорище, становитесь на деревянные ходули, вы, которые подъ чужими личинами слабо отверзаете уста, а въ дѣлахъ внутренняго благочестія не отличаетесь отъ прочихъ, шутите, если угодно, и надъ тѣмъ, надъ чѣмъ вы шутите не прилично, говорите съ важностію о томъ, что дѣлаете слишкомъ легкомысленно! А я, хотя всѣ вы единодушно почитаете меня человѣкомъ худымъ и не-сноснымъ, далеко гоните отъ своего сонма, поражая тучами стрѣлъ и явно и тайно (послѣднее болѣе вамъ правится), а я скажу, что побуждаетъ меня и что внушаетъ мнѣ сказать сердце. Хотя не охотно; однако же изрину изъ сердца слово, какъ струю, которая, будучи гонима вонъ сильнымъ вѣтромъ, и пробѣгая по подземнымъ разсѣлинамъ, производитъ глухой шумъ, и гдѣ только можетъ прорваться изъ земли, расторгнувъ узы, выливается изъ жерла. То же теперь и со мною: не могу удержать въ себѣ желчи. Но снесите великодушно, если скажу какое и колкое слово—плодъ моей горести. И то врачуется отъ скорби, если и воздуху передашь слово.

Было время, что сіе великое тѣло Христово, сія досточестная слава Царя — народъ царствующій на цѣлой землѣ былъ народомъ совершеннымъ (а). Нынѣ опять колеблется сіе Божіе стяжаніе, подобно волнѣ многошумнаго моря, или дереву, потрясаемому порывистыми вѣтрами. Это тотъ народъ, для котораго Богъ снишелъ съ небеснаго престола, истощивъ Свою славу въ смертной утробѣ, вступилъ въ общеніе съ человѣками во едино

(а) Леуенклай читаетъ: *ἕθνος ἄριστον*, а у Библия: *ἕθνος ἀπίστον*.

сочетанный Богъ и человѣкъ, въ великую цѣну искушенія предать на страданія Свое тѣло, и для избавленія насъ отъ грѣха изліялъ Божественную кровь. Это народъ, за который принесены многія другія жертвы, именно тѣ, которыя въ послѣдствіи сѣяли всѣмъ слово, отъ жестокой руки пріяли сладостную смерть, чтобы почтить и словомъ Бога - Слово и кровію — кровь. Кто же беспокоитъ сіе тѣло? Откуда у меня столько скорбей? Почему единопасущійся вепрь повредилъ мою ниву? Почему померкшая луна затмила такую славу?

Неистовый, злоторный врагъ ненавидитъ человѣка съ тѣхъ поръ, какъ перваго Адама извергъ изъ рая, и чрезъ вредоносный плодъ лишилъ его безсмертной жизни. Онъ не переставалъ приводить людей въ изнеможеніе многократными и сильными потрясеніями; однако же, сколько ни желалъ, не могъ своими ухищреніями повергнуть весь родъ нашъ предъ собою наколѣна. Искра слова, какъ огненный столпъ, со славою протекла всю землю. Гонители еще болѣе утвердили тѣхъ, для которыхъ вѣнценосные мученики стали общимъ союзомъ. И вотъ врагъ избобрѣлъ новую, дѣйствительнѣйшую хитрость: видя могущественное воинство, посѣялъ гибельную вражду между вождами. Ибо съ паденіемъ полководца все воинство преклоняется долу. И мореходный корабль, какъ скоро лишень кормчаго, опрокидывается губительнымъ вѣтромъ, или сокрушается о камни. *Зрн* Дома, города, лики, колесницы и стада — все терпитъ вредъ отъ невѣжества ими управляющаго. Говорю сіе знающимъ нашъ порокъ, всѣмъ предстоятелямъ народа. —

— Прежде учреждены были *города убѣжища* для чело-
вѣкоубійць (Числ. 35, 11.), опредѣлено было мѣсто для
жертвъ *отпущенія* (Лев. 16, 8 — 10.); а въ послѣдніе

дни было мѣсто горести и крови (Матѣ. 27, 6—10.)— крови Христовой, которую зломудренныя, пріѣвъ худую и малую цѣну Неоцѣненнаго, пролили, правда не противъ воли Его, но когда Самъ Онъ восхотѣлъ, потому что былъ Богъ неударжимый руками, однако же пролили. А нынѣ всѣ, и чужіе и принадлежащіе къ нашей оградѣ, знаютъ одно мѣсто для злочестія и смерти, и это—огражденное прежде сѣдалище мудрыхъ, дворъ совершенныхъ, возвышеніе для ангельскихъ ликостояній, рѣшетка, раздѣляющая два міра, міръ постоянный и міръ преходящій, предѣлъ между богами и однодневными тварями. Такъ было нѣкогда; а что нынѣ, смѣшно то видѣть. Всѣмъ отверстъ входъ въ незапертую дверь, и кажется мнѣ, что слышу провозвѣстника, который стоитъ посреди и возглашаетъ: «Приходите сюда всѣ служители грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, чревоугодники, утучнѣвшіе, безстыдные, высокомерные, винопійцы, бродяги, злорѣчивые, одѣвающиеся пышно, лжецы, обидчики, скорые на живыя клятвы, снѣдающіе народъ, ненаказанно налагающіе руки на чужое достояніе, убійцы, обманщики, невѣрные, льстецы предъ сильными, низкіе львы надъ низкими, двоедушные рабы перемѣнчиваго времени, поппы, принимающіе, какъ говорятъ о нихъ, цвѣтъ камня ими занимаемаго, не давно оженившіеся, кипучіе, люди съ едва пробивающимся пушкомъ на бородѣ, или умѣющіе скрывать естественный огонь, питающіе въ глазахъ воздушную любовь, потому что избѣгаете явной, невѣжды въ небесномъ, новопросвѣщенные, и отъ того, что ваша грѣховность встрѣчается съ свѣтозарнымъ Духомъ, обнаруживающіе свою черноту, приходите смѣло: для всѣхъ готовъ широкій престолъ; приходите и преклоняйте юныя выи подъ простертыя десницы: онѣ усердно

простираются ко всѣмъ, даже и не желающимъ ! Опять дается манна—этотъ необычайный дождь; собирай всякій въ свое нѣдро, кто больше, а кто скудиѣе. Если угодно, не падите и святаго дня — благочестиваго покоя; или, можетъ быть, она и загниетъ въ ненасытныхъ рукахъ. Общее всѣхъ достояніе—воздухъ, общее достояніе —земля, для всѣхъ широкое небо и все, что открываетъ оно взорамъ, для всѣхъ также дары моря, для всѣхъ и престолы. Великое чудо! Саулъ не только не лишентъ благодати, но даже пророкъ ! Никто не останавливайся вдали, земледѣлецъ ли ты, или плотникъ, или кожевникъ, или ловецъ звѣрей, или занимаешься кузнечнымъ дѣломъ; никто не ищи себѣ другаго божественнаго вождя; лучше самому властвовать, нежели покоряться властвующему. Брось изъ рукъ, кто большую сѣкиру, кто рукоять плуга, кто мѣхи, кто дрова, кто щипцы, и всякій иди сюда; всѣ толпитесь около божественной трапезы, и тѣнясь и тѣся другихъ. Если ты силенъ, гони другаго, не смотря на то, что онъ совершенъ, много трудился на престолѣ, престарѣлъ, изможденъ плотию, небошественъ, презритель міра, живетъ въ Богѣ, мертвецъ между живыми и добрый священникъ Царя. Кто пишетъ картину съ подлиннаго изображенія, тотъ ставитъ сперва передъ собою подлинникъ, и потомъ картина принимаетъ на себя списываемый образъ. Но кто смотритъ на васъ, тотъ пойдетъ противоположной стезею. И это — единственная польза отъ вашей испорченности». Такъ говорить громогласный провозвѣстникъ.

Но меня приводитъ въ страхъ, что слышу о славномъ Моисѣѣ, который одинъ внутри облака видѣлъ лицомъ къ лицу Бога, а другимъ велѣлъ остаться внизу горы, и очистившись, въ чистой одеждѣ, съ трепетомъ

внимать только Божію гласу; поспирать же святую землю не безопасно было не только народу, но и самымъ скотамъ; ибо всѣхъ поражали отторгавшіеся отъ горы камни. Боюсь также участи сыновъ Аароновыхъ, которые, возложивъ жертвенные начатки на огонь чуждый, чуднымъ образомъ погибли; самое мѣсто жертвоприношенія немедленно сдѣлалось мѣстомъ ихъ смерти, и хотя они были дѣти великаго Аарона, однако же лишились жизни. Такъ жалкая гибель постигла и Иліево семейство; и дѣти Иліевы погибли за то, что имѣли продерзливый умъ и на священные котлы налагали неосвященные руки; но не избѣжалъ, — да, не избѣжалъ гнѣва и самъ Илій; несчастная жадность сыновей довела до гибели и сего праведника, хотя онъ никогда не оставлялъ проступка дѣтей безъ укоризны. Если такихъ мужей и за такіе грѣхи постигъ гнѣвъ; чего должно страшиться за большія преступленія? И тотъ, кто тебя, царственный кивоть, клонившагося къ паденію, поддержалъ нечистою рукою, умеръ внезапно смертію! А Божій храмъ дѣлали неприкосновеннымъ для рукъ вѣншія огражденія стѣнъ.

Посему-то я плачу и припадаю къ стопамъ Твоимъ, Царь мой Христосъ; да не срѣтитъ меня какая либо скорбь по удаленіи отсюда! Изнемогъ пастырь, долгое время боровшійся съ губительными волками и преширавшійся съ пастырями; нѣтъ уже бодрости въ моихъ согбенныхъ членахъ; едва перевожу дыханіе, подавленный трудами и общимъ нашимъ безславіемъ. Одни изъ насъ состязуются за священные престолы, возстаютъ другъ противъ друга, поражаются и поражаютъ безчисленными бѣдствіями; — это неукротимые воители, они возглашаютъ мнѣ: миръ, и хвалятся кровію. О когда бы Божіе правосудіе поразило ихъ геескою болѣзнію, и за сѣда-

лица терпѣли казнѣ на своихъ *сѣдалищахъ* (1 Цар. 5, 9.)! Другіе, раздѣлясь на части возмущаютъ Востокъ и Западъ; начавъ Богомъ, оканчиваютъ плотію. Отъ сихъ противоборниковъ и прочіе заимствуютъ себѣ имя и мятежный духъ. У меня сталъ Богомъ Павелъ, у тебя — Петръ, а у него — Аполлосъ. Христосъ же напрасно пронзенъ гвоздями. По имени людей, а не по Христу, именуемся мы, прославленные Его благодѣніемъ и кровію. До того омрачены очи наши этою страстію или къ суетной славѣ, или къ богатству, и этою страшною злорадною завистію, которая изсушаетъ человѣка, и справедливо сама себя сѣдаетъ скорбію! Предлогомъ споровъ у насъ Троица; а истинною причиною — невѣроятная вражда. Всякій двоедушень;—это овца, закрывающая собою волка, это уда, коварно предлагающая рыбѣ горькую сѣдъ. Таковы вожди; а не далеко отсталъ и народъ. Всякій мудръ на злое даже и безъ вождя. Нѣтъ никакого различенія между добромъ и зломъ, между благоразумною сѣдиною и безразсудною юностію, между люботрудной, богобояненной жизнію и между жизнію распутной. Одинъ законъ: тому имѣть преимущество, кто всѣхъ порочнѣе. Да погибнетъ тотъ, кто первый ввелъ сюда людей негодныхъ! Они хотѣли бы, чтобы имъ принадлежали и міръ, и Богъ, и все, что въ послѣдніе дни возмѣрится совершеннымъ; и чтобы добрые трудились напрасно. Вотъ что угодно нашимъ судіямъ, чтобы бѣжала отсюда всякая правда, чтобы все слилось во едино — Христосъ, человѣкъ, солнце, звѣзда, тма, ангелъ добрый и денница уже не свѣтозарная, чтобы почитались равными Петру — богоубійца Искаріотъ, и священному Солиму — злочестивая Самарія, чтобы были въ равной цѣнѣ и золото, и серебро, и желѣзо, въ

одномъ достоинствѣ жемчужина съ дикимъ камнемъ , и стокъ нечистоты съ чистымъ источникомъ , — чтобъ все смѣшалось между собою, и слилось вмѣстѣ , какъ прежде , когда міръ былъ еще первозданнымъ веществомъ , которое только чреватѣлю міромъ , но не пришло еще въ раздѣльность !

Моавитянамъ и Аммонитянамъ недоступенъ былъ великій храмъ , потому что они огорчили доброе воинство (Второз. 23, 24.). А иныхъ причислилъ Иисусъ къ водоносцамъ и древесѣнцамъ за то , что употребили обманъ (Ис. Нав. 9, 23.). Такъ поступлено съ злыми! Колѣно же великаго Левія удостоено чести ; Левиты поставлены служителями небесной скинии ; но и имъ распределены жертвоприношенія , мѣста и труды ; рукѣ каждого представлялось особое дѣло, всякій исполнялъ особую потребу внутри и внѣ храма. Такими законами ограждалась у нихъ добродѣтель ! Но мы опять назначили награды пороку. О гибель ! Оплачетъ ли сіе какой пѣвецъ , искусный въ сложеніи плачевныхъ пѣсней?

Остановите зло, друзья мои! Перестанемъ обременять себя злостіемъ. Да будетъ наконецъ почтенъ Богъ святыми жертвами! И если убѣдилъ я васъ, воспользуемся симъ. Если же слово мое и сѣдину мою затмѣваетъ дерзость юныхъ, или этихъ воронъ, которыя безразсудно накликаютъ на меня гибельную тучу ; то свидѣтельствуюсь рукою безсмертнаго Бога и страшнымъ днемъ , который наконецъ потребитъ огнемъ легкое вещество, свидѣтельствуюсь, что я не сопрестольникъ, не сотрудникъ имъ, не хочу участвовать съ ними ни въ совѣтѣ, ни въ плаваніи, ни въ пути. Но пусть идутъ они своимъ путемъ, а я поищу себѣ Ноева ковчега, чтобы спастись въ немъ отъ ужасной смерти ; а потомъ, пребывая вдали

отъ злыхъ, постараюсь избѣжать жестокаго и неизобразимаго дождя, которымъ попаленъ Содомъ. Наложивъ узду на блуждающій умъ, собравъ его внутрь, весь углубившись самъ въ себя, смѣясь надъ житейскими бурями, которыя и лица мудрыхъ покрываютъ часто грязною пылью, непрестанно напечатлѣвая въ сердцѣ мысли божественныя, не смѣшивающіяся съ худшимъ и просвѣтлѣнныя, стремительнымъ желаніемъ приближаясь къ свѣту Трисіяннаго Божества, приступлю къ милосердому престолу безсмертнаго Бога, гдѣ все открыто, а еще болѣе откроется, когда всѣмъ равнымъ за равное возмѣрятъ вѣсы въ рукахъ правосуднаго Бога.

КЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМЪ ІЕРЕЯМЪ И КЪ САМОМУ КОНСТАНТИНОПОЛЮ.

Іереи, приносящіе безкровныя жертвы, и служители великой Единицы въ Троицѣ! Законы! Цари, украшающіеся благочестіемъ! Знаменитый градъ великаго Константина, младшій Римъ, столько преимуществующій предъ другими городами, сколько звѣздное небо предъ землею! Взываю къ вашему благочестію. Каково поступила со мною зависть? За что разлучила съ священными чадами меня, который подвизался долгое время, озарялъ ихъ небесными ученіями, и изъ камня источалъ имъ потокъ? Какое въ этомъ правосудіе? Мой былъ трудъ, я подвергался опасности, въ первый разъ напечатлѣвая въ городѣ благочестіе; а теперь другой веселитъ сердце свое моими трудами, неожиданно вступивъ на чужой престолъ,

на который возведенъ я былъ Богомъ и добрыми Божиими служителями. Вотъ слѣдствія страшнаго недуга! Такъ поступили Божіи служители, которые, питая другъ къ другу достоплачевную вражду, о Царь мой Христосъ! не дружелюбны ко мнѣ; потому что я не дерзкій воинъ, не держался ни той ни другой стороны, ничего не захотѣлъ предпочесть Христу. Въ томъ мой грѣхъ, что я ни въ чемъ не прегрѣшалъ, подобно другимъ, и какъ малый корабль, не вступаю въ бой съ кораблемъ тяжело нагруженнымъ. За это ненавидятъ меня и люди легкомысленные, которые неблагочестно отворяли святилище сіе друзьямъ—угодникамъ времени. Но да покроется сіе глубокимъ забвеніемъ! А я, удаляясь отсюда, буду утѣшаться спокойствіемъ, столь же охотно оставляя и царскій дворъ, и городъ, и священниковъ, сколько прежде желалъ сего, когда Богъ призывалъ меня и ночными видѣніями и ужасающими страхованіями холоднаго моря. Посему радуюсь, что избѣжалъ зависти, и послѣ великой бури привязываю вервь въ тихой пристани. Тамъ чистыми представленіями ума восторгая сердце, такъ же буду приносить въ даръ и безмолвіе, какъ прежде приносилъ слово. Таково слово Григорія, котораго воспитала Каппадокія, и который всего совлекся для Христа!

НА СВОЕ УДАЛЕНІЕ.

1.

И изъ угодныхъ Богу одни совершаютъ доброе плаваніе, а другіе, будучи не хуже первыхъ, встрѣчаютъ

6*

затрудненіе въ плаванні. Кто же кромѣ Тебя, Слово, знаетъ тому причины! Не превосходнѣ ли идти стезею крутою и негладкою, нежели путемъ удобнымъ? Впрочемъ скажу, какая у меня объ этомъ мысль. Лучше то и другое вмѣстѣ—и идти, и идти къ совершенству. А если сіе не возможно; то труды предпочитаю безславному и недоброму спасенію. Конечно, многое должно возносить къ Богу меня, котораго утомляютъ и плоть и стеченіе дѣлъ. Чтò же мнѣ дѣлать, если не достигаю обѣихъ желанныхъ цѣлей? Приготовь себя, какъ можно, скорѣе, и къ небу окрыли душу драгоцѣнную для Слова. Не оставляй при себѣ ничего излишняго, сбрось съ себя всю тяготу суетной жизни и здѣшнихъ золъ. Я предстоятель таинственной трапезы; я очищаю людей, которыхъ приношу Тебѣ въ даръ посредствомъ безкровныхъ и совершенныхъ ученій. О приснотекущая Свѣтлость, Источникъ свѣта! Я самъ имѣю нужду въ очищеніи, и потому знаю, какъ тяжело очищать пятна нечистоты. Замѣйте сіе, пастыри людей, и трепещите!

2.

Наконецъ-то я умеръ для зависти, соіереи! Теперь и на востокѣ и на западѣ, у враговъ и у друзей, кончилась ко мнѣ зависть. Я удалился; скажите мнѣ доброе слово; по крайней мѣрѣ я всѣмъ скажу мое прощальное слово. Если на мое мѣсто найдете другаго; почитайте его. Духъ досточтимъ для меня, Его защитника. Но теперь я уже не средостѣніе брани.

Да проповѣдуется Троица, и другой кто нибудь да примириаетъ людей, какъ должно. Я оставляю престолъ; но не престану вѣщать къ Богу.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ СВОЕ ИЗЪ КОНСТАНТИНОВА ГРАДА.

Пускаюсь въ путь, оставивъ за собою великую широту жизни, волнуемую здѣсь и тамъ бурными вѣтрами, имѣя при себѣ все, что сдѣлалъ, и покинувъ, что меня утруждало; пускаюсь въ путь, одного трепеща, а другимъ увеселяясь. Не покинулъ я ничего пріятнаго, ничего такого, о чемъ бы сталъ скорбѣть. Хотя покорился одному я противъ воли, за то другому — по естественной волѣ.

Одно было у меня любимое стяжаніе, одно преимущество богатство, одна надежда къ забвенію трудовъ, это — общее для всѣхъ сіяніе великой Троицы, проповѣдать Которую приходилъ я къ людямъ именитымъ, для меня чужеземнымъ. И хотя не вовсе остался я неуязвимъ (меня, какъ нечестивца, встрѣтили камнями; за что благодареніе Тебѣ, Троица!); однако же проповѣдалъ я Троицу, и какъ кругъ около средоточія, всѣхъ привелъ въ движеніе вѣщаніями благочестія. Я былъ еще среди поприща; но меня возвратили назадъ трудъ и болѣзнь; и весьма много жалуясь на завистливаго демона, который исторгъ у меня чистый плодъ моего чревоболенья, только что образовавшійся, когда онъ находился въ преддверіяхъ жизни.

Теперь моя Троица опять среди торжищъ и ликостолнй разсѣкается устами нечестивыми, и слова блудническія одерживаютъ верхъ. Увы ! увy! Какой Финеесть, ревнитель въ душѣ и по имени, вонзить мечъ рукою, карающе блудъ ! Или какой Моисей окажетъ помощь неправедно попираемымъ еврейскимъ догматамъ, и, немедленно изгубивъ египетскія басни, пріобрѣтетъ великую славу у великаго народа ? Кто вмѣститъ въ умъ своею всецѣлое Божество, ничего не сокративъ въ великой Троицѣ ? Или кто разсудительнымъ умомъ и крѣпкими доводами развѣтетъ силу сопротивныхъ ученій ? Кто защититъ отъ стрѣлъ непреклонную вѣру, не измѣняясь съ обстоятельствами, стоя твердо при перемѣнѣ властелиновъ, и не станетъ совращать ее съ прямого пути, устремляясь туда и сюда, подобно току непостояннаго Еврипа ? Кто остановитъ ужасную брань преобладающихъ іереевъ, примиривъ между собою поборниковъ миролюбія ?

А я сильно желалъ сего; потому что Христось Богъ, врачество челоуѣковъ, повелѣваетъ это законами Своихъ страданій, по которымъ связалъ Онъ крестомъ вмѣстѣ и добрыхъ и злыхъ, и того, кто близокъ къ Нему; почему для тѣхъ и для другихъ составляетъ Онъ краеугольный камень, соединяя людей во едино союзомъ любви. Я желалъ сего; но тѣ, которые враждовали на меня прежде, вмѣнили меня ни во что, не оказали никакого вниманія къ моимъ совѣтамъ. И о если бы только не вооружились они противъ Троицы, въ Которую мещуть тучи стрѣлъ !

Ты Сама, Троица, прекрати брань ! Никого да не уязвить сія зловредная брань; а напротивъ того положи

добрый конецъ моимъ трудамъ, давъ возрастать правому о Тебѣ ученію!

Прости, знаменитый храмъ Анастасіи! Ты, посредствомъ моихъ словъ, опять воззвалъ къ жизни умершую вѣру. И умирая, не забуду о тебѣ, но буду поставлять тебя на ряду съ превосходнѣйшими храмами, умолая Троицу о чадахъ моихъ.

КЪ СЕБѢ САМОМУ.

Много, очень много случится перенести челоѣку, съ продолженіемъ времени. Но что ни посылаетъ правящій нашею жизнію Богъ, все это сносно. Сколько бѣдъ претерпѣлъ я въ чужомъ городѣ, принеся въ даръ слово свое, чтобы поддержать падающее ученіе! Похвалю, если скажутъ о нихъ другіе. Но и говорятъ уже многіе, какъ чужіе, такъ и любители достоуважаемой мною вѣры. Ибо доселѣ ничто не приводило въ такое колебаніе цѣлую землю, какъ дерзновеніе, съ какимъ Духа возглашаетъ Богомъ. Сіе-то, какъ извѣстно, и меня подвергло неблагорасположенію друзей. Но величайшее благодареніе Тебѣ, Блаженный, за сіе прекрасное безчестіе! Ибо что для челоѣка можетъ быть достославнѣе такого безчестія?

Но что, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ я здѣсь, о томъ самъ скажу друзьямъ, чтобы они научились равнодушно переносить нападенія зависти. Прекрасное и подлинно божественное слово изрекъ нѣкогда Богъ, что всякій пророкъ кажется достойнымъ чести только на чужой сторонѣ; а извѣстное всего чаще не признается достойнымъ и чести (Марк. 6, 4.). То же самое, и еще большее, очевиднымъ образомъ случилось теперь и со мною.

Когда, оставивъ чужую сторону, возвратился я въ отечество, и съ удовольствіемъ увидѣлъ родную землю и любезный мнѣ народъ: тотчасъ пришелъ мнѣ на мысль ковчегъ, который одинъ избѣжалъ потопленія въ справедливо погибшемъ мірѣ; потому что и отечество мое, когда въ немъ оскудѣвало уже почти правое ученіе, спасъ древомъ великій отецъ мой, содѣлавъ его всецѣлымъ чителемъ всецѣлой Троицы. Сей - то народъ, страждущій отъ безначалія, подобно кораблю, который, среди глубинъ лишившись кормчаго, обуревается волнами, хотѣлъ я спасти отъ величайшихъ бѣдъ. Пусть всякій мечетъ въ меня камнями, потому что издавна привыченъ я къ камнямъ! Да, я хотѣлъ извлечь его изъ глубины рукою кормчаго, о которомъ зналъ, что онъ сильно противостанетъ дыханію бури, хотя и не давно принялъ на себя правленіе дѣлами. Сего хотѣлось мнѣ; но зависть, враждебная добрымъ, всѣми мѣрами воспротивилась прекраснымъ учрежденіямъ. Во-первыхъ, (кто бы могъ ожидать этого?) были ко мнѣ не добры занимающіе вторыя степени престола, старѣйшины, предсѣдатели народа—это прекрасное сонмище. Иные, кого удерживалъ еще малый остатокъ стыда, люди, подобно инымъ хитонамъ, двуличные и двуцвѣтные, наружно стояли за меня, а внутренно были ко мнѣ худо расположены. Впрочемъ я благодаренъ имъ и за то, что скрывали неразумныя свои желанія. Ибо явное раболѣпство хуже безчестія. Другіе же не тайно, но слишкомъ явно, были ко мнѣ непріязненны; они устыдились бы показаться ничего незначащими въ своей злобѣ.

О вы, кланяющіеся плоти (а), очевиднымъ образомъ

(а) Св. Григорій разумѣетъ Аполлинаристовъ, которые учи-

презирающіе Самого Бога, чтители Веемѣгора, а не истиннаго Владыки! Гдѣ же таинственная трапеза? Разсудите справедливо. Гдѣ хлѣбъ, гдѣ руки, которыя на главы ваши привлекли Духа? Попирайте въ злобѣ своей и самую благодать! А народъ не укоряю. Ибо что удивительнаго, если погрѣшаютъ въ подобныхъ дѣлахъ, имѣя такихъ предстоятелей? И при мудрыхъ вождахъ съ трудомъ можно быть совершеннымъ. —

Зри

Впрочемъ не этому, дѣти, училъ я васъ нѣкогда, хотя и не долго правилъ чужими броздами. Не тому училъ я, чтобы презирали вы законы и слова учителя. У меня доставало еще силъ и это переносить терпѣливо; потому что страданіе всего лучше учить терпѣнію. — Но всего болѣе истаявало мое сердце отъ того, что меня обманывали мудрые, епископы народныя, на словахъ были моими друзьями и одобряли мнѣніе, какъ твердое и имъ болѣе, нежели чье либо, угодное; а къ чему клонились на самомъ дѣлѣ, не мнѣ о томъ говорить. Скажу только, что я былъ обманутъ. О проповѣдуемая мною Троица! о алтари, о метанія камнями, и всѣ труды, какіе совершилъ я дотолѣ съ первоначальнаго подвижничества! Погибла вѣра въ Бога, погибла у людей! Куда кому обратиться, чѣмъ стать ближнимъ? Если свѣтилики сдѣлались таковы, если свѣтъ таковъ; то разсуди: какова тма?

Зри -

Двукратно впадаю я въ обманъ; и подвергаясь сему, знаю это, если только и мнѣ дано отъ Бога разумѣть нѣчто. Но мучимый (кому извѣстно это кромѣ Бога?)

ли, что Сынъ Божій, при вочеловѣченіи, воспринялъ на Себя только плоть человѣческую безъ разумной души.

переносилъ я сіе, подражая (если смѣю сказать) Божію челоуѣколюбію. По видимому, я одинъ вовсе не слышу и не вижу того, что всѣмъ открыто и явно, что видитъ цѣлый міръ; не вижу и не слышу, только бы оставался цвѣтъ прежняго тѣла, теперь уже изнемогшаго и приведеннаго въ жалкій упадокъ! Угодно ли сіе Слову, научите меня вы, мудрые; а мнѣ кажется это не только непріятнымъ, но и крайне злымъ.

Отъ сего, какъ въ пробитую стѣну, или какъ въ прорвавшуюся плотину, вторгаются всѣ сѣатели новыхъ зловредныхъ ученій. У нихъ явились даже и новыя, злочеливо написанныя скрижали. Они незаконнымъ сѣченіемъ разсѣкаютъ моего великаго Бога, единое все превосходящее дѣла на высшее, среднее и низшее. А какъ разсѣкаютъ моего Бога, такъ разсѣкаютъ и великаго Богочелоуѣка, признавая Его не имѣющимъ ума, какъ будто не имѣлъ ума падшій Адамъ, или какъ будто боятся они, чтобы я страданіями не былъ спасенъ совершенно. Видно, надобно одной моей кожѣ получить спасеніе; а все прочее во мнѣ, какъ безчестное, оставлено Богомъ! У нихъ есть и это, не знаю, откуда взятое, какое-то новое іудейство—бредни о тысячелѣтіи, порожденіе языческаго упоенія и заблужденія. Они-то, какъ волцы тяжцы, вторгшись въ доброе стадо, не имѣющее пастыря, немилосердо рвутъ и расхищаютъ его, къ скорби моего сердца. А я, хотя принялъ жезлъ другаго стада, однако же болѣзную, видя уничтоженіе отеческихъ трудовъ. Да и почему же не болѣзновать кому либо, даже разсуждающему хладнокровно? Не меня же одного воспиталъ какой нибудь дубъ или камень!

Пусть назовутъ меня лжецомъ и злымъ; однако же скажу свою мысль. И самъ ты, любезнѣйшій, который

теперь съ надменностію смотришь на мои страданія , сколько знаю, не свободенъ отъ болѣзни, хотя и думаешь о себѣ, что стоишь безопасно и выгодно. Змблются башни ; какъ же не колебаться рядомъ стоящему дому ? Содрогаются кедры ; какъ же оставаться въ безопасности соснѣ ? Старайся отдалить брань, если не хочешь быть къ ней близкимъ. О сихъ словахъ моихъ вспомнить иный со временемъ, когда нечего будетъ болѣе дѣлать, какъ только терзаться напрасно.

Чтò худшаго пошлешь еще мнѣ, Христе мой ? Еще ли будешь пережигать меня огнемъ ? Все прійму охотно ; только будь ко мнѣ милосердъ. Не много еще , и не гладкій путь жизни будетъ мною пройденъ. А каково тамъ ?... Какъ бы ни было худо—все для меня хорошо ; потому что тамъ нѣтъ двоедушія, но одна простота.

О СТИХАХЪ СВОИХЪ.

Видя , что въ нынѣшній вѣкъ многіе пишутъ рѣчью не мѣрною, легко сливающеюся съ пера, и большую часть времени проводятъ въ трудахъ, отъ которыхъ нѣтъ иной пользы, кромѣ пустой говорливости, а притомъ пишутъ весьма самовольно, такъ что въ заключеніе всего является не меньше бредней, чѣмъ морскаго песка, или египетскихъ скниповъ, видя все сіе, всего болѣе восхитился я тою одною мыслию, чтобы, бросивъ всякое другое слово, держаться только словесъ богодухновенныхъ, какъ и избѣгающему бури всего пріятнѣ тихая пристань. Ибо если Писанія представляютъ столько опоръ , то самая мудрая мысль—увлекшимся въ худое въ нихъ же искать

убѣжища отъ всякаго суетнаго ученія. Да и какъ тебѣ, человѣкъ, пища по дольнымъ понятіямъ, изречь несо-
мнѣнное слово?

Но поелику совершенно невозможно отказаться отъ всякаго слова, когда міръ раздѣлился на столько раско-
ловъ, и всякій, въ подкрѣпленіе своего уклоненія отъ истины, прибѣгаетъ къ защитѣ этихъ рѣчей; то вступилъ я на новый путь слова, который хорошъ, или худъ, но мнѣ пріятенъ, и употребилъ нѣсколько трудовъ своихъ на мѣрную рѣчь. У меня не было намѣренія (какъ по-
думали бы многіе) дѣломъ самымъ легкимъ пожать пу-
стую (какъ говорится) славу; хотя знаю, что мои про-
тивники такой способъ писать назовутъ скорѣе человѣко-
угодіемъ; потому что большая часть людей и дѣла ближ-
няго мѣряютъ своею мѣрою. Не предпочитаю также сего божественнымъ трудамъ. Мой разумъ никогда не отпадалъ столько отъ Бога. Что же со мною сдѣлалось? Подивитесь, можетъ быть, этому.

Во-первыхъ, хотѣлъ я, трудясь для другихъ, тѣмъ самымъ связать мой грѣхъ, чтобы вмѣстѣ и писать, и, заботясь о мѣрѣ, писать не много.

Во-вторыхъ, молодымъ людямъ, и всѣмъ, которые всего болѣе любятъ словесное искусство, какъ бы пріят-
ное какое врачевство, хотѣлъ я дать эту привлекатель-
ность въ убѣжденіи къ полезному, горечь заповѣдей подсластивъ искусствомъ. Да и натянутая тетива требу-
етъ нѣкотораго послабленія. Если тебѣ угодно и это, и не требуешь ничего больше; то вмѣсто пѣсней и игры на лирѣ даю тебѣ позабавиться сими стихами, ежели за-
хочешь иногда и позабавиться, только бы не нанесъ кто тебѣ вреда, похитивъ у тебя прекрасное.

Въ-третьихъ, хотя знаю, что, можетъ быть, это и мелко, однако же подвергся я сему; не хочу, чтобы чужіе имѣли передъ нами преимущество въ словѣ, — разумѣю это цвѣтистое слово, хотя у насъ красота въ умозрѣніи. Поэтому хотя, конечно, посмѣялся я надъ вами, мудрые; однако же да будетъ мнѣ оказана лъвиная милость.

Въ-четвертыхъ, изнуряемый болѣзнію, находилъ я въ стихахъ отраду, какъ престарѣлый лебедь, пересказывая самъ себѣ вѣщанія свирующихъ крыльевъ, — эту не плачевную, но исходную пѣснь.

Судите же теперъ по этому вы, вѣдающіе внутреннее, если и сами отдаете преимущество мѣрной рѣчи. Стихи мои вѣщаютъ въ себѣ по большей части дѣльное и нѣчто игривое, но нѣтъ въ нихъ ни растянутости, ни излишества. А думаю, что нѣтъ также совершенно бесполезного; въ этомъ, если хочешь, удостовѣрять тебя самые стихи. Ибо въ нихъ иное изъ нашего ученія, а иное изъ ученій вѣшнихъ, и это или похвала добродѣтелей, или оужденіе пороковъ, или мысли, или какое нибудь мнѣніе, или краткія изреченія, замѣчательныя по сочетанію рѣчи. Если это маловажно, сдѣлай самъ что нибудь болѣе важное. Оуждаешь размѣръ стиховъ; и справедливо; потому что самъ не наблюдаешь размѣра, пиша ямбами, производя на свѣтъ какіе-то выродки стиховъ. Какой слѣпецъ узнавалъ видающаго? Кто, не двигаясь съ мѣста, догонялъ бѣгущаго? Впрочемъ, покупая порицаемое тобою, самъ знаешь, что покупаешь. Ибо что хулишь, того самъ домогаешься, и даже употребляешь самыя непомѣрные усилія на это, то есть, писать стихи. Или когда обличаешь, тогда родится въ тебѣ и довѣренность? Для меня всего любезнѣе тотъ, кто претерпѣваетъ кораблекрушеніе на сушѣ. Вы, мудрые, ухищ-

рлетесь на нѣчто подобное. Не явная ли это ложь ; не двурѣчіе ли ? Не давно была обезьяна, а теперь стала львомъ. Такъ легко уловляется любовь къ славі !

Впрочемъ узнайте, что и въ Писаніи многое писано мѣрною рѣчью, какъ говорятъ мудрые изъ Евреевъ. Не назовешь ли размѣромъ и тѣ бряцанія струнъ, съ которыми древніе пѣли стройно сложенные рѣчи, чтобъ пріятное, какъ полагаю, содѣлать колесницею' для добраго, и чрезъ сладкопѣніе образовать нравы ? Въ этомъ увѣрить тебя Саулъ, игрою на гусляхъ освобождаемый отъ Духа. Какой же вредъ видишь въ томъ, что молодые люди чрезъ благопристойное наслажденіе приводятся въ общеніе съ Богомъ ? Ихъ трудно вдругъ перестроить. Пусть же будетъ въ нихъ нѣкоторая благородная смѣсь. Но когда доброе со временемъ окрѣпнеть, тогда, отнявъ красное слово, какъ подпорку у свода, соблюдемъ въ нихъ самое доброе. Чтò можетъ быть полезнѣе этого ? И ты ревнитель строгости, нахмуривающий брови, и самоуглубляющийся въ себя, разве не подкладываешь сладостей въ кушанье ? За чтò же оуждаешь мою рѣчь, дѣла ближняго измѣряя своею мѣрою ? Не сходятся между собою предѣлы Миданъ и Фригіянъ ; не одинъ аконъ полетѣть у галокъ и орловъ.

П И С Ъ М А .

ПИСЬМА

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ГРЕГОРІЯ БОГОСЛОВА.

1. КЪ ВАСИЛІЮ ВЕЛИКОМУ (5) (а).

Въ неисполненіи своего обѣщанія жить вмѣстѣ съ Св. Васи-
ліемъ извиняется необходимостію услуживать родителямъ, и
предлагаетъ способъ — примирить требованія обѣщанія и дол-
га. (358 г.).

Признаюсь, измѣнилъ я обѣщанію жить и любомудр-
ствовать вмѣстѣ съ тобою, какъ далъ слово еще въ
Аѳинахъ, во время тамошней дружбы и тамошняго
слиянія сердецъ (ибо не могу найти болѣе приличнаго
выраженія). Но измѣнилъ не добровольно, а потому, что
одинъ законъ превозмогъ надъ другимъ, законъ, повелѣ-
вающій прислуживать родителямъ, надъ закономъ това-
рищества и взаимной привычки. Впрочемъ и въ этомъ

(а) Число сіе показываетъ порядокъ Письма въ Биліевомъ
изданіи.

не измѣню совершенно, если ты будешь согласенъ на то же самое. Иногда я буду у тебя, а иногда ты самъ благоволи навѣщать меня, чтобы все было у насъ общее, и права дружбы остались равночестными. Такъ можно мнѣ будетъ и родителей не оскорблять, и быть вмѣстѣ съ тобою.

2. КЪ НЕМУ ЖЕ (6).

Поелику св. Василиій шутливо писалъ о стужахъ и ненастьяхъ въ Тиверинѣ, мѣстопребыванія св. Григорія; то съ подобною шуткою отзывается о самомъ св. Василиіи, и мѣстѣ его жительства — Кесаріи.

Несносно мнѣ, что ты, великій нелюбитель грязи, привыкшій ходить на пальцахъ и попирать гладкія мостовыя, человѣкъ парящій, выпрєннїй, уносимый съ стрѣлою Авариса, упрекаешь меня Тивериномъ, здѣшними стужами и ненастями, и хотя самъ Каппадокїанинъ, однако же бѣгаешь того, что въ Каппадокіи. Тѣмъ развѣ дѣлаемъ вамъ обиду, что вы блѣднѣете, съ трудомъ переводите дыханіе, и солнцемъ пользуетесь въ мѣру, а мы тучнѣемъ, пресыщаемся и не заключаемъ себя въ тѣсныя предѣлы? Но послѣднее принадлежитъ вамъ. Вы роскошествуете, вы обогащаетесь, у васъ бывають торжища. Не хвалю этого. А потому, или перестань упорять меня за грязь; ибо не ты построилъ городъ, и не я сдѣлалъ ненастья; или и я тебѣ вмѣсто грязи укажу на корчемниковъ и на все, что бываетъ въ городахъ дурнаго.

3. КЪ НЕМУ ЖЕ (7).

Посѣтивъ св. Василія въ его понтіійской пустынь, шутливо описываетъ оную (послѣ 360 года).

Смѣйся, черни все наше или въ шутку, или и въ правду; не въ томъ дѣло; будь только весель, уповайся своею ученостію, и наслаждайся моею дружбою. А для меня, если что отъ тебя, что бы оно ни было, и каково бы ни было, все пріятно. И если только понимаю тебя, мнѣ кажется, что и надъ здѣшнимъ смѣешься не для того, чтобъ осмѣять, но для того, чтобы меня привлечь къ себѣ, какъ и рѣки для того преграждаютъ, чтобъ заставить ихъ течь иначе. Ты и всегда поступаешь такъ со мною.

Буду же дивиться твоему Понту и понтіійскому сумраку, этому жилищу, достойному бѣглецовъ, этимъ высищимъ надъ головою гребнямъ горъ, и дикимъ звѣрямъ, которые испытываютъ вашу вѣру, этой лежащей внизу пустынкѣ, или кротовой норѣ, съ почетными именами: обители, монастыря, училища, этимъ лѣсамъ дикихъ растений, этому вѣнцу стремнистыхъ горъ, которымъ вы не увѣнчаны, но заперты. Буду дивиться тому, что въ мѣру у васъ воздухъ, и въ рѣдкость солнце, которое, какъ бы сквозь дымъ, видите вы, понтіійскіе Киммеріане, люди безсолнечные, не на шестимѣсячную только осужденные ночь, какъ рассказываютъ объ иныхъ, но даже никогда въ жизни не бывающіе безъ тѣни, люди, у которыхъ цѣлая жизнь—одна длинная ночь, и въ полномъ смыслѣ (скажу словами Писанія) *снь смертная* (Лук. I, 79.). Хвалю также этотъ узкій и тѣсный путь, который, не знаю, куда ведетъ, въ царство, или въ адъ,

но для тебя пусть ведетъ онъ въ царство. А что въ серединѣ, то не назвать ли мнѣ, если хочешь (только, конечно, не въ правду), адемомъ и раздѣляемымъ въ четыре начала источникомъ, изъ котораго напоевается вселенная? Или наименовать сухою и безводною пустыней, которую удобрить какой нибудь Моисей, жезломъ источившій воду изъ камня? Ибо что не завалено камнями, то изрыто оврагами; а гдѣ нѣтъ овраговъ, тамъ все заросло терніемъ; и надъ терніемъ утесъ, и на утесѣ стремнистая и не надежная тропинка, которая умъ путника приучаетъ къ собранности и упражняетъ въ осторожности. Внизу шумитъ рѣка; и это у тебя, высокоглаголивый творецъ новыхъ наименованій, это амфиполійскій и тихій Стримонъ, обильный не рыбами, но камнями, не въ озеро изливающийся, но увлекаемый въ пропасть. Рѣка велика и страшна, заглушаетъ псалмівнія обитающихъ вверху; въ сравненіи съ нею ничего не значать водопады и пороги; столько оглушаетъ васъ день и ночь! Она стремительна, не переходима: мутна и негодна для питья; въ одномъ только снисходительна, что не уноситъ вашей обители, когда горные потоки и ненастья приводятъ ее въ ярость. И вотъ все, что знаю объ этихъ счастливыхъ островахъ, или о васъ счастливыхцахъ. А ты не выхваляй тѣхъ луновидныхъ изгибовъ, которые больше подавляютъ, нежели ограждаютъ подходъ въ ваше подгорье; не выхваляй этой вершины, висящей надъ головами, которая жизнь вашу дѣлаетъ Танталовою; не хвали мнѣ этихъ провѣвающихъ вѣтерковъ и этой земной прохлады, которые освѣжаютъ васъ, утомленныхъ до омраченія; не хвали и пѣвчихъ птицъ, которыя, хотя и воспѣваютъ, но голодъ, хотя порхаютъ, но въ пустыни. Никто къ вамъ не заходитъ; развѣ для того,

говоришь, чтобъ погоняться за звѣремъ ; присовокупи же къ этому : и посмотри́ть на васъ мертвецовъ. Все это длиннѣе, можетъ быть, письма, но короче сатиры. И ты, если шутку мою пріймешь спокойно, поступишь справедливо. А если нѣтъ ; присовокуплю къ этому и большее.

4. КЪ НЕМУ ЖЕ (8).

Продолженіе той же шутки.

Поелику шутку мою принимаешь спокойно, присовокуплю и остальное. А начало у меня изъ Омира. «Итакъ продолжай и внутреннюю воспѣвай красоту», этотъ кровъ безъ крыши и дверей, этотъ очагъ безъ огня и дыма, эти стѣны, высушенныя на огнѣ, чтобъ брызгами грязи не закидывало насъ, которые походимъ на Танта́ла и на осужденныхъ, томящихся жаждою въ водѣ, и это бѣдное и непитательное угощеніе, къ которому, не какъ къ скудной снѣди Лотофаговъ, но какъ къ трапезѣ Алкиноевой, пригласили изъ Каппадокіи меня, не давно претерпѣвшаго кораблекрушеніе и бѣдствующаго ; потому что помню, да и буду помнить, эти хлѣбы и эти, какъ называли ихъ, варенія, помню, какъ зубы скользили по кускамъ, а потомъ въ нихъ вязли и съ трудомъ вытаскивались, какъ изъ болота. Все это величественнѣе изобразишь самъ ты, почерпнувъ велерѣчіе въ собственныхъ своихъ страданіяхъ, отъ которыхъ, если бы не избавила насъ вскорѣ великая подлинно нищелюбига (разумѣю мать твою), явившаяся къ намъ благовременно, какъ пристань обуреваемымъ въ морѣ, насъ давно бы уже не

было въ живыхъ; и мы за свою понтіѣскую вѣрность возбуждали бы другихъ не столько къ похваламъ, сколько къ сожалѣнію. Какъ же мнѣ умолчать объ этихъ садахъ, не похожихъ ни на садъ, ни на огороды? И объ Авгіевомъ навозѣ, вычищенномъ изъ дому, которымъ мы наполняли сіи сады, когда телегу величиною съ гору, и я Вотріонъ и ты Ламиръ (а), возили на этихъ самыхъ плечахъ, и этими самыми руками, на которыхъ и доселѣ остаются слѣды тогдашнихъ трудовъ; и все это (о земли и солнце, о мужъ и добродѣтель! скажу словами трагика) не для того, чтобы соединить берега Гелеспонта, но чтобы заровнять оврагъ. Если рассказы о семъ не оскорбительны для тебя, то, конечно, не оскорбительны и для меня. А если тебѣ горько слышать; то каково самое дѣло? И о многомъ еще умолчу изъ уваженія ко многому прочему, чѣмъ наслаждался.

5. КЪ НЕМУ ЖЕ (9).

Оставивъ шутку, съ услажденіемъ воспоминаетъ время, проведенное у св. Василія въ его понтіѣской пустынь.

Что прежде писалъ я о понтіѣскомъ препровожденіи времени; то была шутка, а не правда. А что пишу теперь, то уже очень правда. *Кто мя устроитъ по*

(а) Слова: Вотріонъ и Ламиръ оставлены безъ перевода. Можно догадываться, что это были имена, какія св. Василій и св. Григорій давали въ шутку другъ другу, возя на себѣ телегу.

мѣсяцамъ прежнихъ дней (Іов. 29, 2.), въ которые я увеселялся съ тобою злостраданіемъ; потому что скорбное, но добровольное, предпочтительнѣе пріятнаго, но невольнаго? Кто дастъ мнѣ сіи псалмопѣнія, бдѣнія и молитвенныя къ Богу преселенія? Кто дастъ жизнь какъ бы невещественную и безплотную? Кто дастъ согласіе и единодушіе братій, которыхъ ты ведешь на высоту и къ обоженію? Кто дастъ соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто дастъ трудолюбіе въ чтеніи Божіихъ словесъ, и при путеводительствѣ Духа обрѣтаемый въ нихъ свѣтъ? Кто дастъ (скажу о самомъ маломъ и незначительномъ) поденныя и ручныя работы—переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе, поливаніе? Кто дастъ этотъ золотой яворъ, который дороже Ксерксова, подъ которымъ сживалъ не царь пресыщенный, но монахъ изнуренный, который насадилъ я, напоилъ Аполлосъ, или твоя пречестность, а возрастилъ Богъ къ моей чести, чтобъ сохранялся онъ у васъ памятникомъ моего трудолюбія, какъ читаемъ и вѣримъ, что и въ кивотѣ хранился прозябшій жезлъ Аароновъ? Легче пожелать всего этого, но не такъ легко получить сіе. Прійди же ко мнѣ на помощь, соедини со мною свои усилія, содѣйствуй мнѣ въ добродѣтели; и если собрали мы прежде что либо полезное, то охраняй сіе своими молитвами, чтобы не разсѣяться мнѣ по не многу, какъ разсѣвается тѣнь съ преклоненіемъ дня. А я тобою дышу болѣе, нежели воздухомъ, и тѣмъ единственно живу, что, бываю ли съ тобою вмѣстѣ, или розно, но мысленно всегда неразлученъ.

6. КЪ АДАМАНТИЮ (199).

Посылая, по просьбѣ его, риторическія книги, извѣщаетъ о себѣ, что пересталъ заниматься подобными предметами, принесъ все это въ даръ Слову; и ему совѣтуетъ пользоваться симъ во благо, такъ чтобы страхъ Божій превосмогалъ суетность.

Просишь ты у меня книгъ; потому что съ юношескимъ жаромъ занимаешься риторикой, съ которою я распростился, по Божію вразумленію и для Бога обративъ взоры горѣ; потому что надобно же было когда нибудь перестать мнѣ заниматься игрушками и лешетать по-дѣтски, а заглянуть въ истинную ученость, и вмѣстѣ съ другимъ, что только у меня было, въ даръ Слову принести и слова. Лучше было бы, если бы попросилъ ты книгъ божественныхъ, а не этихъ; потому что, какъ знаю, первыя тебѣ и полезнѣе и свойственнѣе. Но поелику беретъ надъ тобою верхъ худшее, и переувѣрить тебя невозможно; то вотъ тебѣ и книги, какихъ у меня спрашиваешь, и сколько уцѣлѣло ихъ отъ моли и дыма, надъ которымъ онѣ коптѣли, какъ у мореходцевъ ручка отъ руля по окончаніи плаванія и времени, способнаго къ плаванію. А ты заплатишь мнѣ за софистику, не скупясь и не робѣя, но показавъ себя во всемъ блескѣ и мужествѣ; потому что у васъ въ великой цѣнѣ и Кинегіры и Каллимахи, мараѳонскіе и саламинскіе побѣдные памятники, ради которыхъ и сами себя почитаете, и молодыхъ людей думаете сдѣлать, счастливыми. Для насъ это, хотя не ко времени и не по нашимъ правиламъ, а по старой только привычкѣ, пусть и доселѣ служить одною забавой; а тебѣ желаю и приобрѣсти, и приобрѣтленнымъ пользоваться во благо. Но пользуйся такъ,

чтобы страхъ Божій (а Бога всѣмъ и всегда чтить должно) превозмогалъ суетность, сколько возможно сіе для насъ, которые не совсѣмъ избавляемся отъ оной. А если, хотя справедливымъ тебѣ кажется сказанное, однако же не почитаешь дѣломъ любомудрія требовать платы за книги; то скажу; пришли только деньги, а возраженіе рѣшать нищіе.

7. КЪ КЕСАРІЮ БРАТУ (17).

Выражаетъ свою и всѣхъ домашнихъ своихъ скорбь о томъ, что Кесарій остался на службѣ при Дворѣ, по вступленіи на престолъ Юліана (361 г.).

Довольно было намъ стыда за тебя. Ибо о томъ, что мы огорчились, нужно ли и писать тебѣ, который больше всякаго въ томъ увѣренъ? Не говоря о себѣ и о томъ, какимъ безпокойствомъ, а позволь даже сказать, и страхомъ исполнилъ насъ слухъ о тебѣ, желалъ бы я, чтобы ты, если бы это было возможно, самъ послушалъ; что говорятъ о тебѣ и о насъ другіе, и свои и посторонніе, сколько ни есть намъ знакомые, если только они христіане. И не только одни говорятъ, а другіе нѣтъ; напротивъ того всѣ равно и въ одинъ голосъ это повторяютъ; потому что людямъ пріятнѣе разсуждать о чужихъ дѣлахъ. И вотъ обратилось имъ какъ бы въ постоянное занятіе говорить слѣдующее: «И епископскій сынъ нынѣ уже въ службѣ, домогается мірскихъ чиновъ и славы, уступаетъ надъ собою побѣду корыстолюбію; потому что нынѣ все воспламенено страстію къ деньгамъ, и для нихъ не щадятъ люди души свой, а ни мало не поставля-

ють для себя и единственной славы и безопасности и обогащенія въ томъ, чтобы мужественно противоборствовать времени и поставить себя, какъ можно, дальше отъ всякой нечистоты и скверны ! Какъ теперь Епископы уговаряютъ другаго не увлекаться временемъ, не оскверняться общеніемъ съ идолами ; какъ теперь наказывать проступившихся въ чемъ иномъ , когда самъ Епископъ не смѣетъ сказать слова, по причинѣ случившагося у него въ домѣ?» Вотъ что, или еще и гораздо сего худшее, слышимъ мы каждый день и отъ тѣхъ, которые говорятъ это, можетъ быть , по дружбѣ, и отъ тѣхъ, которые нападаютъ изъ неприязни. Съ какимъ же , думаешь, расположеніемъ и съ какимъ духомъ принимаемъ это мы, рѣшившіеся служить Богу и признавшіе единственнымъ благомъ устремлять взоръ къ будущимъ надеждамъ ? Государя родителя нашего , который весьма огорченъ слухами, и которому отъ сего самая жизнь въ тягость, утѣшаю еще и ободряю я нѣсколько, ручаясь за твой образъ мыслей, и увѣряя, что не будешь больше причинять намъ печали. А государыня мать, если услышитъ о тебѣ что нибудь такое (а доселѣ пока разными выдумками скрываемъ отъ нея это), будь увѣренъ, впадетъ въ скорбь совершенно безутѣшную ; потому что, какъ женщина, она менѣе тверда духомъ, и притомъ, по крайнему благоговѣнію, не способна соблюсти мѣру въ подобныхъ случаяхъ. Поэтому, если уважаешь сколько нибудь себя и насъ, придумай для себя что нибудь лучшее и болѣе надежное. Ибо, безъ сомнѣнія, и того, что есть у насъ здѣсь, достаточно, чтобы вести свободную жизнь человѣку, который не слишкомъ ненасытенъ и неумѣренъ въ пожеланіи большаго. Притомъ не вижу, какого еще времени ждать намъ, чтобы ты устроилъ

жизнь свою, если пропустимъ настоящее. А если удержишься прежняго образа мыслей, и, чтобъ удовлетворить своему стремленію, всего для тебя мало; то не намѣренъ я говорить что либо для тебя неспріятное; а предскажу только и засвидѣтельствую, что необходимо одно изъ двухъ, или, оставаясь искреннимъ христіаниномъ, принять на себя самую униженную долю христіанина и дѣйствовать не соотвѣтственно своимъ достоинствамъ и надеждамъ, или, желая чести, потерпѣть вредъ въ главнѣйшемъ, и участвовать, если не въ огнѣ, то въ дымѣ.

8. КЪ КАНДІАНУ (194).

Хвалить его какъ за прочія доблести, такъ преимущественно за то, что не увлекается духомъ времени, и хотя самъ язычникъ, однако же не враждуетъ на христіанъ, въ подражаніе Юліану, при которомъ служить.

Гдѣ теперь Софисты? Для чего молчать стихотворцы? Какихъ ищутъ лучшихъ рѣчей, или какого болѣе блистательнаго предмета? Теперь надлежало бы, чтобы для тебя, какъ всякій музыкальный и гармоническій языкъ приведенъ былъ въ движеніе, такъ и всякое искусство витійства прозвучало что нибудь высокое и потрясающее, не потому только, что почтить рѣчью добраго начальника есть долгъ изъ всѣхъ долговъ самый справедливый, но и потому, что всего свойственнѣе тѣмъ и другимъ искусствомъ украсить память того, кто совершенъ въ томъ и другомъ. Если бы я не прекратилъ своихъ рѣчей

преждевременно (чувствую это теперь), и если бы не положилъ (скажетъ иной: болѣе поспѣшнаго, нежели мудраго) намѣренія не говорить больше похвальныхъ словъ, и не вмѣнилъ себя въ любомудріе не посѣщать народныхъ собраний; то, можетъ быть, возгремѣлъ бы громче тирренскихъ трубъ (скажу это, не убоясь, какъ говорить Пиндаръ, жесткаго Момусова камня), развѣ бы только осудилъ на молчаніе свою незрѣлость. А теперь, что чувствую въ разсужденіи тебя, и каково мое положеніе, скорѣе, можетъ быть, поймешь изъ какого нибудь подобія. Какъ одинъ изъ самыхъ горячихъ коней, сѣку я помость ногами, грызу удила, поднимаю вверхъ уши, дышу изъ ноздрей яростью, смотрю грозно, извергаю пѣну, однако же остаюсь за преградой; потому что законъ не даетъ мнѣ свободы бѣжать. Итакъ что жъ? Когда такъ уже надобно, что остается мнѣ дѣлать? Вовсе ли бросить рѣчи, и молча дивиться твоимъ доблестямъ, другимъ предоставивъ хвалить тебя? Нѣтъ! Но другіе пусть будутъ въ числѣ хвалящихъ въ тебѣ иное, что кому угодно, и что кто можетъ. Безъ сомнѣнія же, доставишь ты достаточный предметъ для многихъ рѣчей и похвальныхъ словъ, если каждый станетъ хвалить тебя, избравъ для сего часть твоихъ доблестей. Одни изберутъ управленіе общественными дѣлами, и при этомъ благоразуміе и вмѣстѣ трудолюбіе; потому что избобрѣтеть ли кто съ большею твоей проницательностію, что нужно, или избобрѣтенное приведетъ ли въ исполненіе дѣятельнѣе тебя? Другіе возмутъ себя на долю вѣсы правосудія, какъ ты при ясномъ свѣтѣ разбираешь тяжбы, и, при своей возвышенности доставляешь высокое торжество Ѡемидѣ. Хотя мечъ твой страшенъ; потому что можетъ поразить; однако же, какъ никого не поражающій, онъ—

святѣни. Ты владѣешь имъ не для того , чтобъ наказывать погрѣшившихъ , но съ намѣреніемъ , чтобы никто даже и не погрѣшалъ , и чтобы всѣ покорствовали твоей мысли больше нежели могуществу другихъ , для кого закономъ служить дерзость. Иные пусть удивляются въ тебѣ могуществу дара слова , а если угодно , всѣмъ родамъ сего дара , сколько сіе касается до умѣнія оцѣнить сказанное и до способности самому сказать ; потому что ты способенъ судить о дарѣ слова , и еще способнѣе самъ говорить , такъ что одно уподобляется въ тебѣ золотому шару , или Омирову уровню , которымъ опредѣляется равный ростъ коней Евмеловыхъ , а другое превосходить и зимніе снѣги. Теперь ты съ такимъ же искусствомъ раздаешь награды за подвиги , съ какимъ прежде самъ подвизался. Иные пусть хвалятъ въ тебѣ строгость , срастворенную съ кротостію , и то , что въ самой пріятности , какъ въ львиныхъ прыжкахъ , нѣтъ у тебя ничего унижительнаго. Иные же укажутъ на то , какъ многомощное и почитаемое другими золото съ иными почетными титулами не уважено на твоёмъ судѣ , и бѣжало оттуда прочь ; а это одно уже выше и слуха и вѣроятія всѣхъ. А какой нибудь поэтъ , свободный и независимый въ искусствѣ , споетъ тебѣ и сельскую пѣснь , собравъ хороводъ земледѣльцевъ , и пожавъ зрѣлые колосья , сплететъ изъ нихъ самый пріятный вѣнокъ , и возложитъ на главу виноградныя вѣтви , переплетенныя плющемъ и кудрявцемъ. «Таковы, — скажетъ онъ, — начатки приношеній земледѣлія , снова тобою возвращеннаго людямъ. И камни да источать тебѣ молоко , и источники — медь , и всякое растеніе , и заботливо воспитанное и дикое , покроется нѣжными плодами !» — Это обыкновенныя изображенія у стихотворцевъ , когда хотятъ предста-

вить, что земля приносит кому либо свои дары. Когда же все это, какъ сказалъ я, будутъ говорить и выдумывать другіе (потому что все свое не только приводитъ въ восторгъ, какъ полагаютъ лирики, но и всего болѣе, обыкновенно, увеселяетъ): тогда я скажу о томъ, чѣмъ преимущественно восхищаюсь, и что лобызаю въ твоихъ доблестяхъ, а именно, что ты показываешь себя стоящимъ выше трудностей времени. Хотя по вѣрѣ ты язычникъ, и настоящему державцу воздаешь должное его державѣ, однако же служишь, не какъ служатъ льстецы, соображающіеся со временемъ, но какъ друзья прекраснаго и люди высокаго образа мыслей; и сколько исполняешь свой долгъ, столько и къ отечеству соблюдаешь благо-расположеніе, и въ смертномъ дѣлѣ приобретаешь безсмертную славу. Къ похвальнымъ твоимъ качествамъ принадлежитъ и то, что, при такомъ бремени правленія, удѣляешь нѣсколько уваженія и дружбѣ, и при такомъ числѣ дѣлъ, находишь досугъ не только помнить друзей, но и оказывать имъ честь своими письмами, свидѣтельствовать свою къ нимъ любовь и всѣхъ привлекать къ себѣ. За все это желаю тебѣ не чего либо большаго къ прославленію (потому что, хотя бы власть твоя и получила приращеніе, но добродѣтель никакого уже приращенія получить не можетъ), но одного, что все замѣнитъ собой, и что всего важнѣе, а именно, чтобы ты наконецъ соединился съ нами и съ Богомъ, сталъ на сторонѣ гонимыхъ, а не гонителей; потому что одно влечется стремленіемъ времени, а другое заключаетъ въ себѣ безсмертное спасеніе.

9. КЪ АМФИЛОХІЮ (159).

Привѣтствуетъ сего Амфилохія (въ послѣдствіи, вѣроятно, Епископа Иконійскаго) съ вступленіемъ въ должность судебного ходатая, и просить, для перваго опыта, принять на себя ходатайство по дѣлу Еввалія (364) (а).

Подопри золотыми столпами счастливый свой чертогъ, какъ говоритъ Пиндаръ, и добрымъ началомъ въ настоящей должности дай намъ знать о себѣ, что построишь и чудный домъ, являсь въ немъ славнымъ. А какъ дашь о себѣ знать? Воздавъ честь Богу и божественному; ибо что для тебя сего важнѣе и выше? А какъ же и чѣмъ воздашь честь? Тѣмъ однимъ, что приймешь на себя попеченіе о предстоящихъ Богу и о служителяхъ алтаря. Одинъ изъ нихъ сослужитель нашъ Еввалій, котораго, когда уже поступилъ онъ въ высшій чинъ, не знаю почему, намѣреваются исключить изъ него воинскіе начальники. Не потерши этого, и прости свою руку къ діакону и ко всему клиру, а болѣе всѣхъ ко мнѣ, о которомъ печешься ты. Иначе этотъ человѣкъ потерпитъ самую горькую участь, одинъ не воспользовавшись челоуѣколюбіемъ настоящаго времени и тою честью, какую воздаютъ цари священнымъ лицамъ. Но, можетъ быть, подвергается онъ оскорбленію и лишенію за дружбу ко мнѣ. И прекрасное дѣло—тебѣ не допустить до сего, хотя другимъ хочется не очень прекраснаго дѣла.

(а) Можно предполагать по нѣкоторымъ выраженіямъ письма сего, что оно писано въ кратковременное правленіе Юліана.

10. КЪ НЕМУ ЖЕ (160).

Его же ходатайству поручасть дѣло племянника своего Никовула,
мужа Аляпіаны, дочери Горгоніевой.

Хвалю изреченіе Феогнида, который, не одобряя дружбы, продолжающейся только, пока пьемъ и бываемъ вмѣстѣ, хвалитъ дружбу, выказываемую на дѣлѣ. Что же онъ пишетъ?

«За чашей много бываетъ друзей,

«А въ важномъ дѣлѣ ихъ мало.»

Мы съ тобою не пивали изъ одной чашки, и вмѣстѣ бывали не часто (хотя, конечно, надлежало быть этому и по нашей дружбѣ и по дружбѣ нашихъ отцевъ); требуемъ же другъ отъ друга благорасположенія въ дѣлахъ. Предстоитъ подвигъ, и даже очень важный; потому что сынъ нашъ Никовуль находится въ неожиданныхъ хлопотахъ, отъ кого всего менѣе думать имѣть безпокойство. Потому прошу, прійди и помоги, какъ можно, скорѣе произнеси судъ и защитивъ, если найдешь насъ обиженными. А если не такъ; то по крайней мѣрѣ не передавайся на противную сторону, за малую корысть отдавъ свою свободу, которою всегда ты пользовался, какъ знаемъ по общему всѣхъ свидѣтельству.

11. КЪ ВАСИЛІЮ ВЕЛИКОМУ (11).

Св. Василія , который противъ собственнаго желанія рукоположенъ въ пресвитера , примѣромъ своимъ поощриеть къ терпѣнію , и увѣщааетъ къ ревностному исполненію обязанностей новаго сана (364).

Хвалю начало твоего письма. Да и что твое не заслуживаетъ похвалы ? И ты взятъ въ плѣнь , какъ и я включенъ въ списокъ ; потому что оба мы принужденно возведены на степень пресвитерства , хотя домогались и не этого. Ибо достовѣрнѣ всякаго другаго можемъ засвидѣтельствовать другъ о другѣ , что намъ по сердцу любомудріе тихоходное , которое держится низу. Но хотя , можетъ быть , и лучше было бы , если бъ не случилось съ нами этого , или не знаю , что и сказать , пока не уразумѣю домостроительства Духа ; однако же , поелику уже случилось , какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется , надобно терпѣть , особливо принявъ во вниманіе время , которое у насъ развязало языки многимъ еретикамъ , надобно терпѣть и не посрамить какъ надежду возлюбившихъ на насъ свое упованіе , такъ и собственную жизнь свою.

12. КЪ ЕВСЕВІЮ ЕПИСКОПУ КЕСАРІЙСКОМУ (20).

Убѣждаетъ его перемѣнить свое расположеніе къ св. Василію , изъ котораго несправедливо онъ негодовалъ (365 г.).

Поелику обращаю слово къ человѣку , который не любитъ лжи , и проникательнѣ всякаго открываетъ ложь

въ другомъ , сколько бы ни была она запутана самыми хитрыми и разнообразными изворотами , къ тому же и мнѣ самому (пусть будетъ это сказано, хотя и не легко сказать) не нравится хитрость, и по природному моему расположенію , и по внушенію Писанія ; то и пишу по этой причинѣ, что у меня на сердцѣ. Снизойди къ моему дерзновенію ; иначе обидишь , лишая меня свободы и принуждая скрывать въ себѣ болѣзненную скорбь, подобно какому-то гнойному и злокачественному всреду. Какъ радуюсь, что дѣлаешь мнѣ честь (если и я человѣкъ , какъ сказалъ нѣкто прежде) и приглашаешь меня на духовныя совѣщанія и собранія ; такъ тяжело для меня оскорбленіе, какое терпѣлъ и доселѣ терпѣть отъ твоего благоговѣнія досточестнѣйшій братъ Василій, съ самаго начала мною избранный , и доннынѣ остающійся для меня, товарищемъ жизни, ученія и самаго высокаго любомудрія; и я за такое избраніе ни мало не охуждаю себя; потому что скромнѣе будетъ сказать такъ ; иначе подумаютъ , что, выхваляя его совершенства , хвалю самъ себя. Но ты, унижая его и оказывая честь мнѣ, по моему мнѣнію, поступаешь почти такъ же, какъ если бы кто одного и того же человѣка сталъ одною рукою гладить по головѣ, а другою бить по щекѣ, или, подломавъ основаніе дома, началъ расписывать его стѣны и украшать наружность. — Поэтому, если убѣдишься сколько нибудь моимъ словомъ , то сдѣлаешь по моему. А я прошу убѣдиться ; потому что это и справедливо. Если обойдешься съ нимъ, какъ должно ; и онъ будетъ служить тебѣ. А мое дѣло слѣдовать за нимъ, какъ тѣни за тѣломъ ; потому что я человѣкъ малый, расположенный къ миру , и не дошелъ еще до такого жалкаго состоянія, чтобы, желая въ иномъ быть любомудрымъ и принадлежать къ лучшей сторонѣ,

потерять мнѣ изъ виду то, что въ нашемъ ученіи самое главное,—именно любовь, особенно любовь къ іерею, человѣку почтенному, о которомъ знаю, что онъ жизнію, словомъ и правилами превосходитъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ. И самая скорбь не помрачить во мнѣ истины.

13. КЪ НЕМУ ЖЕ (169).

Оправдывается въ смѣлости предъидущаго письма.

Писанное мною не столько оскорбительно, какъ жаловался ты на мое письмо, сколько духовно, и любовно, и справедливо, развѣ только и это оскорбляетъ ученѣйшаго Евсевія. Но хотя ты и выше по степени, однако же дай и мнѣ нѣсколько свободы и справедливаго дерзновенія, а потому будь къ намъ благосклоннѣе. Если же судишь о моемъ письмѣ, какъ о письмѣ служителя, обязаннаго смотрѣть тебѣ въ глаза; то въ этомъ случаѣ и удары прійму, и плакать не буду. Или и это будетъ поставлено мнѣ въ вину? Но скорѣе всякому другому, нежели твоему благоговѣнію, прилично поступать такъ; потому что великодушному человѣку болѣе свойственно принимать свободныя рѣчи отъ друзей, нежели ласкательства отъ враговъ.

14. КЪ НЕМУ ЖЕ (170).

Изъявляетъ свою готовность быть у него въ Кесаріи вѣсть съ св. Василиемъ.

И въ другихъ случаяхъ предъ твоимъ благоговѣніемъ не поступалъ я низко,—не обвиняй меня въ этомъ; но

дозволивъ себѣ нѣсколько свободы и смѣлости, чтобъ сколько нибудь облегчить и уврачевать скорбь, тотчасъ покорялся, смирялся и добровольно подчинялъ себя праву. Да и могъ ли не дѣлать сего, зная тебя и законы Духа? А теперь, хотя бы я былъ и крайне низокъ и малодушенъ, не позволяютъ сего и самое время, и эти звѣри, нападающіе на Церковь, а также и твое благородство и мужество, такъ чисто и искренно ратоборствующее за Церковь. Поэтому, если угодно, прійдемъ соединить съ тобою свои молитвы, вмѣстѣ подвизаться, и служить тебѣ, и подобно дѣтямъ, которыя поощряютъ къ дѣйствію отличнаго борца, своими провозглашеніями воодушевлять тебя въ борьбѣ.

15. КЪ ВАСИЛІЮ ВЕЛИКОМУ (19).

Извѣщая о перемѣнѣ къ нему расположеній Еп. Евсевія, убѣждаетъ писать къ нему и потомъ отправиться въ Кесарію; при чемъ и самъ вызывается быть его спутникомъ.

Вотъ случай явить благоразуміе и терпѣніе, чтобы никто не оказался мужественнѣ насъ, и чтобы столько трудовъ и усилій не было уничтожено въ короткое время! Для чего и по какому убѣжденію пишу это? Боголюбивѣйшій нашъ Епископъ Евсевій (ибо такъ уже надобно о немъ думать и писать) весьма расположенъ къ примиренію и дружбѣ съ нами, и умягчается временемъ, какъ желѣзо огнемъ. Думаю, что къ тебѣ прійдетъ письмо просительное и пригласительное, о чемъ и онъ меня извѣщалъ, и увѣряютъ многіе изъ знающихъ достоверно объ его расположеніяхъ. Предупреждаю его или прихо-

домъ своимъ, или письмомъ, лучше же сказать, сперва письмомъ, а потомъ приходомъ, чтобъ въ послѣдствіи не остаться въ стыдѣ, какъ побѣжденнымъ, когда можно было самимъ побѣдить, прекрасно и любомудренно уступивъ надъ собою побѣду, о чемъ просить насъ многіе. Итакъ послушайся меня, и приходи, какъ по сказанной причинѣ, такъ и ради настоящаго времени; потому что скопище еретиковъ нападаетъ на Церковь; одни уже явились и производятъ безпокойства, а другіе, какъ слышно, явятся, и есть опасность, что ученіе истины можетъ быть извращено, если не подвигнется въ скорости духъ Веселепла, мудраго архитектора таковыхъ ученій и догматовъ. Если признаешь нужнымъ, чтобъ пришелъ и я, быть твоимъ споспѣшникомъ и спутникомъ; то не уклонюсь и отъ этого.

16. КЪ ГРИГОРІО НИССКОМУ (43).

Выговариваетъ ему за то, что, оставивъ должность чтеца, намеренъ посвятить себя риторству (366 г.).

У меня въ природѣ есть нѣчто хорошее (самъ похваляюсь изъ многого чѣмъ нибудь однимъ). За худой совѣтъ одинаково досажаю и на себя и на друзей. А поелику живущіе по Богу и руководящіеся тѣмъ же Евангелиемъ всѣ друзья между собою и сродники; то почему же не выслушать отъ меня, если скажу открыто о томъ, о чемъ всѣ говорятъ, но только шопотомъ? Не хвалить твоей, сказать по твоему, безславной славы, твоего по не многу уклоненія къ худшему, и этого честолюбія, которое, какъ говоритъ Еврипидъ, злѣе демоновъ. Чтò съ тобою

сдѣлалось, мудрый мужъ? За что прогнѣвался ты самъ на себя, бросивъ священныя, удобопіемяя книги, которыя нѣкогда читалъ народу? Ужели не стыдишься, слыша это? Или положилъ ихъ подъ дымъ, куда кладутъ кормила и кирки на зимнее время, а взялъ въ руки соленныя и непіемяя книги, и захотѣлъ лучше именоваться ритормъ, нежели христіаниномъ? А по мнѣ гораздо лучше послѣднее, нежели первое; и все благодареніе за это Богу. И ты, превосходный, не держись такихъ мыслей. А если онѣ пришли, не предавайся имъ на долго, но одумайся, наконецъ, прійди въ себя, оправдайся предъ вѣрными, оправдайся предъ Богомъ, предъ алтарями, предъ таинствами, отъ которыхъ удалился. Не говори мнѣ этихъ нарядныхъ и витѣватыхъ словъ: «что же, развѣ я не былъ христіаниномъ, когда учился риторикѣ? Развѣ не былъ вѣрнымъ, когда занимался науками въ кругу дѣтей?» Можетъ быть, ты станешь еще свидѣлствоваться въ семь Богомъ. Нѣтъ, чудный мой, это не совсѣмъ справедливо, хотя часть изъ этого и можемъ уступить тебѣ. Развѣ маловажно то, что теперешнимъ своимъ поступкомъ соблазняешь другихъ, которые по природѣ болѣе склонны къ худому, и даешь имъ поводъ дурно о тебѣ думать и говорить? Пусть это будетъ и ложь, но какая въ томъ нужда? Всякій живетъ не для себя одного, но и для ближнихъ; мало самому быть убѣжденнымъ, если не убѣждаешь и другихъ. Ужели, вступивъ въ кулачный бой при народѣ, или на зрѣлищѣ принимая и раздавая пощечины, неблагопристойно криваясь и ломаясь, скажешь, что въ душѣ ты цѣломудренъ? Такое разсужденіе не цѣломудреннаго человѣка; легкомысленно—одобрять это. Если переимѣнишься; то порауюсь теперь, сказалъ одинъ изъ пифагорейскихъ фило-

софовъ, оплакивая отпаднаго отъ него друга. Если же нѣтъ, писалъ онъ; то умеръ ты для меня. А я не скажу этого изъ любви къ тебѣ. Ибо тотъ, будучи другомъ, сталъ врагомъ, хотя впрочемъ и другомъ, какъ говорить трагедія. А я постараюсь утѣшать тебя, если (ибо такъ сказать скромнѣе) самъ не усмотришь должнаго (что въ первомъ ряду похвальныхъ дѣлъ), и не послѣдуешь добродушному слову другаго (что во второмъ ряду похвальнаго). Вотъ мое увѣщаніе! Извини меня ради дружбы, что скорблю, горячусь какъ за тебя, такъ равно за весь священный чинъ, а присовокуплю, и за всѣхъ христіанъ. Если же нужно и помолиться вмѣстѣ съ тобой, или за тебя, то немощи твоей да поможетъ Богъ, животворящій и мертвыхъ!

17. КЪ НИКОВУЛУ (155) (а).

Въ отвѣтъ на то, что жену свою Алипіану, дочь Горгоніи, сестры св. Григорія, порицалъ за малый ростъ.

Осмѣиваешь у насъ Алипіану, будто бы она мала, и недостойна твоей великости, длинный и огромный великанъ и ростомъ и силою! Теперь только узналъ я, что и душа мѣрится, и добродѣтель цѣнится по вѣсу, что дикіе камни дороже жемчужинъ, и вороны предпочтительнѣе соловьевъ. Возми себѣ величину и ростъ въ

(а) Для сего и послѣующихъ писемъ къ Никовулу не возможно съ точностію опредѣлить время. Но съ вѣроятностію можно полагать, что писаны св. Григоріемъ до епископства его; почему и помѣщаются здѣсь.

нѣсколько локтей, и ни въ чемъ не уступай Цереринымъ жницамъ ; потому что ты правишь конемъ, мечешь копье, у тебя забота—гоняться за звѣрями ; а у ней нѣтъ такихъ дѣлъ ; не большая нужна крѣпость силъ владѣть челнокомъ, обходиться съ прялкой и сидѣть за ткацкимъ станомъ ; —

« а это—преимущество женщинъ. »

Но если присовокупишь , какъ она до земли преклонена въ молитвѣ , и высокими движеніями ума всегда собесѣдуетъ съ Богомъ ; то передъ этимъ что значать твоя высота и твой тѣлесный ростъ ? Посмотри на ея благовременное молчаніе ; послушай , когда говорить ; разсуди, какъ не привязана къ нарядамъ, какъ по-женски мужественна, какъ радѣетъ о домѣ, какъ любитъ мужа ; и тогда скажешь словами этого Лакедемонянина: « подлинно душа не мѣняется ; и внѣшнему челоѣку должно имѣть у себя въ виду внутренняго. » Если пріймешь это во вниманіе ; то перестанешь шутить и смѣяться надъ малымъ ея ростомъ , а назовешь себя счастливымъ за супружество съ нею.

18. КЪ НЕМУ ЖЕ (3).

О томъ , что значить писать лаконически.

Зри Писать лаконически не то, какъ ты объ этомъ думаешь , — не просто написать не много слововъ , но въ немногихъ слогахъ заключить многое. — Такъ Омира называю самымъ краткимъ писателемъ, а Антимаха—многословнымъ. А почему ? Потому что о длинѣ рѣчи сужу по содержанію, а не по числу буквъ.

19. КЪ НЕМУ ЖЕ (209).

О томъ, какъ писать письма.

Изъ пишущихъ письма (ты и объ этомъ у меня спрашиваешь) одни пишутъ длиннѣе надлежащаго, а другіе слишкомъ коротко; но тѣ и другіе погрѣшаютъ въ мѣрѣ, подобно стрѣляющимъ въ цѣль, изъ которыхъ одни не докидываютъ стрѣлы до цѣли, а другіе перекидываютъ ее за цѣль, въ обоихъ же случаяхъ равно не попадаютъ въ цѣль, хотя ошибка происходитъ отъ противоположныхъ причинъ. Мѣрою для письма служить необходимость. Не надобно писать длиннаго письма, когда предметовъ не много; не надобно и сокращать его, когда предметовъ много. — Поэтому что же? Должно ли мудрость мѣрять персидскою верстою, или дѣтскими локтями, и писать такъ несовершенно, чтобы походило это не на письмо, а на полуденныя тѣни, или на черты, положенныя одна на другую, которыхъ длины совпадаютъ, и болѣе мысленно представляются, нежели дѣйствительно оказываются, различенными въ однихъ изъ своихъ предѣловъ, и въ собственномъ смыслѣ, можно сказать, суть подобія подобій? Чтобы соблюсти мѣру, необходимо избѣгать несоразмѣрности въ томъ и другомъ. Вотъ что. знаю касательно краткости; а въ разсужденіи ясности извѣстно то, что надобно, сколько можно, избѣгать слога книжнаго, а болѣе приближаться къ слогу разговорному. Короче же сказать, то письмо совершенно и прекрасно, которое можетъ угодить и неученому и ученому, — первому тѣмъ, что приспособлено къ понятіямъ простонароднымъ, а другому тѣмъ, что выше простонароднаго;

потому что одинаково не занимательны — и разгаданная загадка, и письмо требующее толкованія. Третья принадлежность писемъ — пріятность. А сіе соблюдемъ, если будемъ писать не вовсе сухо и жестко, не безъ украшеній, не безъ искусства, и, какъ говорится, не до чиста обстрижено, т. е. когда письмо не лишено мыслей, пословицъ, изреченій, также острофъ и замысловатыхъ выраженій; потому что всѣмъ этимъ сообщается рѣчи усладительность. Однако же и сихъ прикрасъ не должно употреблять до излишества. Безъ нихъ письмо грубо, а при излишествѣ оныхъ надутѣ. Ими надобно пользоваться въ такой же мѣрѣ, въ какой — красными нитями въ тканяхъ. Допускаемъ и иносказанія, но не въ большемъ числѣ; и при томъ взятыя не съ позорныхъ предметовъ; а противоположенія, соотвѣтственность реченій и равномерность членовъ рѣчи предоставляемъ софистамъ. Если же гдѣ и употребимъ; то будемъ сіе дѣлать, какъ бы играя, но не выисканно. А концемъ слова будетъ, что слышалъ я отъ одного краснослова объ орлѣ. Когда птицы спорили о царской власти, и другія явились въ собраніе въ разныхъ убранствахъ; тогда въ орлѣ всего прекраснѣе было то, что не думалъ быть красивымъ. То же самое должно всего болѣе наблюдать въ письмахъ, т. е. чтобы письмо не имѣло излишнихъ украшеній и всего болѣе подходило къ естественности. Вотъ что о письмахъ посылаю тебѣ въ письмѣ! Можетъ быть, взялся я и не за свое дѣло; потому что занимаюсь важнѣйшимъ. Прочее дополнишь самъ собственнымъ своимъ трудолюбіемъ, какъ человѣкъ понятливый, а также научать сему люди опытные въ этомъ дѣлѣ.

20. КЪ НЕМУ ЖЕ (154).

Приглашаетъ его къ себѣ.

Бѣгаешь тѣхъ, которые за тобою гонятся, можетъ быть, по правиламъ любовной науки, чтобы нанести себѣ больше чести. Итакъ приходи, и теперь восполни для насъ потерю столь долгаго времени. И если бы тебя задерживало какое изъ тамошнихъ дѣлъ; то опять оставишь насъ, и тѣмъ сдѣлаешься для насъ еще болѣе достоуважаемымъ; потому что опять будешь предметомъ нашихъ желаній.

21. КЪ АЛИППО (150) (а).

Сего Алипіл, мужа сестры своей Горгоніи, приглашаетъ къ себѣ на праздникъ.

Какъ вѣстительски поступаешь ты со мною по дружбѣ! Колеблется уже у насъ и постановленіе объ обѣтахъ, хотя и отдѣлили себѣ однихъ носящихъ мантии. Правда, что не въ такой же мѣрѣ преступаемъ мы законъ, въ какой преступаютъ язычники, изобрѣтательные въ любовныхъ дѣлахъ; потому что они не только приносятъ жертву страсти, какъ Богу, но разрѣшаютъ клятвы, данныя изъ любви; а мы, если и преступаемъ нѣсколько

(а) О времени сего письма извѣстно то одно, что оно писано еще при жизни Горгоніи.

законъ, то, терпя. сіе ради дружбы, въ этомъ уже не погрѣшаемъ. Поэтому, приходи къ намъ, если хочешь, переодѣтый, чтобъ то и другое было у насъ прекрасно: и съ тобою мы свидѣлись, и постановленія не нарушили. А если не хочешь, приходи и вовсе безъ мантии. Если бы и сталъ кто преслѣдовать насъ за нарушеніе закона, то пока еще можемъ защититься тѣмъ, что и ты изъ числа совершающихъ обѣтъ, въ добромъ смыслѣ называемыхъ Обѣтниками. А кто изъ насъ не прійметъ сего; тотъ что скажетъ намъ на слѣдующее? Мы приглашаемъ тебя, какъ сироту. Такъ, конечно, будешь ты властвовать надо мною; потому что твое теперь время. А въ-третьихъ (и это всего важнѣе), тебѣ можно участвовать въ обѣтѣ, и какъ приглашающему насъ къ обѣту. Такъ пріймемъ тебя готовые отразить всякое нападеніе. А что не пришла сестра, въ томъ никто не будетъ винить насъ; напротивъ того стали бы винить и се и меня, если бы она пришла. Поэтому пусть она идетъ безъ зову. А ты и позволь себя упросить, и приходи, частію положившись на меня, а частію по обѣту; приходи, чтобъ праздникъ мой сдѣлать болѣе свѣтлымъ; потому что, при помощи Божіей, довольно для тебя заготовлено и того, что нужно чреву, вѣрнѣе же сказать, приготовленіе у насъ сиротское, и прибавлю еще, здоровое и благородное.

22. КЪ КЕСАРІЮ БРАТУ (16).

Узнавъ объ избавленіи его отъ угрожавшей смерти во время землетрясенія , бывшаго въ Никевъ , приглашаетъ къ себѣ , и убѣждаетъ оставить мірскую жизнь (368 г.)

Для людей благомыслящихъ и страхъ не бесполезенъ, даже скажу, крайне прекрасенъ и спасителенъ. Хотя и не желаемъ себѣ , чтобы случилось съ нами что либо страшное, однако же вразумляемся случившимся; потому что душа страдающая близка къ Богу, говоритъ гдѣ-то чудноглаголивый Петръ, и у всякаго избѣгнувшаго опасности сильнѣе привязанность къ Спасителю. Поэтому не станемъ огорчаться тѣмъ , что участвовали въ бѣдствіи ; а напротивъ того возблагодаримъ, что избѣжали бѣдствія, и не будемъ предъ Богомъ инаковы во время опасностей, а инаковы послѣ опасностей. Но живемъ ли на чужой сторонѣ , ведемъ ли жизнь частную , отправляемъ ли общественную службу , одного будемъ желать (объ этомъ должно всегда говорить, и не переставать говорить), будемъ желать , чтобы послѣдовать Тому , Кѣмъ мы спасены, и принадлежать къ Его достоянію , не много заботясь о томъ, что малоцѣнно и пресмыкается по землѣ. И тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ , оставимъ такое по себѣ повѣствованіе , которое бы много служило къ славѣ нашей , а много и къ пользѣ душевной. Но это и есть урокъ самый полезный для многихъ, что опасность лучше безопасности, и бѣдствія предпочтительнѣе благоденствія. Если до страха принадлежали мы міру ; то послѣ страха стали уже принадлежать Богу. Но, можетъ быть , кажусь тебѣ скучнымъ , много разъ пиша объ

одномъ и томъ же, и слова мои считаешь ты не совѣтами, но велерѣчїемъ. Потому о семъ довольно ; впрочемъ обо мнѣ будь увѣренъ , что усердно желаю , и всего болѣе молюсь, чтобы намъ съ тобою быть вмѣстѣ, устроить нужное къ твоему спасенію и поговорить о томъ окончательно ; а если бы и не удалось сего , то , какъ можно, скорѣе срѣтивъ тебя здѣсь, вмѣстѣ съ тобою составить благодарственный праздникъ.

23. КЪ ФИЛАГРІЮ (40).

Выражаетъ ему, какъ товарищу Кесаріеву и своему, скорбь о смерти Кесарія (369 г.).

Не стало у меня Кесарія. И хотя страсть—не дѣлюсь ; однако же скажу, что люблю все Кесаріево ; и что ни вижу о немъ напоминающее, обнимаю и люблю это, и какъ бы представляю себѣ, что его самого вижу, съ нимъ нахожусь, съ нимъ бесѣдную. Такъ было со мною и теперь, при полученіи твоего письма. Едва прочелъ я надпись письма, это сладостное для меня имя, этотъ сладостный предметъ—имя Филагрія, вдругъ пришло мнѣ на мысль все, что было нѣкогда пріятнаго, обрза жизни, общій столъ, скудость , и какъ говорить Омиръ, любезнаго сотоварищества, или шутки, или дѣльные занятія, ученые труды, общіе наставники, возвышенность надеждъ, наконецъ все, что можно похвалить изъ тогдашняго, и что меня преимущественно радуетъ при одномъ воспоминаніи. Потому, чтобы еще болѣе побесѣдовать намъ о семъ, не оставляй въ покоѣ писало свое, и сдѣлай мнѣ милость, пиши ко мнѣ. Безъ всякаго

сомнѣнія, это для меня не маловажно; хотя зависть, такъ горестно расположивъ дѣла мои, лишила меня важнѣйшаго—быть вмѣстѣ съ тобою.

24. КЪ СОФРОНИЮ ИПАРХУ (18).

По случаю смерти Кесаріевой, разсуждая о превратности всего человѣческаго, къ Софронію, какъ къ другу Кесаріеву, обращается съ просьбою, не допустить, чтобы оставшееся послѣ брата имѣніе было расхищено.

Видишь, какова наша участь, и какъ перевертывается колесо человѣческой жизни; нынѣ одни, завтра другіе цвѣтутъ и отцвѣтаютъ; что называется у насъ благоуспѣшностію, и что неудачею, все это непостоянно, быстро переходитъ и превращается; а потому можно больше довѣрять вѣтрамъ и письменамъ на водѣ, нежели человѣческому благоденствію. Для чего же это такъ? Для того, думаю, чтобы, усматривая въ этомъ непостоянство и измѣнчивость, больше устремлялись мы къ Богу и къ будущему, и прилагали сколько нибудь попеченія о себѣ самихъ, а мало заботились о тѣняхъ и сновидѣніяхъ.—Но отъ чего у меня объ этомъ слово? Не даромъ любомудрствую; не безъ цѣли выражаюсь высоко. Не изъ послѣднихъ нѣкогда былъ и твой Кесарій; даже, если не обманываюсь, какъ братъ, онъ былъ чело­вѣкъ очень видный, извѣстный ученостію; многихъ превосходилъ правотою и славился множествомъ друзей. А что въ числѣ ихъ ты и твое благородство былъ первымъ, и самъ онъ такъ думалъ, и насъ увѣрялъ. Конечно, такъ было прежде; а ты что нибудь и еще большее присовокупишь отъ себя, воздавая ему погребаль-

ную честь ; потому что всѣ люди, по самой природѣ, расположены въ даръ умершему приносить что либо большее. Но и теперь не пропусти безъ слезъ этого слова, или пролей слезу на добро и на пользу ! Вотъ онъ лежитъ мертвый, безъ друзей, всѣми покинутый, жалкій, удостоенный не большого количества смиренъ (ежели только и это правда), и скудныхъ, недорогихъ покрововъ (что также много значить ; потому что дано ему изъ жалости). Между тѣмъ, какъ слышу, напали враги, и имѣніе его съ полною свободою одни уже расхищаютъ, другіе намѣреваются расхитить — какая нечувствительность ! какая жестокость ! А остановить сего некому ; самый челоуѣколюбивый оказываетъ ту одну милость, что призываетъ на помощь законы. И короче сказать, мы, которыхъ нѣкогда почитали счастливцами, стали теперь притчею. Не будь къ этому равнодушенъ ; а напротивъ того раздѣли и скорбь нашу и негодованіе наше ; окажи милость мертвому Кесарію, прошу тебя объ этомъ ради самой дружбы, ради всего тебѣ любезнѣйшаго, ради надеждъ твоихъ, которыя самъ для себя содѣлай благопріятными, показавъ себя вѣрнымъ и искреннимъ къ умершему, чтобъ и живымъ оказать чрезъ это милость и сдѣлать ихъ благонадежными. Не думаешь ли, что скорбимъ объ имуществѣ ? Для насъ всего несноснѣе стыдъ, если выведутъ такое заключеніе, что одинъ только Кесарій не имѣлъ у себя друзей,—Кесарій, о которомъ думали, что у него друзей много. Итакъ вотъ въ чемъ просьба, и вотъ она отъ кого ; потому что и я, можетъ быть, стою чего нибудь въ твоёмъ вниманіи. А въ чемъ, чѣмъ и какъ долженъ ты помочь, объ этомъ доложу тебѣ самая дѣла, разсмотри же это—твое благоразуміе.

25. КЪ НЕМУ ЖЕ (107).

Испрашиваетъ его благоволенія племяннику своему Никомулу.

Золото, хотя передѣлывается и преобразается такъ и иначе, обращаемое въ разные украшенія, испытывая на себѣ много искусственныхъ переработокъ, однако же остается золотомъ, и не въ веществѣ принимаетъ измѣненіе, а только въ наружности. Такъ полагая, что и твоя правота остается для людей тою же, хотя бы ты неперестанно восходилъ выше и выше, осмѣливаюсь представить тебѣ слѣдующую мою просьбу, не столько боясь твоего сана, сколько имѣя довѣренности къ твоимъ нравамъ. Будь благоснисходителенъ къ достопочтенному сыну моему Никомулу, который по всему состоитъ со мною въ тѣсной связи, и по родству и по близости обращенія и, что еще важнѣе, по нравамъ. Въ чемъ и сколько нужна ему твоя благоснисходительность? Во всемъ, въ чемъ только потребуется ему твоя помощь, и сколько почтенья сіе приличнымъ твоему великому уму. А я воздамъ тебѣ за сіе наилучшимъ изъ всего, что имѣю. Имѣю же даръ слова и возможность стать провозвѣстникомъ твоей добродѣтели, если и не по мѣрѣ твоего достоинства, то по мѣрѣ силъ своихъ.

26. КЪ НЕМУ ЖЕ (108).

Проситъ его покровительства Евдоксію, сыну ритора Евдоксія.

Почитать матеръ—дѣло святое. Но у всякаго своя матеръ, а общая всѣмъ матеръ — родина. Ес почить ты;

Ч. VI.

9

правда, блистательностію своею жизни во всѣхъ отношеніяхъ ; но почтишь и еще, если теперь уважишь меня, внявъ моей просьбѣ. Въ чемъ же моя просьба ? — Безъ сомнѣнія, знаешь краснорѣчивѣйшаго въ нашемъ отечествѣ ритора Евдоксія. Его-то сынъ, скажу коротко, другой Евдоксій и по жизни и по дару слова, предстаетъ теперь къ тебѣ. Поэтому, чтобы содѣлаться тебѣ еще болѣе именитымъ, будь благоснисходителенъ къ сему человѣку, въ чемъ ни попросить твоего покровительства. Ибо стыдно тебѣ, когда ты стать общимъ покровителемъ своего отечества, и многимъ оказалъ уже благодѣянія, а присовокуплю, что и еще многимъ окажешь, не почитать преимущественно предъ всѣми того, кто превосходитъ всѣхъ даромъ слова, не почитать и самаго краснорѣчія, которое, если не по другому чему, то потому уже справедливо уважить, что оно восхваляетъ твои добродѣтели.

27. КЪ НЕМУ ЖЕ (109).

Просить его дружбы и покровительства Амазонію.

Друзьямъ желаю, чтобъ все было благоуспѣшно. А когда называю кого друзьями, разумью людей прекранныхъ, добрыхъ, соединенныхъ со мною узами добродѣтели; потому что и самъ стремлюсь къ добродѣтели. Потому и теперь, поискавъ важнѣйшаго, что подарить бы достопочтенному брату нашему Амазонію (ибо отъменно восхитился имъ во время недавняго съ нимъ свиданія), разсудилъ я, что вмѣсто всего должно подарить

ему одно — твою дружбу и твое покровительство. Онъ въ короткое время показалъ большую ученость, какъ ученость того рода, какой домогался я самъ, когда прозрѣвалъ еще мало, такъ и ученость того рода, о которой забочусь теперь, когда прозрѣть въ высоту добродѣтели. А я значу ли для него что нибудь въ отношеніи къ добродѣтели, это самъ ты увидишь; съ своей же стороны показываю другу, что имѣю у себя лучшаго — друзей. И какъ тебя признаю первымъ и искреннимъ другомъ; то желаю, чтобы ты показался ему таковымъ, какимъ долженъ ты быть и по требованію общаго отечества, и по желанію моего слова и моей любви, обѣщающей ему вмѣсто всего твою попечительность.

28. КЪ НЕМУ ЖЕ (110).

Ходатайствуетъ за Амфилохія, подпадашаго обвиненію за то, что принявъ на себя защищеніе одного негоднаго человека, обманутилъ его дружбою.

Какъ золото и драгоценные камни узнаемъ по одному виду, такъ надлежало бы, чтобы добрые и худые могли быть распознаваемы тотчасъ и безъ продолжительнаго испытанія. Тогда не много понадобилось бы словъ мнѣ, который къ твоему великодушію обращаюсь съ просьбою о дражайшемъ сынѣ нашемъ Амфилохіи. Скорѣе могу надѣяться чего нибудь невѣроятнаго и необыкновеннаго, нежели подумать, что онъ ради денегъ сдѣлаетъ или помыслить что нибудь неблагородное. Столько всѣ, по общему согласію, приписываютъ ему правоты

и благоразумія, превышающаго даже его возрастъ! Но что же дѣлать? Ни что не избѣгаетъ зависти, когда осмѣяніе коснулось и сего человѣка, подпадашаго обвиненіямъ по простотѣ, а не по испорченности нравовъ. Но ты не потерпи равнодушно видѣть, какъ мучать его клеветами; прошу тебя о семъ ради твоей священной и великой души; почти отечество, помоги добродѣтели, уважь меня, славившагося тобою и тобою славимаго, и замѣни этому человѣку всѣхъ, присовокушивъ къ своему могуществу и изволенію; потому что, сколько знаю, все уступаетъ твоей добродѣтели.

29. КЪ КЕСАРІЮ (106).

Ходатайствуетъ за Амфилохіа по тому же дѣлу.

Не дивись сему, если просимое нами важно; потому что и просимъ у человѣка важнаго, а прошеніе должно соразмѣрять съ тѣмъ, кого просишь. Ибо равно не прилично, какъ малаго просить о великомъ, такъ великаго просить о маломъ; одно не умѣстно, другое мелочно. Самъ своею рукою привожу къ тебѣ честнѣйшаго сына нашего Амфилохіа, человѣка весьма извѣстнаго своею правотою, даже болѣе, нежели какъ слѣдовало бы ожидать отъ его возраста; почему и я самъ старецъ, іерей и другъ твой, желалъ бы, чтобъ и о мнѣ разумѣли такъ же. Если же онъ, уловленный дружбою другаго, не предусмотрѣлъ клеветы, удивительно ли это? Поелику самъ не лукавъ, то и не подозрѣвалъ лукавства, думая о себѣ, что ему надобно болѣе заботиться объ исправ-

ности слова, нежели права; на этомъ основаніи вступилъ въ сотрудничество. Что же въ этомъ худаго для людей благомыслящихъ? Поэтому порока не ставъ выше добродѣтели; не безчести моей сѣдины, а напротивъ того уважь мое свидѣтельство; и челоуколюбіе свое положи въ основаніе моимъ благословініямъ, имѣющимъ, можетъ быть, нѣкоторую силу у Бога, Которому предстою.

30. КЪ НЕМУ ЖЕ (105).

Просить содѣйствовать двоюроднымъ братьямъ своимъ въ продажѣ имѣнія, покупка котораго ввела ихъ въ непріятности.

И себѣ и мнѣ окажи одно благодѣяніе, какое не часто будешь оказывать, потому что и случаи къ такимъ благодѣяніямъ выпадаютъ не часто. Доставь самое справедливое свое покровительство господамъ двоюроднымъ моимъ братьямъ, довольно увидѣвшимъ хлонотъ съ имѣніемъ, которое купили они, какъ удобное къ уединенію и представлявшее возможность имѣть въ немъ нѣкоторое пособіе въ содержаніи, но отъ котораго, съ того самаго времени, какъ купили, подверглись многимъ непріятностямъ, и частію испытываютъ неудовольствія отъ неблагонамѣренныхъ продавцовъ, а частію терпятъ притѣсненія и обиды отъ сосѣдей; почему для нихъ было бы выгодно, взявъ свою цѣну съ тѣми издержками, впрочемъ не малыми, какія сдѣлали послѣ покупки, освободиться отъ сего имѣнія. Если тебѣ угодно, переведи на себя покупку, пересмотрѣвъ условіе, чтобы оно было;

какъ можно, лучше и безопаснѣе ; и это будетъ пріятно и для нихъ, и для меня. Если же не угодно сіе ; окажи другую милость : отъ своего лица воспротивись привязчивости и неблагонамѣренности сего челоуѣка, чтобы, по ихъ неопытности въ дѣлахъ, не взялъ онъ надъ ними преимущества непремѣнно въ чемъ нибудь одномъ, или обижая, пока владѣютъ имѣніемъ, или причина убытокъ, когда вздумаютъ избавиться отъ него. Но мнѣ стыдно и писать объ этомъ ; потому что равно мы обязаны заботиться о нихъ и по родству и по избранію жизни. Ибо о комъ же и заботиться больше, какъ не о такихъ людяхъ ? И что можетъ быть стыднѣе того, какъ не постараться оказать подобное благодареніе ? Но ты для себя ли, для меня ли, для нихъ ли самихъ, или для всего этого вмѣстѣ, но только непремѣнно окажи имъ благодареніе.

31. КЪ ОЕМИСТІО (140).

Просить его, какъ царя краснорѣчія, вступиться за Амфилохія.

Въ опасности краснорѣчіе : и твое теперь время, если ты у насъ царь краснорѣчія. Къ тому же Амфилохій мой—другъ тебѣ по отцу ; а прибавлю еще, это такой челоуѣкъ, что не дѣлаетъ стыда ни отцеву роду, ни нашей дружбѣ, если только я—не плохой судья въ подобныхъ вещахъ. Важнѣе же всего для любомудраго, каковъ особенно ты, что онъ запутанъ въ дѣла, не сдѣлавъ ничего худаго. И хотя все это само по себѣ очень легко, однако же для меня всего тяжелѣе показаться не-

внимательнымъ къ дѣлу. Поэтому дѣлаю все, что только могу ; а .могу просить тѣхъ, кто имѣетъ возможность сдѣлать добро ; потому что въ положеніи, въ какомъ теперь нахожусь, ничто иное для меня и не возможно. А ты оправдай слово твоего Платона, который сказалъ, что въ городахъ не прежде прекратится зло, но развѣ когда могущество сойдется съ любомудріемъ. У тебя есть и то и другое. Подай руку нуждающемуся, и присоветовавъ ему, что слѣдуетъ, и оказавъ помощь. Нѣтъ для тебя лучшаго случая къ любомудрію , какъ теперь вступить въ подвигъ за правду ; а сверхъ того сдѣлаешь этимъ добро и мнѣ—твоему хвалителю.

32. КЪ НЕМУ ЖЕ (139).

Просить руководствовать въ образованіи Евдоксія, сына ритора Евдоксія.

Спартанца отличаетъ копье, Пелопида—плечо, а великаго Θεμισтія—ученость. Ибо, хотя и во всемъ всѣхъ превосходишь, однако ученость, сколько знаю, значительнѣйшее изъ твоихъ достоинствъ. Она и въ самомъ началѣ соединила насъ другъ съ другомъ, если только и я что набуду значу по наукамъ ; она и теперь убѣдила меня воспринять смѣлость. Но если узнаешь человека, о которомъ прошу : то, можетъ быть, и одобришь мое дерзновеніе. Представляю тебѣ сына знаменитаго Евдоксія и моего также сына Евдоксія же, весьма заслуживающаго вниманіе и по жизни, и по дару слова, какъ самъ это найдешь, если, по пословицѣ, приложишь

веревку къ камню (какое же другое мѣрило вѣрнѣ тебя?), а для меня особенно любезнаго какъ по дружбѣ отца, такъ не менѣе по собственной его добродѣтели. Поэтому окажи благодѣланіе сему челоуѣку, какъ бы мнѣ самому благодѣтельствуя, и къ чести своей учености соблюдови помочъ ему идти впередъ. Ему пужно науками пріобрѣсти себѣ извѣстность, и для того успѣть въ нихъ, чтобъ спискивать себѣ пропитаніе. А чему и какъ надобно ему учиться, это самъ онъ объяснитъ тебѣ; твоя же ученость и твое благоразуміе подвергнуть сіе своему благоусмотрѣнію.

33. КЪ ВАСИЛІЮ ВЕЛИКОМУ (21).

Выговаривая св. Василию, который, подъ предлогомъ своей болѣзни, зсгалъ св. Григоріа въ Кесарію, когда тамъ производилось избраніе новаго Епископа на мѣсто умершаго Евсеіа, обясляеть причины, по которымъ воротился съ дороги (370 г.).

Не дивись, если покажется, что говорю нѣчто странное, и чего не говаривалъ никто прежде. По моему мнѣнію, хотя и пріобрѣть ты славу челоуѣка постояннаго, не погрѣшительнаго и твердаго умомъ, однако же и предпринимаешь и дѣлаешь многое болѣе просто, нежели не погрѣшительно. Ибо кто свободенъ отъ порока, тотъ не вдругъ подозрѣваетъ порокъ. Это случилось и теперь. Вызывалъ ты меня въ митрополию, когда нужно было совѣщаться объ избраніи Епископа. И какой благовидный и убѣдительный предлогъ! Притворился, что боленъ, находишься при послѣднемъ издыханіи, же-

лаешь меня видѣть и передать мнѣ послѣднюю свою волю. Не зналъ я, къ чему это клонится, и какъ своимъ прибытіемъ помогу дѣлу; но отпрагнулся въ путь, сильно огорченный извѣстіемъ. Ибо что для меня выше твоей жизни, или что прискорбиѣ твоего отшествія? Проливаль я источники слезъ, рыдалъ, и въ первый теперъ разъ узналъ о себѣ, что не утвердился еще въ любви и мудрии. Ибо чего не наполнилъ надгробными рыданіями? Когда же узналъ, что въ городъ собираются Епископы; остановился въ пути, и дивился, во-первыхъ, тому, какъ не позаботился ты о благоприличіи, и не остерегая языка людей, которые всего скорѣе взводятъ клеветы на простодушныхъ; во-вторыхъ, какъ думаешь, что не одно и то же прилично и тебѣ и мнѣ, которыхъ въ началѣ такъ сдружилъ Богъ, что и жизнь, и ученіе, и все у насъ общее; а въ-третьихъ (пусть и это будетъ сказано), какъ подумалъ, что тутъ будутъ выставять на видъ людей благоговѣйныхъ, а не сильныхъ въ городѣ и любимыхъ народомъ? Но сямъ-то причинамъ поворотилъ я корму, и їду назадъ. Да и тебѣ самому, если угодно, желаю избѣжать настоящихъ мятѣжей и худыхъ подозрѣній; а твое благоговѣніе тогда увижу, когда устроятся дѣла, и позволить мнѣ время; увижу, — и тогда добраню побольше и посильнѣе.

34. КЪ ЖИТЕЛЯМЪ КЕСАРІИ ОТЪ ИМЕНИ ОТЦЕВА (22).

Родитель св. Григорія Богослова, объясняя Кесарійцамъ, какъ важно избраніе Епископа, отказывается по болѣзни присутствовать при семъ избраніи, и предлагаетъ въ Епископы св. Василия.

Я—малый пастырь, настоятель не большаго стада и послѣдній изъ служителей Духа. Но благодать не стѣснена; она не ограничивается мѣстомъ. Поэтому и малымъ да будетъ дозволено дерзновеніе, особливо, когда идетъ слово о дѣлахъ общихъ и такъ важныхъ; и малые подаютъ совѣты при такой сѣдинѣ, которая, можетъ быть, скажетъ что нибудь поумнѣе многихъ. У васъ совѣщаніе не о маловажномъ и обыкновенномъ дѣлѣ, но о такомъ, которое, хорошо ли, худо ли будетъ придумано, по необходимости повлечетъ за собою, что и съ обществомъ будетъ или то, или другое. У насъ слово о Церкви, за которую Христосъ умеръ, слово о томъ, кто представитъ и приведетъ ее къ Богу. *Свѣтильникъ тѣлу*, какъ слышимъ, *есть око* (Матѣ. 6, 22.), не это только тѣлесное око, которое видитъ и видимо, но и око духовное, которое созерцаетъ и созерцаемо. А *свѣтильникъ Церкви* есть Епископъ, какъ *самимъ вамъ извѣстно*, хотя бы и не писалъ я. Поэтому, какъ оку необходимо быть чистымъ, чтобъ тѣло двигалось правильно, а когда око не чисто, и тѣло движется не правильно; такъ вмѣстѣ съ предстоятелемъ Церкви, каковъ онъ будетъ, и Церковь, или подвергается опасности, или спасается. О всякой же Церкви должно забо-

Зрѣн-

тятся какъ о тѣлѣ Христовомъ, а тѣмъ паче о вашей, которая въ началѣ была матерью почти всѣхъ Церквей, да и теперь такова, и признается такою, и къ которой всѣ обращены, какъ кругъ къ своему средоточію, не только по причинѣ православія, древле всѣмъ проповѣданнаго, но и по причинѣ очевиднымъ образомъ дарованной ей отъ Бога благодати единомыслія. Итакъ, поелику къ разсужденію о семъ приглашали вы и меня, поступивъ въ этомъ правильно и согласно съ уставами, а меня удерживаетъ старость и немощь: то какъ, если бы явился я лично, при содѣйствіи укрѣпляющаго Духа (ибо для вѣрующихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго), это было бы для всѣхъ лучше и для меня пріятнѣе; потому что и вамъ помочь бы чѣмъ нибудь, и самъ пріобщился бы благословенія; такъ., и не въ состояніи будучи исполнить сего, по причинѣ превозмогшей болѣзни, буду содѣйствовать, сколько возможно отсутствующему. Я увѣренъ, что есть и другіе достойные предстоятельствова- у васъ; потому что городъ вашъ обширенъ и издревле былъ управляемъ хорошо и мужами высокими; но никого изъ уважаемыхъ вами не могу предпочесть боголюбивѣйшему сыну нашему, пресвитеру Василию—мужу (говорю это предъ свидѣтелемъ Богомъ), и въ жизни и въ ученіи достигшему чистоты болѣе всякаго другаго, (а что всего важнѣе,) тѣмъ и другимъ способнаго противостать нынѣшнему времени и преобладающему языкоболію еретиковъ. Пишу это и священствующимъ, и монашествующимъ, облеченнымъ и правительственною и совѣтовательною властію, а также и всему народу. Если будетъ на это согласіе, и верхъ одержитъ мой голосъ, столько здравый и правый, какъ произносимый съ самимъ Богомъ; то духовно присутствую, и буду

присутствовать, съ вами , лучше же сказать, возлагаю уже руку и дерзаю духомъ. А въ противномъ случаѣ , если не будетъ на сіе согласія, и подобныя дѣла стануть судить по собратствамъ и родствамъ , и рука мятежной толпы опять нарушить правоту суда, дѣлайте, что вамъ самимъ угодно, а я отъ этого прочь.

35. КЪ ЕПИСКОПАМЪ ОТЪ ИМЕНИ ОТЦЕВА (23).

Онъ же Епископамъ , собравшимся въ Кесаріи для избранія Епископа, подаетъ свой голосъ за св. Василия , поставивъ имъ впрочемъ на видъ , что приглашеніе сдѣлано ими уже по приступленіи къ дѣлу.

Какъ вы ласковы, человеколюбивы и обильны въ любви! Приглашаете меня въ митрополию , какъ думаю , для совѣщанія объ Епископѣ ; ибо угадываю вашу мысль. Не предупѣдомивъ меня, что должно явиться , притомъ за чѣмъ и когда , вдругъ объявляете , что приступлено къ чему-то , какъ будто не та у васъ мысль , чтобъ сдѣлать мнѣ честь , или не о томъ заботитесь , чтобъ я былъ съ вами , но употребляете стараніе отклонить мое присутствіе , чтобы не вышло чего противъ моей воли. Таковъ вашъ поступокъ; и я переношу это оскорбленіе; какое же мое мнѣніе, объясню вамъ. Другіе предлагаютъ, конечно, другихъ , каждый по своимъ правамъ и изъ своихъ выгодъ, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. А я не могу (и не справедливо было бы) предпочесть кого либо досточестнѣйшему сыну нашему, сопресвитеру Василию. Ибо кого изъ извѣстныхъ намъ

найдемъ или по жизни заслуживающимъ большее одобреніе , или въ словѣ болѣе сильнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ украшеннымъ лѣпотою добродѣтели ? Если тѣлесная его немощъ будетъ предлогомъ ; то выбираете не борца, но учителя. А притомъ и то уже признакъ силы , что подкрѣпляетъ и поддерживаетъ немощныхъ , ежели они есть. Если примете этотъ голосъ, то готовъ быть у васъ, и содѣйствовать вамъ , или духовно , или тѣлесно. А если путешествіе предлагается мнѣ съ условіями, и разногласія готовы одержать верхъ надъ правдою; то я радъ, что презрѣнъ вами. Это вашимъ будетъ дѣломъ ; обо мнѣ же помолитесь.

36. КЪ ЕВСЕВІЮ , ЕПИСКОПУ САМОСАТСКОМУ, ОТЪ ОЦЕВА ЖЕ ИМЕНИ (а).

Онъ же письмомъ симъ, и чрезъ подателя онаго, діакона Евстаѳіа; приглашаетъ Евсевія къ свиданію съ собою и къ содѣйствію въ избраніи св. Василія Епископомъ Кесарійскимъ.

Кто дастъ ми криль, яко голубинь (Пс. 54, 6.)?
Или какъ обновится старость моя, чтобъ могъ я дойти до твоей любви, утолить желаніе , какое имѣю видѣться съ тобою , описать тебѣ печаль души и найдти у тебя какое ни есть утѣшеніе въ скорбяхъ? Съ того времени, какъ почилъ блаженный Епископъ Евсевій , не малый

(а) Письмо сіе читается между письмами св. Василія Великаго, и по слав. переводу сихъ послѣднихъ есть 44-ое.

объялъ меня страхъ , чтобы вкрадывающіеся по времени въ Церковь митрополій нашей и желающіе наполнить ее еретическими плевелами , воспользовавшись временемъ , своими лукавыми ученіями не искоренили благочестія , съ великимъ трудомъ посѣяннаго въ душахъ человѣческихъ , и не разсѣкли единства Церкви , что сдѣлали уже во многихъ Церквахъ. Поелику же ко мнѣ пришло письмо отъ клира , въ которомъ умоляютъ не оставлять ихъ въ такое время безъ попеченія; то, осмотрѣвшись вокругъ себя, вспомнилъ я о твоей любви, о правой вѣрѣ и ревности, какую всегда имѣешь о Церквахъ Божіихъ. Поэтому послалъ къ тебѣ возлюбленнаго содіакона Евстаѳіа просить твою степенность и умолять , чтобы къ прежнимъ трудамъ о Церквахъ приложить ты и настоящій , чтобы свиданіемъ со мною успокоилъ мою старость, и въ сей православной Церкви утвердилъ извѣстное всѣмъ благочестіе, вмѣстѣ со мною (если удостоюсь быть соприсоединеннымъ къ тебѣ въ семь благомъ дѣлѣ) давъ Пастыря, по волѣ Господней , способнаго управлять людьми Божіими. У меня въ виду есть мужъ , и тебѣ самому не безъизвѣстный. Если бы сподобились мы пріобрѣсти его; то знаю, что пріобрѣли бы великое дерзновеніе предъ Богомъ , и сдѣлали бы великое благодѣяніе пригласившему насъ народу. Но еще и не однократно умоляю, отложивъ всякое замедленіе , отправься въ путь и предупреди непріятности зимней дороги.

37. КЪ НЕМУ ЖЕ (29).

Св. Григорій Богословъ отъ своего уже лица благодарить за согласіе на избраніе св. Василія Епископомъ Кесарійскимъ, и извѣщаетъ объ отъѣздѣ родителя своего въ Кесарію.

Съ чего начну похвалы тебѣ? Съ какимъ словомъ обращаюсь къ тебѣ, чтобы приличнѣе наименовать? Назову ли тебя *столпомъ и утвержденіемъ Церкви*, или *свѣтиломъ въ міръ*, говоря въ одно съ Апостоломъ? Или *свѣнцемъ похваленія* для спасаемой части христіанъ? Или даромъ Божиимъ, опорой отечества, правиломъ вѣры, посланникомъ истины? Или всѣми этими именами вмѣстѣ и еще многими другими? И такой избытокъ похвалъ подтверждаю видимымъ. Какой это благовременный дождь сошелъ на зѣмлю жаждущую? Какая обильная вода изъ камня для странствующихъ въ пустынь? Какой подобный хлѣбъ Ангельскій вкушалъ человѣкъ? Какимъ утопавшимъ ученикамъ Своимъ общій всѣхъ Господь Іисусъ предсталъ такъ благовременно, чтобы и море укротить и спасти обуреваемыхъ, какъ ты явился намъ изнемогающимъ, печаленнымъ, и какъ бы подвергшимся крушенію? Нужно ли говорить о другихъ? Какимъ благодушіемъ и удовольствіемъ наполнилъ ты души православныхъ; и какъ многихъ избавилъ отъ отчаянія? Да и мать наша Церковь (разумѣю Кесарійскую) теперь, при лицезрѣніи твоёмъ, подлинно слагаетъ съ себя одежды вдовства, облекается въ ризу веселія, и еще болѣе возвеселится, когда будетъ имѣть Пастыря, достойнаго и ея самой, и предшествовавшихъ Пастырей, и твоихъ рукъ. Ибо и самъ видишь, каково наше положеніе, и сколько чудесъ

произвели твоя ревность, твои труды и твое дерзновеніе по Богу. Обновляется старость, препобѣждается болѣзнь, лежащія на одрахъ востаютъ, и немощные препоясуются силою. Поэтому заключаю, что и дѣла наши кончатся по нашему желанію. За тебя и за меня дѣйствуетъ мой родитель, который теперешнимъ подвигомъ за Церковь положить прекрасный конецъ всей жизни и честной сѣдинѣ. И вѣрно знаю, что онъ возвратится къ намъ съ укрѣпившимися и обновленными силами, по твоимъ молитвамъ, отъ которыхъ всего можно надѣяться. А если и лишится жизни среди сихъ заботъ; то не потеря—сподобится такой кончины и въ подобномъ дѣлѣ. Меня же прошу извинить, если, уступивъ нѣсколько языку людей лукавыхъ, повременю не много явиться къ тебѣ, и обнять тебя, и лично присовокупить къ похвалѣ недосказанное теперь.

38. КЪ ВАСИЛІЮ ВЕЛИКОМУ (24).

Изъявляетъ свою радость о вступленіи его на кесарійскій престолъ, и объясняетъ причины, по которымъ медлитъ идти къ нему.

Какъ скоро узналъ я, что ты возведенъ на высокій престолъ, Духъ побѣдилъ, свѣтильникъ, и прежде не темно свѣтившій, поставленъ на свѣщникъ и у всѣхъ на виду; признаюсь, обрадовался этому. Да и какъ было не обрадоваться, видя, что общее дѣло Церкви было въ худомъ положеніи, и имѣло нужду въ такомъ руководствѣ? Однако же не вдругъ я поспѣшилъ къ тебѣ, и не спѣшу, и ты самъ этого не требуй; во-первыхъ, чтобы

сберечь мнѣ честь твою , и чтобъ не подумали , что собираешь приверженцевъ , по незнанію приличія и по горячности, какъ могутъ сказать завистники ; а во-вторыхъ , чтобы мнѣ самому приобрести постоянство и неукоризненность. Поэтому, когда же прійдешь, скажешь, можетъ быть? И до какого времени будешь откладывать? До того, какъ Богъ повелитъ, и исчезнуть тѣни теперь злоумышляющихъ и завистующихъ. Ибо хорошо знаю , что не долго будутъ противиться прокаженные , заграждающіе Давиду входъ во Іерусалимъ.

39. КЪ НЕМУ ЖЕ (10).

На упреки св. Василя за холодность къ нему отвѣчаетъ похвалами Василю.

Какъ? Будто бы что нибудь твое для меня то же, что окинута ягода на виноградной лозѣ? Какое вырвалось у тебя слово изъ ограда зубовъ , о божественная и священная Глава? Или какъ отважился ты вымолвить это? Для того только развѣ , чтобъ и я могъ отважиться нѣсколько? Какъ подвиглась мысль , написало чернило , приняла бумага? Науки , Аѳины, добродѣтели , труды , подъяты для наукъ! Видишь , написанное тобою едва не дѣлаетъ меня трагикомъ! Меня ли ты не знаешь , или себя самого? Какъ можетъ быть маловажнымъ для Григорія что нибудь твое, око вселенной, звучный гласъ и труба, палата учености? Чему же иному станеть кто дивиться на землѣ , если Григорій не дивится тебѣ? Одна весна въ году , одно солнце между звѣздами ,

Ч. VI.

10

одно небо объемлетъ собою все , одинъ голосъ выше всѣхъ , и это (если способенъ я только судить о подобныхъ дѣлахъ , и не обманываетъ меня любовь , чего не думаю),—это твой голосъ. А если ставишь мнѣ въ вину , что не хвалю тебя , какъ надлежало бы : то вини за это всѣхъ людей ; потому что никто другой не хвалилъ , и не хвалить , какъ должно , какъ сталъ бы хвалить ты , какъ стало бы хвалить твое велегласіе , если бы можно было хвалить самого себя , и позволялъ это законъ похвальныхъ словъ. А если обвиняешь меня въ презрѣніи ; то почему не обвинишь сперва въ безуміи ? Но ежели негодуешь на то , что любомудрствую ; то позволь сказать : это одно и выше твоихъ словъ.

40. КЪ НЕМУ ЖЕ (4).

Препятствіемъ къ свиданію съ св. Василиемъ поставяетъ болѣзнь своей матери , и проситъ молитвъ Василиевыхъ объ ея выздоровленіи.

Исполнить твой приказъ , частію зависитъ отъ меня , а частію , и еще , думаю , большею , отъ твоего благоговѣнія. Отъ меня—желаніе и усердіе ; потому что и въ другое время никогда не уклонялся я отъ свиданія съ тобою , а напротивъ того всегда домогался этого ; теперь же еще больше сего желаю. Отъ твоего же преподобія зависитъ привести въ порядокъ мои дѣла. Ибо безотлучно сижу при одрѣ государыни матери , которая , много уже тому времени , страдаетъ недугомъ. И если можно мнѣ будетъ оставить ее внѣ опасности , будь

увѣренъ , не лишу себя твоего лицезрѣнія. Помогай только своими молитвами ей выздоровѣть, а мнѣ совершить путь.

41. КЪ НЕМУ ЖЕ (26).

Пересказываетъ, какъ одинъ изъ монашествующихъ въ какомъ-то собраніи, гдѣ былъ и св. Григорій, укорялъ св. Василия и его самого, одного будто бы въ нездоровомъ ученіи о Святомъ Духѣ, а другаго въ робости, и какъ самъ св. Григорій старался, впрочемъ безуспѣшно, оправдать св. Василия (371 г.).

Вождемъ жизни, учителемъ догматовъ, и всѣмъ, что ни сказалъ бы кто прекраснаго, почиталъ я тебя издавна, и теперь почитаю; и ежели есть другой хвалитель твоихъ совершенствъ, то, безъ сомнѣнія, онъ станетъ или рядомъ со мною, или позади меня. Такъ приверженъ я къ твоему благоговѣнію, и такъ начисто весь твой! И это не удивительно. Ибо съ кѣмъ дольше обращаешься, отъ того больше видишь опытовъ; а гдѣ больше опытовъ, тамъ и свидѣтельство совершеннѣе. Зрн Ежели есть мнѣ что полезное въ жизни, такъ это—твоя дружба и обращеніе съ тобою. Такъ я думаю объ этомъ, и желалъ бы всегда такъ думать.—А что теперь пишу, пишу не по доброй волѣ; однако же напишу это. И ты не прогнѣвайся на меня; или самъ я буду крайне огорченъ, если не повѣришь мнѣ, что говорю и пишу это изъ благорасположенія къ тебѣ. Многіе порицаютъ насъ, называя некрѣпкими въ вѣрѣ, именно же всѣ тѣ, которые думаютъ, что у меня съ тобою все общее, что и прекрасно они дѣлаютъ.

И одни изъ нихъ обвиняють явно въ нечестіи, а другіе въ робости; въ нечестіи—увѣренные, что говоримъ нездорово, а въ робости—приписывающіе намъ уклончивость. Но какая нужда повторять рѣчи другихъ? Поэтому перескажу тебѣ, что случилось недавно. Былъ пиръ, и на пиру было не мало людей знатныхъ и къ намъ благо-расположенныхъ, а въ числѣ ихъ находился нѣкто изъ носящихъ имя и образъ благочестія. Пированье еще не начиналось; слово зашло о насъ, которыхъ, какъ это обыкновенно случается на пирахъ, вмѣсто всякаго другаго междудѣйствія выводятъ на среду. Всѣ дивятся твоимъ совершенствамъ, присовокупляютъ къ тебѣ и меня, какъ упражняющагося въ равномъ съ тобою любомудріи, говорятъ о нашей дружбѣ, объ Аѳинахъ, о нашемъ единомыслии и единомыслии во всемъ: но этотъ любомудренный мужъ находитъ сіе оскорбительнымъ и, съ большою рѣшительностію вскричавъ, говоритъ: «Что же это, государи мои, такъ много вы лжете и льстите? Пусть похвалены они будутъ за другое, если угодно; въ томъ не спорю; но не согласенъ въ важнѣйшемъ: за православіе напрасно хвалятъ Василія, напрасно и Григорія; одинъ измѣняетъ вѣрѣ тѣмъ, что говоритъ, а другой тѣмъ, что терпитъ это».—Откуда у тебя это, пустой человѣкъ, новый Даоанъ и Авиронъ по высокоумію?—сказалъ я. Откуда пришелъ къ намъ съ такимъ правомъ учительства? И какъ смѣешь самъ себя дѣлать судьей въ такихъ предметахъ?—«Я теперь,—говорилъ онъ,—съ Собора, который былъ у мученика Евсихія; и онъ свидѣтель, что это дѣйствительно такъ. Тамъ слышалъ я, какъ великій Василій богословствовалъ: объ Отцѣ и Сынѣ превосходно и весьма совершенно, и какъ не легко было бы сказать всякому другому; а въ ученіи о Духѣ

уклонился отъ прямого пути». И къ этому присовокушилъ онъ одно подобіе, сравнивъ тебя съ рѣками, которыя обходятъ мимо камни и вырываютъ песокъ. «А ты вотъ, чудный,—сказалъ онъ, смотря на меня,—очень уже ясно богословствуешь о Духѣ (и при этомъ напомнилъ онъ одно мое выраженіе, когда, богословствуя при многочисленномъ собраніи, потомъ заключилъ я рѣчь о Духѣ этими, часто повторяемыми, словами: доколѣ намъ скрывать свѣтильникъ подъ спудомъ (и)?); но онъ не ясно высказываетъ мысль, какъ бы набрасываетъ тѣнь на ученіе, не осмѣливается выговорить истину, накидывая намъ въ уши выраженій, приличныхъ болѣе чловѣку изворотливому, нежели благочестивому, и прикрывая двусмысленною силою слова».—«Это потому, говорилъ я, что я стою не на виду, многимъ неизвѣстенъ; иные почти и не знаютъ, что мною бываетъ сказано, и даже говорю ли я: поэтому и любомудрствую безопасно. О немъ же много рѣчей, какъ о чловѣкѣ, который извѣстенъ и самъ по себѣ и по Церкви. Все сказанное имъ переходитъ въ общую извѣстность. Около него жестокая битва; еретики стараются ловить каждое голое реченіе изъ устъ самого Василия, чтобы послѣ того, какъ все уже вокругъ захвачено, и этотъ мужъ, единственная почти оставшаяся у насъ искра истины и жизненная сила, могъ быть изгнанъ изъ Церкви, а зло укоренилось въ городѣ, и изъ этой Церкви, какъ бы изъ какой засады, разливалось по всей вселенной. Поэтому намъ лучше быть бережливыми на истину, уступивъ нѣсколько времени, которое омрачило насъ, подобно облаку, нежели ясною проповѣдію

(в) См. Творен. Св. Отц. Т. 1. стр. 312.

привести истину въ упадокъ. Ибо о томъ , что Духъ есть Богъ, нѣтъ намъ вреда знать и изъ другихъ реченій, приводящихъ къ тому же заключенію; потому что истина заключается не столько въ звукъ, сколько въ мысли. Но Церкви великій уронъ, если съ однимъ человѣкомъ изгнана будетъ истина». Такой бережливости не одобрили присутствовавшіе, называя ее неблаговременною и даже насмѣшкою надъ ними; возопіяли же на насъ, что ограждаемъ болѣе робость свою, нежели ученіе Церкви. Ибо гораздо лучше, стоя за истину, охранять свое, нежели такую бережливостію и свое приводить въ безсиліе, и чужаго не принимать. Но пересказывать теперь все въ подробности, что говорилъ, и что слышалъ я, и какъ сверхъ мѣры и собственнаго своего обыкновенія изъяслялъ свое негодованіе противорѣчившимъ, было бы долго, а можетъ быть, и не нужно. Конецъ же слову тотъ, что при этомъ я съ ними разстался. Но ты, божественная и священная Глава, научи меня, до чего намъ должно простираться въ богословіи о Духѣ, какія употреблять реченія, и до чего доходить въ своей бережливости, чтобы все это имѣть въ готовности для противниковъ. Ибо, если бы я, который лучше всѣхъ знаю тебя и твои мысли, и неоднократно самъ удостовѣрялъ и былъ удостовѣряемъ въ этомъ, потребовалъ теперь объясненія на сіе самъ для себя; то былъ бы самымъ невѣжественнымъ и жалкимъ человѣкомъ.

42. КЪ НЕМУ ЖЕ (27).

Оправдывается предъ св. Василіемъ, который оскорбился прелюдующимъ письмомъ его.

Иной, поумнѣ меня, могъ бы подозрѣвать это ; а я человекъ крайне простой и пустой не боялся сего, когда писалъ къ тебѣ. Оскорбило тебя письмо мое; но утверждаю, что оскорбило не по дѣлу, не справедливо, а, напротивъ того, весьма напрасно. Правда, что ты не изъявилъ своей скорби ; но (въ чемъ поступилъ умно) скрылъ ее, какъ бы нѣкоторою личиною, покрывъ стыдомъ лице печали. А я, если сдѣлалъ это съ хитростію и злонамѣренно, потерплю вредъ не столько отъ твоей скорби, сколько отъ истины ; если же поступилъ просто, по обыкновену благорасположенію, то буду винить грѣхи свои, а не твое расположеніе, развѣ скажу только, что лучше было бы поправить это, чѣмъ гнѣваться на совѣтниковъ. Поэтому, что тебѣ дѣлать, самъ ты увидишь, будучи въ состояніи подать въ этомъ совѣтъ и другимъ. А я съ своей стороны готовъ, если дастъ Богъ, и быть у тебя, и подвизаться съ тобою, и помогать тебѣ по мѣрѣ силъ. Ибо подъ твоимъ руководствомъ и съ тобою кто будетъ не въ силахъ, и кто не отважится говорить и подвизаться за истину ?

43. КЪ НЕМУ ЖЕ (25)

Ободряеть сѣ. Василія противоборствовать кознямъ враговъ Церкви и не смущаться тѣмъ, что Анеимъ, Епископъ Тіанскій, дѣлаясь независимымъ отъ кесарійскаго престола, присвоилъ себѣ многія епархіи въ кесарійской митрополіи (372 г.).

Слышу, что ты смущаешься недавнимъ нововведеніемъ, и приходишь въ затрудненіе отъ какой-то софистики и обычной пытливости преобладающихъ. Это не удивительно; потому что мнѣ извѣстна зависть, знаю и то, что многіе изъ окружающихъ тебя чрезъ тебя же обдѣлываютъ свои дѣла, и раздуваютъ искру маюдушія. Потому не боюсь, чтобы ты въ скорбныхъ обстоятельствахъ потерпѣлъ чтонибудь не свойственное любомудрію, не достойное себя и меня. Напротивъ того думаю, что теперь-то особенно и дастъ знать себя мой Василій, теперь-то и выкажется то любомудріе, которое постоянно ты собиралъ; теперь-то, какъ бы высокой волной, сразишь злоумышленія, и, когда другіе въ смущеніи, останешься непоколебимымъ.

Зрѣн А если угодно тебѣ, явлюсь и самъ, и, можетъ быть, подамъ какуюнибудь мысль, если только море имѣетъ —
—
нужду въ водѣ, а ты — въ совѣтникахъ. Во всякомъ же случаѣ самъ для себя приобрѣту пользу и поучусь любомудрію, вмѣстѣ съ тобою терпя оскорбленія.

44 КЪ АМФИЛОХІЮ (163).

Шутливо изображаетъ пустыню Озизалу, въ которой св. Амфилохій, въ послѣдствіи Епископъ Иконійскій, подвизался, оставивъ судебныя дѣла.

Шутишь. А я знаю опасность Озизалы, которая голодаетъ, когда всего усердіе будетъ воздѣлана. Одно похвально въ ней, что, хотя тамъ и умираютъ съ голода, однако же благоухаютъ и имѣютъ для себя въ готовности пышный гробъ. Почему же это? Потому что покрываются множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ.

45. КЪ НЕМУ ЖЕ (241).

Посылая къ нему Памфилійца Главка, просить угостить его въ пустынь Озизалъ.

Когда посѣщалъ я горы и при горахъ лежащіе города Памоніи; поймалъ тамъ на горахъ морскаго Главка, не льняными сѣтями извлеки эту рыбу изъ глубинъ, но любовію друзей вовлеки добычу въ мрежу. Какъ же скоро этотъ Главкъ выучился ходить по сушѣ, посылаю его съ письмами къ вашей добротѣ; пріймите его дружелюбно, и удостойте похваляемаго въ Писаніи угощенія зеленью.

46. КЪ НЕМУ ЖЕ (162).

Не одобряетъ какого-то Армянина, выхваляемаго св. Амфилохіемъ.

Приказъ твоей правоты ни мало не варварскій, а еллинскій, лучше же сказать, христіанскій. Но Армянинъ, которымъ такъ много хвалишься, совершенный варваръ и далекъ отъ нашего соревнованія.

47. КЪ НЕМУ ЖЕ (12).

Просить изъ Озизалы прислать зелени для угощенія св. Василия.

Не просили мы у тебя хлѣбовъ, какъ не просили воды у жителей Остракины. А если у обитателя Озизалы попросимъ зелени, которой у васъ изобиліе, и въ которой у насъ большой недостатокъ; то это не удивительно, и не внѣ обычая. Поэтому соблаговоли послать къ намъ зелени побольше и получше, или сколько можешь; потому что нищимъ и малое въ велико. А поелику угощаемъ у себя и великаго Василия; то остерегись, чтобы тебѣ, испытавъ уже любомудріе Василия сытаго, не испытать—голоднаго и негодующаго.

48. КЪ НЕМУ ЖЕ (13).

Выговариваетъ за то, что, вмѣсто прошенной зелени, прислана одна лебеда.

Какъ скупо идетъ къ намъ отъ васъ зелень! да и что, кромѣ лебеды? А между тѣмъ все ваше богатство—сады

и рѣки, рощи и засѣки, и сторона ваша такъ же обильна зеленью, какъ у другихъ золотоносна; и вы питаетесь луговыми цвѣтами. А хлѣбныя зерна—у васъ баснословное блаженство, и хлѣбъ, какъ говорится о хлѣбѣ Ангельскомъ, такъ же вождельненъ, и не всегда навѣрно получается. Поэтому обильнѣе сообщайте намъ зелень, или не станемъ дѣлать другихъ угрозъ, а задержимъ у себя хлѣбные запасы; и тогда узнаемъ, точно ли кузнечики нитаются одной росой.

49. КЪ ВАСИЛЮ ВЕЛИКОМУ (32).

Защищается, что не по лѣности и не по нерадѣнію отказывается отъ епископства въ Сасимахъ, куда рукоположилъ его св. Василій противъ воли его.

Укоряешь меня въ лѣности и въ нерадѣніи; потому что не взялъ твоихъ Сасимовъ, не увлекся епископскимъ духомъ, не вооружаюсь вмѣстѣ съ вами, чтобъ драться, какъ дерутся между собою псы за брошенный имъ кусокъ. А для меня самое важное дѣло — бездѣйствіе. И чтобы знать тебѣ нѣчто изъ моихъ совершенствъ, столько хвалюсь своею безпечностію, что величіе духа въ этомъ почитаю закономъ для всѣхъ; и думаю, что, если бы всѣ подражали мнѣ, то не было бы безпокойствъ Церквамъ, не терпѣла бы поруганій вѣра, которую теперь всякій обращаетъ въ оружіе своей любопытности.

50. КЪ НЕМУ ЖЕ (31).

Выражать свое огорченіе, что чрезъ рукоположеніе въ Епископа Сасимскаго введенъ въ отношенія, вовсе противныя его духу.

Ужели не перестанешь хулить меня, какъ человѣка необразованнаго, грубаго, не достойнаго дружбы, да и самой жизни, потому что осмѣлился сознать, что я потерпѣлъ? Ибо другаго оскорбленія не сдѣлалъ я тебѣ,—можешь самъ подтвердить это; да и я не сознаю, и не желаю сознать, за собою, чтобы въ чемъ маловажномъ, или важномъ, поступилъ передъ тобою худо, кромѣ того одного, что узналъ себя обманутымъ, и хотя слишкомъ уже поздно, однако же узналъ, и виню въ этомъ престолъ, который вдругъ возвысилъ тебя надо мною. Усталъ я, слушая упрёки тебѣ и защищая тебя передъ людьми, которымъ хорошо извѣстны и прежнія и нынѣшнія наши съ тобой отношенія. Всего смѣшнѣе, или, лучше сказать, достойнѣе сожалѣнія—испытать на себѣ, что одного и того же и обижаютъ и упрёкаютъ, какъ это случилось теперь со мною. Упрёкаютъ же иные и въ томъ и въ другомъ, каждый, въ чемъ кому угодно, по собственному его праву, или по мнѣнью гнѣва на насъ; а самые человѣколюбивые—въ презрѣніи, въ пренебреженіи, въ томъ, что, по употребленіи въ дѣло, брошенъ я, какъ самый безчестный и ничего не стоящій сосудъ, или какъ подпорка подъ сводами, которую, по складкѣ свода, вынимаютъ и считаютъ за ничто. Поэтому предоставимъ симъ людямъ полную свободу; пусть говорятъ, что мо-

гутъ сказать ; никто не удержитъ самовольнаго лзыка. И ты въ награду мнѣ отдай тѣ блаженныя и пустыя надежды, какія придумалъ противъ хулителей, что для моей же чести обижаешь меня, человѣка легкомысленнаго и способнаго только къ чему либо подобному. А я выскажу, что на душѣ; не посердись на меня ; ибо скажу то же, что говорилъ и во время самой скорби; и тогда не былъ я до такой степени или воспламененъ гнѣвомъ, или пораженъ случившимся, чтобы потерять разсудокъ и не знать, что сказалъ. Не буду приискивать оружія и учиться военной хитрости, которой не учился и прежде, когда, по видимому, особенное было тому время ; потому что всѣ вооружались , всѣ приходили въ неистовство (тебѣ извѣстны недуги немощныхъ). Не буду подвергать себя нападеніямъ бранноноснаго Анѣима, хотя и не совсемъ ловкаго воителя , будучи самъ безоруженъ, не воинственъ, и открытъ для ранъ. Но сражайся съ нимъ самъ, если угодно; ибо нужда и немощныхъ дѣлаетъ не рѣдко воителями; или ищи людей, которые будутъ сражаться, когда Анѣимъ захватитъ твоихъ лошаковъ, охраняя тѣсныя проходы и, подобно Амаликитянамъ, отражая Израиля. А мнѣ въ замѣнъ всего дай безмолвіе. Какая нужда вступать въ борьбу за млекопитающихся и птицъ, и притомъ за чужихъ, какъ будто идетъ дѣло о душахъ и объ уставахъ Церкви ? Для чего митрополію лишать славныхъ Сасимовъ, или обнажать и открывать тайну сердца, которую должно таить ? Но ты мужайся, преодолювай, и все влечи къ славію своей, какъ рѣками поглощаются весенніе потоки, ни дружбы, ни привычки не предпочитая добродѣтели и благочестію, не заботясь о томъ, какимъ будутъ разумѣть тебя за такой поступокъ, но предавшись единому Духу ; а я отъ дружбы твоей приобрѣту

ту одну выгоду, что не буду вѣрить друзьямъ, и ничего не стану предпочитать Богу.

51. КЪ НЕМУ ЖЕ (33).

Описывается, какъ онъ и родитель его приняли у себя Анеима, Епископа Тіанскаго, и почему имѣли съ нимъ переписку.

Какъ горячо и, подобно молодому коню, скачешь ты въ письмахъ своихъ! И это не удивительно: тебѣ, который не давно сталъ въ славѣ, хочется показать передо мною, какую пріобрѣлъ ты славу, чтобы чрезъ это сдѣлать себя еще болѣе достоуважаемымъ, подобно живописцамъ, которые пишутъ однѣ красоты. А если пересказывать тебѣ всѣ поступки Епископовъ и содержаніе письма, которое тебя беспокоитъ, съ чего началъ я его, до чего довелъ, и чѣмъ кончилъ; то мнѣ кажется сіе превышающимъ предѣлы письма, и не столько дѣломъ оправданія, сколько исторіи. Короче же тебѣ сказать, пришелъ къ намъ мужественнѣйшій Анеимъ съ нѣкоторыми Епископами, или чтобъ навѣстить отца моего (ибо и такъ о семъ думали), или чтобъ сдѣлать, чего домогался. Послѣ многихъ испытываній и о многомъ, о приходахъ, о сасимскихъ болотахъ, о моемъ рукоположеніи, послѣ того, какъ онъ и ласкалъ, и просилъ, и угрожать, и выставлялъ свои права, порицалъ, хвалить, обводилъ себѣ круги въ доказательство, что мы должны смотрѣть на него одного и на новую митрополию, которая важнѣе, послѣ всего этого сказалъ я: «для чего вписываешь въ свой кругъ нашъ городъ, когда мы-то и соста-

вляемъ Церковь, эту въ подлинномъ смыслѣ и притомъ издревле мать Церквей?» Наконецъ ни въ чемъ не успѣвъ, и съ великою надменностію укоривъ насъ въ приверженности къ Василю, какъ будто къ какому Филиппу, онъ ушелъ. Ужели думаешь, что этимъ сдѣлали мы тебѣ обиду? Я не полагаю. Разсмотри же и содержаніе письма, точно ли писано въ обиду тебѣ? На имя наше составили соборное приглашеніе. Я спорилъ, говорилъ, что это—обида; но вторично потребовали, чтобы чрезъ меня приглашены вы были для совѣщанія объ этомъ; и на сіе согласился я; но чтобъ не случилось прежняго, предоставляю все на вашу волю; угодно ли будетъ собрать ихъ, гдѣ и когда? И это показывало во мнѣ человека почтительнаго, а не обидчика. Когда же и сіе сдѣлалъ я не въ обиду, то скажи остальное. Если отъ меня должно вамъ узнать это, то прочту вамъ самое письмо, которое Анеимъ, когда, не смотря на запрещенія и угрозы наши, захватывалъ въ свою власть болота, прислалъ къ намъ, и оскорбляя и понося насъ, и какъ бы воспѣвая побѣдную пѣснь надъ нами, потерпѣвшими отъ него пораженіе. Что же это за причина? и его гнѣву подвергаемся изъ-за васъ, и вамъ не нравимся, какъ угождающіе ему? Но о семъ надлежало узнать прежде, чудный мужъ, и потомъ уже не оскорблять, если не по другому чему, то какъ пресвитеровъ. А если въ тебѣ есть большее желаніе показать себя и честолюбіе, и простираешь къ намъ рѣчь съ высоты, какъ гражданинъ мятрополиі къ гражданамъ малаго города, или даже не имѣющимъ у себя города; то и у насъ есть гордость, которую можемъ противопоставить твоей. Это всякому не трудно, а можетъ быть, и болѣе прилично.

52. КЪ НИКОВУЛУ (2).

Свидѣтельствуеть предъ нимъ о своемъ уваженіи къ св. Василию.

Всегда предпочиталъ я себѣ великаго Василія, хотя онъ и противнаго объ этомъ мнѣнія; такъ предпочитаю и теперь, сколько по дружбѣ, столько и ради самой истины. Потому и письма его кладу напередъ, а свои за ними. Ибо очень желаю, чтобъ у меня съ нимъ была во всемъ взаимная связь, а вмѣстѣ хочу тѣмъ показать и другимъ примѣръ скромности и подчиненности.

53. КЪ АЕРІЮ И АЛИПІЮ (80).

Убѣждаетъ ихъ выполнить завѣщаніе матери, которая часть своего имѣнія отказала Назіанзской Церкви.

Справедливо и свято, чтобы истинные чадолюбцы приносили въ даръ Богу, отъ Котораго и мы сами и все наше, какъ начатки и гумна и точила, и самыхъ дѣтей, такъ и новыя наслѣдства, чтобы часть, принесенная усердно въ даръ, привела въ безопасность и остальное. Поэтому не допустите, чтобы милость ваша дошла къ намъ уже послѣ всѣхъ, но прежде всѣхъ будьте усердны къ Богу, а чрезъ Него и ко всѣмъ; и, отринувъ мірскіе законы, поработитесь нашимъ законамъ, плодонося отъ себя усердіе. Ибо, хотя приносится оставленное другими, но усердіе примемъ отъ васъ, и Богъ во много кратъ больше того, что дадите теперь, воздастъ вамъ не только

въ этой временной и преходящей жизни, но и въ вѣчной и постоянной, которую одну имѣтъ въ виду, и къ которой устремлять всѣ свои надежды — безопасное дѣло. Поелику и Богъ таковъ же будетъ къ вамъ, каковы сами вы будете къ бѣднымъ; то безъ мелочныхъ расчетовъ и скупости, но со всею щедростію и съ усердіемъ, исполните волю умершей. Представляя себѣ, что она съ вами и видитъ дѣла ваши, упокойте ее своею щедростію, чтобы получить вамъ отъ нея не одно имѣніе, но и матернее благословеніе, утверждающее дома дѣтей. Размысливъ, что, по написанному, лучше малая доля съ правдою, нежели огромная съ скупостію (Сир. 14, 3.), — только бы не сказать чего обиднаго, — и что многіе не препятствовали цѣлыя дома приносить въ даръ Церкви, а иные и отъ себя жертвовали всѣмъ имуществомъ, и сдѣлали этотъ прекрасный промѣнъ, — стали нищими ради тамошняго богатства, — не скучно сѣйте, чтобы богато пожать (2 Кор. 9, 6.); но доброе это наслѣдство принесите въ даръ и себѣ самимъ и тѣмъ, кого наиболѣе любите, ничего не убавляя изъ написаннаго въ завѣщаніи, но съ удовольствіемъ и съ свѣтлымъ лицемъ отдавая, или лучше сказать, возвращая все Богу, какъ Его собственность, и стяжавая себѣ то одно, что можетъ быть издержано для душъ вапшихъ. Ибо къ чему собирать для разбойниковъ и татей, для превратностей времени, которое отъ одного къ другому передаетъ и перекидываетъ непостоянное богатство, а не влагать своего имѣнія въ безопасныя сокровищницы, недоступныя злоумышляющимъ? Въ другомъ и для другихъ показывайте свою бережливость (ибо мнѣ желательно, чтобы вы, при добротѣ своей были и могущественны), а для насъ подвижайтесь подвигомъ добрымъ, т. е. пусть одинъ препо-

бѣждаетъ другаго благоговѣніемъ и благословеніями, какія Богъ даетъ благопризнательнымъ. Итакъ увѣрьте насъ, что вы искренніе христіане. Лучше же сказать, положивъ прекрасное, столько благочестивое и праведное начало, согласите съ нимъ и все прочее, чтобы и вы другъ о другѣ, и мы о васъ возвеселились, какъ по другимъ причинамъ, такъ и по тому, что благопризнательностію въ этомъ показали вы добрый примѣръ всей Церкви.

54. КЪ ВИТАЛІАНУ (145).

Причиною своего рѣдкаго свиданія съ Виталианомъ выставляетъ то, что онъ окруженъ дурными людьми.

Не часто бесѣдуемъ съ тобою; а причина въ томъ, что окруженъ ты множествомъ людей, какимъ я всего менѣе радъ. Если освободишь себя отъ многолюдства, и дашь въ своемъ домѣ пріютъ добродѣтели; то увидишь, что, по пословицѣ, и хромыя побѣжитъ. Это и обещаю, при Божіей помощи, и исполню.

55. КЪ АМФИЛОХІЮ (161).

Сего Амфилохія, опечаленнаго разлукою съ сыномъ Амфилохіемъ же, который поставленъ въ Епископа Иконійскаго, извѣщаетъ о кончинѣ своего родителя (374 г.).

Ты скорбишь? а я, конечно, радуюсь! Ты проливаешь слезы? а я, какъ видишь, праздную и величаюсь насто-

ящими обстоятельствами ! Тебя печалить, что похищенъ у тебя сынъ и удостоенъ почести за добродѣтель ; для тебя несносно, что его не будетъ при тебѣ, что не станеть ухаживать за тобою въ старости, и по обычаю услуживать, въ чемъ должно ? а мнѣ не горько, что отецъ пошелъ отъ меня въ послѣдній путь, съ котораго уже не возвратится ко мнѣ, и я не увижу его болѣе ! Послѣ этого ни мало не жалуясь, не требую должнаго утѣшенія, зная, что собственныя свои несчастія не даютъ времени позаботиться о чужихъ ; а нѣтъ человѣка столько дружелюбиваго и любомудраго, чтобы былъ выше страданій, и сталъ утѣшать другаго, когда самъ имѣетъ нужду въ утѣшеніи. Но ты присовокупляешь ударъ къ удару, обвиняя насъ, какъ слышу, и думая, что не порадили о твоёмъ сынѣ и о нашемъ братѣ, или (что всего тяжелѣе) измѣнили ему, даже не сознаемъ той потери, какую понесли всѣ, друзья и родные, особливо же ты, который больше всѣхъ полагалъ въ немъ надежду жизни, видѣлъ въ немъ единственную подпору, единственнаго добраго совѣтника, единственнаго сообщника въ благочестіи. На чемъ же основываешь такія свои догадки ? Если на прежнемъ, то припомни, что, встревоженный слухомъ, съ намѣреніемъ приходилъ я къ вамъ, и готовъ былъ сообщить свое мнѣніе, когда еще было время о семъ посоветоваться ; но ты говорилъ со мною обо всемъ, кромѣ этого, не знаю, по причинѣ ли той же скорби, или съ другою какою цѣлію. Если же заключаешь по послѣднему; то не позволили мнѣ увидѣться съ тобою въ другой разъ всего болѣе своя скорбь, должная честь отцу и погребеніе, чему не могъ предпочесть ничего другаго, особенно же, когда скорбь была такъ свѣжа, что любомудрствовать безвременно и выше человѣческой природы было

бы не только не благочестиво, но и въ другихъ отношеніяхъ не благопристойно. Наконецъ подумалъ я, что дѣло само меня предупредило, возъмѣвъ уже свой конецъ, какъ угодно сіе было Правителю дѣлъ нашихъ. И о семъ довольно. А теперь умѣрь свое огорченіе, какъ самъ себя увѣряю, самое неразумное. Если же представляется тебѣ еще что нибудь, сообщи мнѣ, чтобы тебѣ не огорчать и меня отчасти, и себя самого, и чтобы не потерпѣть чего либо такого, что очень недостойно твоего благородства, вмѣсто другихъ обвиняя меня, который ничѣмъ тебя не обидѣлъ, но, если надобно сказать правду, такое же испыталь принужденіе отъ общихъ нашихъ друзей, которыхъ почиталъ ты единственными своими благодѣтелями.

56. КЪ ЮЛІАНУ (167).

Напоминаетъ Юліану его обѣщаніе быть человѣколюбивымъ при обложеніи налогами жителей Назіанза.

Есть у меня твое обѣщаніе; а, судя по твоему праву, смѣло надѣюсь, что получу и даръ. Хотя мѣру воздаянія всего лучше знаетъ великій Разрѣшитель долговъ; однако же, если и въ нашей волѣ дѣлать подобныя условія, то соразмѣримъ воздаяніе; отъ меня—жертва, а отъ тебя—человѣколюбіе.

57. КЪ НЕМУ ЖЕ (166).

Просить не вѣнчать ему неудовольствій, какія произошли у Юліана съ Никовуломъ, и ходатайствуетъ за духовенство на-
зіанзское.

У меня много правъ на дружбу съ тобою; кромѣ же всего прочаго есть общая любовь къ наукамъ, которая для многихъ всего болѣе заслуживаетъ уваженіе и располагаетъ къ дружбѣ; предлога же ко враждѣ нѣтъ ни одного, а дай Богъ, чтобы и не было. Ибо что у тебя съ братомъ Никовуломъ, или чѣмъ ты огорченъ отъ Никовула, это не больше до меня касается, какъ и то, что дѣлается въ Индіи; знаю только, что не давалъ я своего одобренія ни на что между вами случившееся. Потому не вѣняй мнѣ этого, и ради такой причины не умышляй ничего худаго самъ противъ себя, но доверши то человеколюбивое дѣло, какое обѣщано тобою бѣднымъ; а также и моихъ клириковъ, за которыхъ просить я, освободи отъ переписи, разсудивъ, что крайне невѣроятно, когда другіе всѣмъ имѣніемъ своимъ жертвуютъ Богу, тебѣ не захотѣтъ даромъ сдѣлать добро, и когда другимъ городамъ даются въ даръ всѣ служащіе алтарю, мнѣ не получить въ даръ тѣхъ, которые при мнѣ и прислуживаютъ мнѣ, и притомъ не получить отъ тебя, человека ко мнѣ весьма близкаго, которому и самъ я, можетъ быть, не дѣлаю стыда. Написать тебѣ объ этомъ слѣдовало мнѣ, а свидѣться съ тобою не удалось; потому что болѣзнь угнала меня въ Тіану, искать тамъ уврачеванія, пока есть время. Извини меня въ этомъ;

вмѣсто меня имѣешь Бога, Который всегда съ бѣдными и помогаетъ имъ, и Котораго ты болѣе долженъ уважить, чѣмъ мое присутствіе.

58. КЪ НЕМУ ЖЕ (168).

По причинѣ болѣзни отказывается отъ свиданія съ Юліаномъ для совѣщаній объ уривненіи налоговъ, но даетъ ему нужные совѣты.

Хорошо сдѣлать, что приглашалъ меня въ обитель, вмѣстѣ съ тобою подумать объ уривненіи налоговъ: это дѣло стоитъ не малой заботы. Весьма охотно свидѣлся бы съ тобою, если бъ я былъ здоровъ; и приѣду, если угодно будетъ Богу, и сдѣлается это возможнымъ. А теперь личное свиданіе замѣняю письмомъ. Знаю, что ты произошелъ отъ священныхъ родителей, и съ дѣтства росъ въ Божіемъ страхѣ. Посему, что признаешь полезнымъ и для доброй о себѣ славы и для спасенія души, то, конечно, сдѣлаешь, хотя бы я и не писалъ о томъ. А если и мнѣ должно присовокупить нѣчто отъ себя, то довожу до твоего свѣдѣнія, что вмѣсто всякаго другаго рода жизни, избираемаго христіанскими душами для служенія Богу, тебѣ предлежитъ теперь это служеніе, и приобрѣтешь себѣ великое сокровище, позаботившись объ общемъ дѣлѣ, исправивъ, что прежде сего худо было распредѣлено. Къ безопасному же производству дѣла единственное и самое важное средство, о которомъ тебѣ прежде всего должно подумать, состоитъ въ томъ, чтобы избрать сотрудиниками людей, о которыхъ знаешь, что

они отличаются благоразуміемъ и доброю нравственностью ; ибо что пользы въ томъ, если кормчіи хороши, а гребцы дурны? —

59. КЪ ЕВСЕВІЮ ЕПИСКОПУ САМОСАТСКОМУ(28).

Просить молитвъ сего Епископа, который Императоромъ Валентомъ былъ посланъ въ заточеніе во Фракію, и съ которымъ св. Григорій по болѣзни своей не могъ видѣться во время провоза его чрезъ Каппадокію (374 г.).

Когда твое богочестіе проѣзжалъ чрезъ наше отечество, не могъ я выглянуть изъ горницы, находясь въ высшей степени болѣзни. Но не столько огорчала меня болѣзнь, приводившая въ страхъ смертный, сколько то, что лишился твоей священной и доброй бесѣды. Такое имѣю желаніе видѣть твое почтенное лице, какое свойственно человѣку, которому нужно уврачеваніе душевныхъ ранъ, и который надѣется получить оное отъ твоего совершенства. Но если слѣдствіемъ грѣховъ моихъ было, что не могъ я имѣть свиданія съ тобою въ то время ; то нынѣ по твоей добротѣ можетъ быть мнѣ нѣкоторое утѣшеніе въ горести. Ибо, если удостоишь и о мнѣ творить поминовеніе въ твоихъ доступныхъ къ Богу молитвахъ, то сіе будетъ для меня напутствіемъ ко всякому благословенію Божію, какъ въ сей моей жизни, такъ и въ будущемъ вѣкѣ. То самое, что такой мужъ, столько подвизавшійся за вѣру Евангельскую, претерпѣвшій столько гоненій и терпѣніемъ въ скорбяхъ уготовавшій себѣ такое дерзновеніе предъ правосуднымъ Богомъ, удостоивается быть и моимъ предстателемъ въ молитвахъ, это самое, какъ увѣренъ я,

имѣть такую же для меня силу, какъ и предстательство кого нибудь изъ святыхъ мучениковъ. Почему молю — непрестанно поминать твоего Григорія тѣмъ, чѣмъ самъ желаю содѣлаться достойнымъ твоего памятованія.

60. КЪ НЕМУ ЖЕ (30).

Хвалить Евпраксіа, который вызвался прислуживать Евсевію, ублажаетъ самого Евсевія, какъ страдальца за Церковь Христову, и, благодаря за извѣстіе о себѣ, проситъ извѣщать впредь.

Всѣмъ для насъ драгоцѣнный, одинъ изъ искреннихъ друзей, достопочтеннѣйшій братъ нашъ Евпраксіи, еще болѣе драгоцѣннымъ и искреннимъ оказался по своему расположенію къ тебѣ. Онъ и теперь съ такимъ усердіемъ устремился служить тебѣ, какъ многожаждущій елень (скажу словами Давида) утоляетъ нестерпимую жажду въ пріятномъ и чистомъ источникѣ. За терпѣніе скорбей и ради насъ соблаговоли стать для него симъ питіемъ. Блаженъ, кто удостоивается быть близъ тебя. А еще блаженнѣе, кто страданіями за Христа и подвигами за истину пріобрѣтаетъ себѣ подобный вѣнецъ, какого сподобились не многіе изъ боящихся Бога. Ибо ты показалъ въ себѣ добродѣтель, которая была не безъ испытаній: не только во время благовѣрія шлылъ прямо и управилъ душами другихъ, но просіялъ и среди тяжкихъ искушеній, ставъ выше гонителей тѣмъ, что мужественно оставилъ родину. У другихъ есть отечественная земля, а у насъ горній градъ; другимъ, можетъ быть, сталь принадлежать нашъ престолъ, а у насъ — Христосъ. Ка-

кое приобрѣтеніе ! Чтѣ нами оставлено, и чтѣ получено! *Пройдохомъ сквозь огонь и воду*, а я увѣренъ, что *зри* увидимъ и *въ покой* (Псал. 65, 11.); потому что Богъ не до конца оставитъ насъ, и не вознерадитъ о гонимомъ правомъ ученіи, но по множеству болѣзней нашихъ возвеселятъ насъ утѣшенія Его: Сему вѣримъ, и о семъ молимся. А тебя прошу молиться и о нашемъ смиреніи. И если когда выпадетъ время, не облѣнись благословить меня своимъ писаніемъ и придать мнѣ благодушія извѣстіемъ о себѣ, чего удостоилъ теперь.

61. КЪ НЕМУ ЖЕ (204).

Благодарить за письмо, и просить не забывать о немъ.

Меня радуетъ, что и пишешь ко мнѣ, и помнишь о мнѣ, а чтѣ и сего важнѣе, благословляешь меня въ своихъ письмахъ. Желалъ бы я (чего и заслуживаютъ твои страданія, твой подвигъ за Христа и для Христа) удостоиться того, чтобъ быть у тебя, обლობызать твое богочестіе, и въ твоихъ страданіяхъ найти для себя образецъ терпѣнія. Но поелику недостойнъ я этого, меня безпокоятъ многія скорби и недосуги, то исполняю второе, т. е. привѣтствую твое совершенство, и прошу не ставить себѣ въ трудъ памятованіе о мнѣ. Ибо не только полезно для меня удостоиваться твоихъ писаній, но даже послужить въ похвалу и украшеніе предъ многими, что обращаетъ на меня вниманіе мужъ столь высокій добродѣтелию, имѣющій такой доступъ къ Богу, что и словомъ и примѣромъ можетъ и другихъ приводить къ Богу.

62. КЪ ЕВТРОПИЮ (138).

Благодарить его за письмо.

Пусть другой хвалитъ въ тебѣ что нибудь другое ; безъ сомнѣнія же, тебя достанетъ для многихъ устъ ; но я скажу то , чему всего болѣе дивлюсь. Въ тебѣ столько правоты и учености, что и это одно дѣлаетъ твоими друзьями всѣхъ, кто только почитается тебѣ другомъ. По крайней мѣрѣ прежде всѣхъ удостоившихся отъ тебя чести (сколько бы ихъ ни было), когда занималъ ты самую высокую должность , доселѣ составляющую предметъ домогательства, встрѣтившись со мною въ Азій, если помнишь объ этомъ нѣсколько (а я знаю, что помнишь, при совершенствѣ во всемъ будучи столько неизмѣннымъ въ дружбѣ), ты какъ и въ прочемъ обратилъ на меня благосклонное свое вниманіе, такъ, дѣлая честь своей учености, убѣждалъ меня писать къ тебѣ, и не только убѣждалъ меня, но самъ первый удостоилъ написать ко мнѣ, подражая добрымъ живописцамъ, которые обучаютъ учениковъ тѣмъ, что показываютъ имъ много образцовъ. Это же (что и весьма хорошо) сдѣлалъ ты и теперь. Но не облѣнись дарить меня тѣмъ же и въ послѣдствіи, хотя и опять провознесенъ будешь почестями ; потому что онѣ принесутъ тебѣ начальство, а не добродѣтель, въ которой достигнувъ самой вершины, тебѣ уже не куда и возвышаться. Занимаясь дѣлами общественными, не переставай радѣть и о друзьяхъ, по примѣру Омировыхъ витязей, которые и среди войны заботятся объ обязанностяхъ дружбы. Ибо твой Омиръ и этимъ уразноображиваетъ свое твореніе.

63. КЪ НЕМУ ЖЕ (137).

Радуется, что Евтропій сталъ христіаниномъ, и вмѣстѣ сожалеетъ, что болѣзнь препятствуетъ съ нимъ видѣться.

Что это значить? Великій Евтропій въ числѣ нашихъ! И мы слышимъ, но не наслаждаемся. Что же иное, какъ не это же самое, было и съ извѣстнымъ Танталомъ, который истаявалъ жаждою среди потоковъ? Ты, какъ пишешь, желаешь свиданія со мною; и хорошо дѣлаешь. Такому человѣку, каковъ ты, надлежало не презирать друзей, но и мимоходомъ сдѣлать добро мнѣ, и тѣмъ же почтить по оставленіи званія правителя, чѣмъ удостоивалъ чествовать начальствуя. Но въ какомъ, думаешь, расположеніи нахожусь я, и что на сердцѣ у меня, желающаго видѣться съ тобою не меньше, если еще не больше твоего (что и естественно; потому что достойное уваженія вождѣнно), но связаннаго болѣзнію? Будь для меня тѣмъ египетскимъ врачевствомъ (слово ли это, или другое что), какимъ Омиръ врачуетъ души въ скорбяхъ. Но какъ будешь симъ врачевствомъ? Во-первыхъ, извиняя меня, потому что добродушіе готово на извиненія; а потомъ вразумляя меня своими письмами, потому что, когда былъ ты и начальникомъ, болѣе дивились мы въ тебѣ добродѣтели, нежели могуществу.

64. КЪ ГРИГОРЮ НИССКОМУ (35).

Просить не скорбѣть о своемъ изгнаніи, предсказывая, что торжество еретиковъ будетъ не долговременно (ок. 376 г.).

Эрн Не очень сокрушайся въ скорбяхъ. Ибо чѣмъ менѣе скорбимъ, тѣмъ легче становится скорбь. Нѣтъ бѣды, если еретики отогрѣлись, и съ весною осмѣливаются выползати изъ норъ, какъ самъ пишешь. Очень знаю, что не долго пошипятъ, потомъ спрячутся, низложенные и истинною и временемъ; и тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большимъ упованіемъ предоставимъ все Богу.

65. КЪ НЕМУ ЖЕ (36).

Подобнаго съ предыдущимъ содержанія.

О чемъ ты писалъ, разсуждаю такъ. Презираемые, мы не огорчаемся, и почитаемые не радуемся. Ибо одного мы достойны, а другое—дѣло нашего любочестія. Помолись о мнѣ. Извини за краткость; хотя и коротко это, однако же, безъ сомнѣнія, длиннѣе молчанія.

66. КЪ ЕПИСКОПУ ГРИГОРИЮ (142).

Сопутствуя ему своею любовію, обнадеживаетъ его близкимъ прекращеніемъ возставшей бури, желаетъ скорого возвращенія и проситъ извѣщать о себѣ.

И сидя дома, сопутствую вамъ любовію; потому что любовь все у насъ дѣлаетъ общимъ; уповая же на чело-
вѣколюбіе Божіе и на ваши молитвы, имѣю великую на-
дежду, что все совершится по нашему желанію. Буря
превратится въ тихій вѣтерокъ, и Богъ въ награду за
православіе дастъ вамъ превозмочь дѣлающихъ вамъ зло.
Всего же болѣе желательно, въ скоромъ времени видѣть
и принять васъ у себя, какъ о томъ молимся. Если же
по теченію дѣлъ замедлите, то не откажитесь, по крайней
мѣрѣ, радовать насъ письмами, извѣщающими о ходѣ
вашихъ дѣлъ, и по обычаю молиться за насъ. А благій
Богъ да сохранитъ васъ, какъ общую опору Церкви,
здоровыми и исполненными всякой радости!

Зр.

67. КЪ ВОСПОРИЮ ЕПИСКОПУ КОЛОННІЙСКОМУ (141).

Смиренно отказывается отъ предложенія Воспоріева принять на
себя правленіе Церковію.

Меня приводятъ въ стыдъ трудности твоего пригла-
шенія; но еще болѣе сталъ бы я стыдиться себя самого,
если бы не написалъ правды. Боюсь, чтобы дѣло мое не

кончилось ничѣмъ ; такъ стыжусь своихъ сѣдинъ, и общей трапезы, и трудовъ, понесенныхъ съ юности, — стыжусь, потому что передъ вами я ниже самыхъ негодныхъ людей, и презираемъ тѣми, отъ кого бы менѣ всего ожидалъ.

68. КЪ НЕМУ ЖЕ (14).

По настоятельнымъ требованіямъ Воспорія соглашается посвятить себя на служеніе Церкви.

Думалъ я, правда, что имѣю право на ваше извиненіе и за прежнее ; такъ я простъ и недалекъ. Но поелику не перестаете дѣлать мнѣ выговоры, все еще нападаете за прежнее, и къ старымъ оскорбленіямъ придумываете новыя, не знаю, по какой именно причинѣ, изъ ненависти ли ко мнѣ, или другимъ угождая тѣмъ, что безчестите меня, предоставляю узнать это и судить объ этомъ Богу, отъ Котораго, говоритъ Божественное Писаніе, ни что не сокрыто, хотя и носимъ личину правды изъ благоприличія передъ людьми: то извѣщаю теперь ваше благоговѣніе, что я побѣжденъ, и не облѣнюсь по мѣрѣ силъ, сколько дастъ Богъ, позаботиться о Церкви; потому что вы настаиваете въ этомъ, и особливо, какъ сами пишете, по нуждѣ обстоятельствъ, по причинѣ ожидаемаго нападенія противниковъ. Да и это смиренное тѣло, пока его станетъ, и пока будутъ у меня силы, посвящу на служеніе Богу, чтобъ , какъ мнѣ не имѣть на себѣ бремени, когда и вы осуждаете, и весь клиръ вопіетъ, осипая меня всякими жалобами, и самъ вижу, что Церковь остается безъ попеченія, и многіе бранятъ меня,

какъ человѣка, который ни во что ставить дѣла церковныя,—такъ и вамъ не трудиться долѣе, унижая меня. И это сдѣлаю вашими молитвами, если сами вы, какъ говорите, и какъ дѣла увѣряють, затрудняетесь принять на себя попеченіе о Церкви. Ибо лучше умереть для тѣхъ заботъ, нежели для этихъ, когда необходимо уже бѣдствовать ; потому что такъ распоряжается дѣлами моими Богъ.

69. КЪ ГРИГОРЦЮ НИССКОМУ (34).

Сего Епископа, которому по возвращеніи изъ изгнанія, поручено обозрѣть отдаленныя Церкви, просить не скучать частыми переѣздами.

Скучаешь переѣздами съ одного мѣста на другое, и тебѣ кажется, что жизнь твоя такъ же непостоянна, какъ и дерева, носимыя по водѣ. Нѣтъ, чудный мужъ, не думай этого. Деревя несутся не по своей волѣ ; а твои переходы съ мѣста на мѣсто дѣлаются для Бога ; и дѣлать добро многимъ есть самое постоянное дѣло, хотя самъ ты и не стоишь на мѣстѣ. Развѣ и солнце станетъ кто винить, что оно ходитъ вокругъ, изливая лучи и оживотворяя все, что ни озаряетъ на пути своемъ ; или, хвля неподвижныя звѣзды, будетъ оуждать планеты, у которыхъ и самыя уклоненія отъ правильнаго теченія такъ стройны?

70. КЪ НЕМУ ЖЕ (37).

Изъявляетъ ему скорбь свою о кончинѣ св. Василия и вмѣстѣ сожалѣніе, что не можетъ быть при его погребеніи (379 г.).

И это было предоставлено бѣдственной моей жизни—услышать о смерти Василия, объ отшествіи святой души, которымъ переселилась она отъ насъ и вселилась ко Господу, цѣлую жизнь употребивъ на попеченіе объ этомъ! А я,—поелику доселѣ еще боленъ тѣломъ, и крайне опасно,—сверхъ прочаго лишень и того, чтобы обнять священный прахъ, прійти къ тебѣ любомудрствующему, какъ и слѣдовало, и утѣшить общихъ нашихъ друзей. Ибо видѣть одиночество Церкви, которая лишилась такой славы, сложила съ себя такой вѣнецъ, и взору неудобозримо, и слуху невмѣстимо, особливо для имѣющихъ умъ. Но ты, кажется мнѣ, хотя много и друзей и словъ къ утѣшенію, ничѣмъ такъ не можешь быть утѣшенъ, какъ самъ собою и памятованіемъ о немъ. Вы съ нимъ для всѣхъ другихъ были образцомъ любомудрія, и какъ бы духовнымъ какимъ уровнемъ благочинія въ счастливыхъ, и терпѣнія въ несчастныхъ случаяхъ, потому что любомудріе умѣетъ и то и другое,—и счастіемъ пользоваться умѣренно, и въ бѣдствіяхъ соблюдать благоприличіе. И сіе отъ меня твоей досточестности. А мнѣ, который пишу это, какое время или слово доставить утѣшеніе, кромѣ твоей дружбы и бесѣды, которыя блаженный оставилъ мнѣ въ замѣнъ всего, чтобы въ тебѣ, какъ въ прекрасномъ и прозрачномъ зеркалѣ, видя его черты, оставаться въ той мысли, что и онъ еще съ нами?

71. КЪ ЕВДОКСІЮ РИТОРУ (39).

Подобнаго содержанія.

Спрашиваешь, каковы наши дѣла? Крайне горьки. Не стало у меня Василія, не стало и Кесарія, не стало и духовнаго, и плотскаго брата. *Отецъ мой и мати моя остависта мя*, скажу съ Давидомъ (Псал. 26, 10.). Тѣломъ я боленъ, старость надъ головою, заботъ скопilasъ куча, дѣла задавили, въ друзьяхъ нѣтъ вѣрности, Церкви безъ Пастырей; доброе гибнетъ, злое наружи; надобно плыть ночью, нигдѣ не свѣтять путевказательные огни, Христось спить. Чтò мнѣ надобно претерпѣть? Одно для меня избавленіе отъ золь—смерть. Но и та-мошнее страшно, если гадать по здѣшнему.

72. КЪ СИМПЛИКІИ (38).

Убѣдительно просить ее прекратить свой искъ, начатый еще при жизни св. Василія, о постановленіи въ Епископа одного изъ рабовъ Симпликіи.

Хвалишь святаго и общаго нашего отца, эту опору вѣры, это правило истины и образецъ въ Церкви, эту сѣдину, исполненную благоразумія, этого мужа, превзошедшаго мѣру и жизни человѣческой и добродѣтелей, этого вѣрнаго служителя и великаго Архіерея, посредника между Богомъ и человѣкомъ, эту обитель Духа.

Ч. VI.

12

Въ семь поступаешь справедливо ; потому что всякое слово ниже этой святой и блаженной души, если только не обманываютъ меня любовь, или и горестъ, срасто-ренная съ любовію. Но крайне удивило меня въ тебѣ, что, хотя хвалишь, какъ святаго, и доселѣ, сколько надлежало, чествуешь, однако же намѣреваешься разрушить его дѣло, какъ бы это было сдѣлано кѣмъ либо изъ нерсвященныхъ, такимъ человѣкомъ, который всего болѣе достоинъ поруганія, какъ жившій и кончившій жизнь безъ предположенной цѣли. Ибо, если сопастыря его присвоаешь себѣ, какъ собственнаго своего раба, и гонишься за этою мелочною выгодною ; то сіе весьма недостойно твоего великодушія. Не безразсудно ли, чествовать Бога приношеніемъ золота и серебра и избытками своего имѣнія (въ чемъ, можетъ быть, болѣе желанія показать себя, нежели благочестія), а Церкви желать, чтобы она вовсе утратила іерея, и похищать у нея священнѣйшее изъ всѣхъ приношеній ? Если негодуешь на то, что сдѣлали мы это самовластно, а не напомнили твоему благородству, и не дали времени твоей щедрости; то скажешь въ этомъ нѣсколько правды, и немощь твоя будетъ человѣческая, по крайней мѣрѣ человѣческая. Но знай, что твое подаяніе теперь важнѣе, нежели въ тогдашнее время, поколику болѣе щедрости—дозволить взять, нежели самой дать. Подавая сама, по видимому, приносишь ты даръ одному Богу, а позволяя брать, приносишь и намъ, Его служителямъ, удостоившимся носить на себѣ Его имя. Поэтому не гнѣвайся на него и на меня. Онъ поступилъ, правда, самовластно, но не сдѣлалъ никакой обиды, и мнѣ удивительно ли было дойти до этого, понадѣявшись на твою доброту, и вмѣстѣ повѣривъ общему голосу всей страны, какой по-

давали иные или ^тотъ усердія, или злонамѣренно, — пусть будетъ это извѣстно имъ самимъ, и пусть дадутъ въ томъ отчетъ Богу : потому что не наше дѣло знать сіе и входить въ расположенія каждаго; — мнѣ же легко ли было отказаться, и какъ бы я презрѣлъ столько слезъ, или сиротство страны, такъ долго остававшейся безъ попеченія о ней, безъ Пастыря, не имѣвшей духовнаго управленія? Но тебѣ больше всѣхъ извѣстно, что давшіе тогда согласіе, а теперь отрекающіеся, поступаютъ не благочестиво, и не благородно. Гораздо лучше было бы имъ тогда спорить, чѣмъ теперь лстить и разрушать собственное свое дѣло, боясь болѣе людей, нежели Бога. И думаю, что они, по своей уклончивости, опять скажутъ, что перемѣнили мысли, убоявшись тебя; и въ этомъ гораздо болѣе правды, потому что имъ необходимо какъ всегда быть поспѣшными, такъ хвататься за ложныя и хитропридуманная оправданія. А если и по твоему мнѣнію сказано это справедливо; но требуется уваженіе къ хозяйственнымъ расчетамъ (потому что слышу и это, хотя въ письмахъ не выставяла ты сего на видъ): то пусть требованіе сіе будетъ сдѣлано справедливо и челоуѣколюбиво. Мы не укоряемъ за сіе; потому что намъ непріятно лишиться благорасположенія владѣльцевъ. Чтò же остается еще? Прибѣгнуть, можетъ быть, къ тому, что челоуѣкъ недостойнъ, и поэтому нападутъ на то, что онъ поставленъ; потому что такая жалоба нѣсколько благовиднѣе. Но мнѣ отвѣчать на это просто и легко. Мы никого изъ обвиняемыхъ въ чемъ либо не отставляемъ безъ изслѣдованія дѣла; хотя бы онъ былъ изъ числа близкихъ друзей, или знатныхъ по происхожденію; потому что всего досточтимѣе Богъ и законъ. И этого не оставимъ безъ изслѣдованія. Но если кто

можетъ обвинить въ чемъ, то, когда угодно, при тебѣ и по общему твоему съ нами разсужденію, а въ противномъ случаѣ, и въ отсутствіе твое, по произведеніи слѣдствія, если окажется невиннымъ, хотя и рабъ, будетъ оправданъ; потому что у рабовъ и господъ тотъ же отецъ и Богъ, и правда опредѣляется не по чинамъ. Если же будетъ уличенъ, тогда осудится собственнымъ своимъ грѣхомъ. Такимъ образомъ и правило не будетъ нарушено, и отшедшій отъ насъ не понесетъ безчестія; ибо меня, какъ человѣка, ничего не стоящаго, не должно, можетъ быть, и въ виду имѣть. И ты сама избѣжишь худаго подозрѣнія, будто бы, чуждаясь насъ и здоровой вѣры, завела это дѣло, поступая хитро, но не благородно, и, будучи обвиняема въ одномъ, сама нападаешь на другое. Совѣтую не подвергать себя этому (что и несправедливо и неблагоприлично), и въ уничиженіе нашихъ законовъ не прибѣгать къ законамъ мірскимъ, не входить въ споръ съ нами, но извинить, если что сдѣлали въ простотѣ, по свободѣ благодати, и согласиться лучше уступить надъ собою прекрасную побѣду, нежели худо побѣдить противленіемъ Духу.

73. КЪ ТЕОДОРУ, ЕПИСКОПУ ТІАНСКОМУ (81).

Объясняетъ причины кроткихъ, а не строгихъ мѣръ съ еретиками, которые, при совершеніи св. Григоріемъ священнослуженія въ константинопольскомъ храмѣ Анастасіи, осмѣлились сдѣлать на него буйное нападеніе (380 г.).

Слышу, что негодуешь на оскорбленія, какія причинены мнѣ монахами и бѣдными. И не удивительно, что

тебѣ, который доселѣ не терпѣлъ ударовъ и не испытывалъ бѣдствій, подобныя вещи кажутся несносными. А я, какъ испытавшій много бѣдствій и терпѣвшій оскорбленіе, справедливо почту себя заслуживающимъ довѣріе, если посоветую твоему благоговѣнію, чему учить меня съдина, и что предписываетъ разумъ. Случившееся—бѣдственно и верхъ бѣдствія. Кто будетъ оспаривать это? *Зрн* Поруганы жертвенники, прервано тайнодѣйствіе; я стоялъ посреди священнодѣйствующихъ и мечущихъ въ меня камнями, и въ защиту отъ камней употребилъ молитвы; забыты стыдливость дѣвъ, скромность монаховъ, бѣдственныищихъ, которыхъ жестокость лишила милосердія. Но, конечно, лучше быть великодушнымъ, и тѣмъ, что терпимъ, показать народу примѣръ великодушія; ибо простой народъ не столько убѣждается словомъ, сколько дѣломъ—этимъ безмолвнымъ увѣщаніемъ. Важнымъ считаю наказать тѣхъ, которые насъ обидѣли; говорю, важнымъ, потому что и это полезно къ исправленію другихъ; но гораздо выше и божественнѣе сего—терпѣливо перенести обиду. Первое заграждаетъ уста пороку, а второе убѣждаетъ стать добрыми, что гораздо лучше и совершеннѣе, чѣмъ не быть только злыми. Представимъ себѣ, что намъ предлежитъ великое упражненіе въ чело-вѣколюбіи, и простимъ сдѣланное противъ насъ, чтобы самимъ сподобиться прощенія, и къ благиости присовокупимъ благиость. Ревнителемъ названъ Финеесъ за то, что пронзилъ мечемъ Мадиамитянку вмѣстѣ съ любодѣемъ, и отгналъ поношеніе отъ сыновъ Израилевыхъ. Но еще болѣе похваленъ за то, что молился за падшій народъ. Поэтому и мы станемъ, и умилоостивимъ, да престанетъ глѣхъ, по написанному, и вѣмнитъ намъ сіе въ правду (Псал. 105, 30. 31.). Похваленъ и Моисей за

то, что, оскорбившись за Израильянина, умертвилъ Египтянина; но болѣе достоинъ удивленія за то, что сестру Маріамъ, пораженную проказой за ропотъ, исцѣлилъ молитвами. Замѣть и слѣдующее: Ниневитянамъ угрожаетъ истребленіе, но слезами покупаютъ они спасеніе. Манассія былъ самый беззаконный изъ царей, но за слезы прославился между спасенными. Чтò ты устрою, Ефреме? говоритъ Богъ (Осіи 11, 8.). Какое гнѣвное слово! Но вмѣстѣ общана и защища. Чтò поспѣшите человѣколюбія? Содомскаго огня просятъ ученики на ведущихъ Иисуса, но Онъ отвергаетъ мщеніе. Петръ отсѣкаетъ ухо Малху, одному изъ оскорбителей; но Иисусъ исцѣляетъ. А спросившій: должно ли прощать брату, согрѣшившему седмижды, не осуждается ли въ скупости? Вмѣсто семи кратно сказано: *седьдесятъ кратно седмицею* (Матѳ. 18, 22.). Упоминаемый въ Евангеліи должникъ; который не простилъ того, чтò ему было прощено, не подвергается ли строжайшему взысканію (34.)? Да и въ образцѣ молитвы не требуется ли, чтобы мы прощеніемъ пріобрѣтали себѣ прощеніе? Имѣя столько примѣровъ, будемъ подражать Божію человѣколюбію, и не пожелаемъ на себѣ самихъ извѣдать, какъ тяжело воздаяніе за грѣхъ. Видишь порядокъ, въ какомъ дѣйствуетъ благость. Сперва узаконяетъ, потомъ побуждаетъ, общаетъ, угрожаетъ, укоряетъ, борется, овладѣваетъ, снова угрожаетъ, когда къ тому вынуждена, наноситъ ударъ, но постепенно давая мѣсто исправленію. Поэтому и сами не будемъ поражать вдругъ; ибо это не безопасно; но, уцѣломудривая страхомъ, препобѣдимъ человѣколюбіемъ, и обяжемъ къ благоговѣнію, истязывая болѣе совѣстію, нежели гнѣвомъ; не засушимъ смоковницу, которая можетъ еще приносить плоды, не осудимъ, какъ бесполезную и напрасно

занимающую мѣсто, такую смоковницу, которую, можетъ быть, уврачуютъ надзоръ и попеченіе искуснаго земледѣлателя ; дѣла, такъ великаго и славнаго, не разруш имъ въ такое короткое время, по навѣту, можетъ быть, и по зависти лукаваго, но пожелаемъ казаться лучше челоѣколюбивыми, нежели совершенными, болѣе нищелюбцами, нежели правдолюбцами. Не будемъ слушаться болѣе тѣхъ, которые поджигаютъ насъ на сіе, а не удерживаютъ отъ сего, имѣя въ виду, если не другое что, но крайней мѣрѣ, стыдъ—возбудить о себѣ мнѣніе, будто бы мы въ противоборствѣ съ бѣдными, у которыхъ то великое преимущество, что, хотя и обиду дѣлаютъ, однако же своимъ несчастіемъ возбуждаютъ къ себѣ жалость. Представь теперь, что припадаютъ къ тебѣ всѣ бѣдные и питатели бѣдныхъ, что просятъ за нихъ всѣ монахи и дѣвы. Вмѣсто нихъ окажи милость всѣмъ ; потому что достаточно уже приведены въ чувство, какъ сіе видно изъ того, что во мнѣ возымѣли нужду, а прежде всѣхъ окажи милость мнѣ, который прошу за нихъ. Если тебѣ кажется жестокимъ, что я потерпѣлъ отъ нихъ безчестіе ; то да покажется еще болѣе жестокимъ, что не слушаешь меня, подающаго такой совѣтъ. А прекрасному Плутону да простить Богъ всѣ тѣ обиды, какія нанесъ онъ мнѣ !

74. КЪ АЛИШЮ (148).

Пресить сего правителя Каппадокіи защитить домъ его, о которомъ производилось дѣло въ судѣ, отъ расхищеній какого-то Палладія.

Первое это пишу къ тебѣ письмо, и съ первою отношусь просьбою : почему и по этой одной причинѣ спра-

ведливо было бы получить отъ тебя ; о чемъ извѣщаю. О чемъ же извѣщаю ? Прекрасный Паладій дѣлаетъ нападенія и расхищаетъ, какъ слышу, домъ нашъ, который у васъ ; а помочь некому. Поэтому прекрасное для тебя дѣло—взять на особенное свое попеченіе и такого человека, который самъ на лицѣ, а тѣмъ паче такого, который въ отсутствіи, и не допустить, чтобы все совершенно пропало , будучи переломано и растащено, потому что вовсе никто сему не препятствуетъ, —пропало и для самихъ тяжущихся, которымъ не остается въ награду ничего больше, кромѣ тяжбы.

75. КЪ НЕМУ ЖЕ (149).

Благодаря за участіе въ дѣлѣ, просить довершить благодѣяніе,
и поручаетъ въ его милость Евфимія.

Хвалю, что имѣецъ попеченіе о нашемъ дѣлѣ ; а потомъ хвалю и за письменное извѣщеніе, что дѣлаешь это. Одно приносишь ты въ даръ правдѣ, а другое — собственнo мнѣ. Но не откажись и довершить для меня свое благодѣяніе, и непрестанно показывай себя возрастающимъ сколько нибудь въ ревности, чтобы я больше и больше дивился тебѣ. Сынъ Евфимій еще не явился къ тебѣ, но ожидается ; и думаю, если явится, не будетъ стоить тебѣ большаго труда.

76. КЪ НЕМУ ЖЕ (151).

Поручаетъ въ милость его діакона своего Фортуната.

Податель сего писъма, Фортунатъ, мой другъ и домашній человѣкъ, а если нужно прибавить что нибудь еще, одинъ изъ достохвальныхъ діаконѣвъ. Это надобно было узнать тебѣ отъ меня. А прочее, знаю, и отъ себя присовокупишь, то есть, обратишь на этого человѣка дружелюбный и попечительный взоръ, если въ чемъ онъ будетъ имѣть нужду до твоего благоговѣнія. Что ни сдѣлаешь хорошаго для него, будетъ благодареніемъ мнѣ самому. —

Зри

77. КЪ НЕМУ ЖЕ (152).

Просить руководствовать совѣтами пресвитера Лукіана въ дѣлѣ о домѣ сродниковъ Григоріевыхъ.

Прійми на себя мое дѣло, какъ и прежде принималъ, и доказалъ это опытами. Прійми и возлюбленнаго брата и сопресвитера моего Лукіана, какъ удостоивъ его благосклоннаго во всемъ воззрѣнія, такъ давъ ему совѣтъ позаботиться о домѣ сродниковъ моихъ, который у васъ; потому что, при Божіей помощи, дѣла мои приняли благополучное окончаніе, какъ по вашему суду, такъ и по челоуѣколюбію правдивѣйшаго Судии.

78. КЪ ПАЛЛАДИЮ (228).

Просить о вниманіи и покровительствѣ къ сроднику своему
Евфимію.

Зри " Если бы кто спросилъ меня : что всего лучше въ жизни ? отвѣтилъ бы : друзья. А изъ нихъ кого должны болѣе почитать ? отвѣчалъ бы : добрыхъ. А изъ добрыхъ кого именуетъ первымъ ? Знаю, что никого не поставлю выше твоей доблести. И пишу это, не льстя могуществу, не уважая нравы, для которыхъ и я, можетъ быть, провозвѣстникъ не малый, по крайней мѣрѣ, не умолкающій, пока есть силы, и даже не только провозвѣстникъ, но и сподвижникъ, молитвами подающій тебѣ новыя силы. Этимъ хотѣлъ я кончить письмо. Но поелику и Бога не только чтимъ, но и молимъ о благодѣяніяхъ ; то выслушай, не тяготясь мною (а что мои просьбы — не отягощеніе для тебя, могу заключать сіе по предшествовавшему), но памятуя о мнѣ. Опять представляю тебѣ просителя Евфимія, и опять прошу не только человѣколюбиво принять этого молодого человѣка, но и извинить его медленность, потому что, завѣдывая дѣлами сиротъ, по необходимости задержанъ былъ дома. Но постарайся дать ему хорошій ходъ, и къ моей чести, и къ славѣ твоей правоты. Хотя и много людей, которымъ ты сдѣлалъ добро, однако же и это благодѣяніе не менѣе всякаго другаго послужить къ твоей чести, — какъ самъ я слышалъ отъ тебя лично, и желаю, чтобы ты теперь увѣрилъ меня въ этомъ. Этотъ человѣкъ, какъ достоинъ сожалѣнія по сиротству, такъ любимъ мною за его нравъ, не говорю уже о кровномъ родствѣ.

79. КЪ ГИГАНТІЮ (239).

Благодарить за приглашеніе на праздникъ, увѣряя, что для него, какъ проповѣдника Троицы, всего вождельнѣе праздновать съ читателями Троицы.

Радъ я приглашенію, еще болѣе радъ тому, что пишешь; радъ не потому, что насъ хвалятъ (это мало-важно), но потому, что разсуждаешь здраво; и узами любви ко мнѣ служить для тебя одно со мною упованіе, и истинное поклоненіе Троицѣ, о Которой чаще говорю, нежели дышу, говорю и среди опасностей, и когда нѣтъ опасностей, все прочее предоставляя времени круговращать какъ ему угодно, имѣя же непоколебимымъ въ душѣ сіе одно, это неоскудѣваемое сокровище и въ подлинномъ смыслѣ мое. Почему, когда представляю въ умѣ все прочее, сколько скорбей и окружало меня, и теперь окружаетъ, представляю это непостоянство золь, бросающихъ меня и вверхъ и внизъ, эту брань, какую всѣ воздвигаютъ противъ меня, не сдѣлавшаго никому никакой обиды, а притомъ обращаю взоръ и на то одно, что удостоился я стать проповѣдникомъ истины, и отринутый и презрѣнный въ пустынѣ здраваго ученія, по написанному, и *непроходниъ и безводниъ* (Псал. 62, 2.): тогда (скажу коротко) прекращаю всякое безпокойство, а напротивъ того весьма радуюсь, какъ удостоенный большаго, нежели сколько заслуживаю. Поэтому пишу къ тебѣ сіе, давая симъ знать, что у меня дружба и близость тверды только съ тѣми, которые держатся такихъ правилъ. Какой же благомыслящій человекъ добровольно

оставить такихъ людей? И какой праздникъ важнѣе празднуемаго подобными вамъ? Если же болѣзнь или непогода воспрепятствуютъ усердію; то самъ я понесу потерю, а вы извините меня, и помолитесь, чтобы открылся другой случай къ свиданію съ вами.

80. КЪ ВОСПОРІЮ, ЕПИСКОПУ КОЛОНИЙСКОМУ (115).

Выражаетъ ему рѣшительное свое намереніе сложить съ себя правленіе Константинопольскою Церковію (381 г.).

Въ другой уже разъ попадаюсь въ ваши сѣти, и обмануть. Знаете, что говорю, и если это справедливо; да обоняетъ *Господь* вамъ *воюю благоуханія* (Быт. 8, 12.). А если несправедливо, да проститъ *Господь*. Ибо такъ слѣдуетъ мнѣ говорить о васъ; потому что намъ повелѣно терпѣть, когда и обижаютъ. Впрочемъ, какъ вы вольны въ своемъ мнѣніи, такъ и я воленъ въ своемъ. Тяжелый Григорій не будетъ уже для васъ тяжелъ. Уединюсь къ Богу, Который одинъ чистъ и не коваренъ. Углублюсь въ себя самого. Вотъ что придумалъ я о себѣ. Ибо два раза спотыкаться о тотъ же камень, по пословицѣ, свойственно однимъ безумнымъ. —

81. КЪ ЛЕОНТИО (103).

По возвращеніи въ Назіанъ изъ Константинополя, изъявляетъ радость, что избавился отъ тамошнихъ безпокойствъ.

Благодареніе благовременной болѣзни и навітамъ враговъ, которые сдѣлали меня свободнымъ, поставили внѣ содомскаго огня и епископскаго омраченія! А у васъ какъ идетъ дѣло вѣры? Было бы оно хорошо; а все прочее, каково бы ни было, до насъ не касается. Еще не много, и увижу своихъ оскорбителей, когда огнемъ будутъ извѣдываемы дѣла наши. Привѣтствуемъ васъ, а чрезъ васъ и общихъ друзей. Припоминайте о камняхъ, которыми метали въ меня.

82. КЪ АМАЗОНЦЮ (73).

Свидѣтельствуетъ, что удаленіе изъ Константинополя огорчаетъ его только разлукою съ друзьями.

Если кто изъ общихъ нашихъ друзей (а ихъ, какъ увѣренъ я, много), спроситъ у тебя: гдѣ теперь Григорій? что дѣлаетъ? смѣло отвѣчай, что любомудрствуетъ въ безмолвіи, столько же думая объ обидчикахъ, сколько и о тѣхъ, о комъ неизвѣстно ему, существовали ли когда. Такъ онъ непреодолимъ! А если тотъ же челоуѣкъ еще спроситъ тебя: какъ же онъ переноситъ разлуку съ друзьями? то не отвѣчай уже смѣло, что любомурствуетъ, но скажи, что въ этомъ очень мало-

душествуетъ. Ибо у всякаго своя слабость ; а я слабъ въ отношеніи къ дружбѣ и къ друзьямъ, въ числѣ которыхъ и достойный удивленія Амазоній. Однимъ только, можетъ быть, услуживъ мнѣ и сдѣлавъ, что менѣе буду скорбѣть о тебѣ, а именно, если станешь о мнѣ помнить, и увѣришь письмами, что это дѣйствительно такъ.

83. КЪ ИПАТНО (192).

Изъявляетъ сожалѣніе, что, по прибытіи Ипатія въ Константинополь, не долго насладился его лицеизрѣніемъ, будучи принужденъ самъ удалиться оттуда.

Долго терпѣли мы лишеніе ; потому что первый изъ городовъ не имѣлъ у себя перваго изъ людей. А надобно было, думаю, чтобы доброе разливалось всюду, и полезное дѣлалось общимъ для всѣхъ, чтобы ты съ высоты посѣвалъ правосудіе, какъ, по сказанію басень и вымысловъ, сѣяли сѣмена желавшіе улучшить употребляемое нами въ пищу. Но я имѣю болѣе причинъ скорбѣть, потому что насладился тобою столько же, сколько можно насладиться молніей, не надолго озаряющей взоръ, а потомъ уступилъ надъ собою побѣду зависти, и заключился въ самого себя, предоставивъ другимъ церковное правленіе, это достославное позорище (скажу такъ) для тѣхъ, которые, не затрудняясь, шутятъ стоящимъ и не шутокъ. А ты, превосходнѣйшій изъ всѣхъ, сохрани ко мнѣ прежнее расположеніе, которое, подобно магниту, притягиваетъ къ себѣ и желѣзо.

84. КЪ ФИЛАГРИО (65).

Жалуясь на болѣзнь, не дозволяющую быть ему у Филагрія, оправдывается въ томъ, что оставилъ правленіе Церковію.

У обоихъ у насъ одна причина, по которой не можемъ видѣться другъ съ другомъ. Съ тобой обходится тѣло, какъ и всегда; ничего не скажу больше. Знай также, что и я крайне нездоровъ; иначе (повѣрь въ этомъ), возвратясь изъ отлучки, не полѣнился бы прежде всего прійти къ тебѣ, и обнять тебя, и воспользоваться въ настоящихъ дѣлахъ такимъ совѣтникомъ, и другомъ благоразумнымъ и высокимъ по благочестію. Чтò же оставалось намъ, то есть, бесѣдовать другъ съ другомъ чрезъ письма, то ты уже и сдѣлалъ, поступивъ очень хорошо; а то же дѣлаю и я. О чемъ пишешь ты, это для меня немаловажно, и не малаго требуетъ вниманія; поэтому и я, не слегка и не кое-какъ, но съ большимъ тщаніемъ, рассмотрѣвъ это, приступилъ къ рѣшенію дѣла. Утомился я въ борьбѣ съ завистію и съ священными епископами, которые нарушаютъ общее единомысліе, и дѣло вѣры ставятъ ниже частныхъ распрій: поэтому рѣшился, по пословицѣ, не давать больше хода кормѣ, сжаться, какъ сказываютъ это о рыбѣ *корабликъ*, когда почуветъ она бурю, и издали смотрѣть, какъ другіе и терпятъ пораженіе, и поражаютъ, и самому готовиться къ тамошнему. Пишешь, что опасно оставлять Церковь,—но какую? Если свою; то и я подтверждаю то же, и ты говоришь справедливо. Если же Церковь, не мнѣ принадлежащую, и не мнѣ назначенную; то не подлежу отвѣтственности. Но надобно было держаться мнѣ Церкви,

потому что нѣсколько времени имѣлъ я о ней попеченіе. Поэтому и многіе другіе должны придерживаться чужаго, какъ скоро имѣли на своемъ попеченіи что либо чужое. Можетъ быть, что трудъ достоинъ награды; но отказъ не подлежитъ ответственности. Посему не бойся за меня въ этомъ отношеніи, но опасайся болѣе того, чтобы мнѣ не сдѣлано было какого нибудь вреда.

85. КЪ НЕКТАРІЮ (51).

Привѣтствуетъ его со вступленіемъ на престолъ Константинопольской Церкви, и проситъ нѣкому Панкратію помочь въ пріисканіи мѣста по службѣ.

Со мною что будетъ, то и будетъ. Сижу безъ войны и безъ дѣла, безбѣдную награду молчанія предпочитаю всему, и извлекаю нѣкоторую пользу изъ безмолвія, по милости Божіей достаточно поправившись отъ болѣзни. А ты *успѣвай и царствуй*, какъ говоритъ божественный Давидъ (Псал. 44, 5.), и да соуправляетъ съ тобою въ священствѣ твоемъ почтившій тебя онымъ Богъ, даровавъ, чтобъ оно было выше всякаго навѣта! А чтобы доказать намъ взаимную довѣренность и, предстоя Богу, не испытать чего либо человѣческаго, прошу тебя, а ты охотно преклонись на мою просьбу. Безпокоюсь о весьма приверженномъ ко мнѣ Панкратіи, дѣлая это по необходимости, ради многихъ причинъ. Соблаговоли благосклонно допустить его къ себѣ и представить ревностнѣйшимъ изъ друзей, чтобы достигнуть ему цѣли. Цѣль же его состоитъ въ томъ, чтобы какою ни есть военною долж-

ностію пріобрѣсти себѣ безбѣдное положеніе ; потому что ни одинъ родъ жизни, какъ самъ знаешь, не свободенъ отъ нападенія людей лукавыхъ. — Зр.

86. КЪ СОФРОНІЮ ИПАРХУ (59).

Выражая скорбь о разлукѣ съ нимъ, просить не забывать его.

Удаленіе мое доставляетъ мнѣ нѣкоторую выгоду, спокойствіе и безмолвіе. Но выгода не такова, какова невыгода—быть удалену отъ вашей дружбы и отъ обращенія съ вами, что для меня такъ многозначительно. Другіе наслаждаются твоими совершенствами, а для меня и то велико, если буду имѣть и тѣнь бесѣды съ тобою чрезъ письма. Увижу ли тебя опять ? Обниму ли когда тебя, мое украшеніе ? Дано ли это будетъ остатку моей жизни ? Если будетъ дано ; все благодареніе Богу ! А если нѣтъ ; то я умеръ уже большею своею частію. Но ты вспоминай своего Григорія , и не молчи о моихъ дѣлахъ. — Зр.⁺

87. КЪ НЕМУ ЖЕ (60).

Просить его употребить свое стараніе о взаимномъ соглашеніи и примиреніи Епископовъ на Соборѣ.

Любомудрствую въ безмолвіи ; вотъ какую обиду сдѣлали мнѣ мои ненавистники ! О если бы они обидѣли меня и другимъ чѣмъ подобнымъ, чтобы мнѣ признавать
Ч. VI. 13

ихъ еще больше своими благодѣтелями . Ибо много случаевъ, въ которыхъ, по видимому, обиженные получаютъ благодѣяніе, а получающіе благодѣяніе терпятъ обиду. Таково мое положеніе. И если не убѣжду въ этомъ другихъ, то хочу, чтобы за всѣхъ зналъ это ты, которому съ пріятностію даю отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Лучшее же сказать, я увѣренъ, что ты знаешь, и увѣришь незнающихъ. Но васъ прошу употребить все тщаніе, чтобы теперь по крайней мѣрѣ, если не прежде, пришли въ согласіе и единство части вселенной, ко вреду раздѣлившіяся, особливо, если узнаете, что раздоръ у нихъ не за слово вѣры, а за частныя мелочныя притязанія, какъ замѣтилъ я. И для васъ не безъ награды останется успѣхъ въ этомъ; и мое удаленіе будетъ болѣе безпечно, если окажется, что не напрасно возлюбилъ оное, но добровольно самъ себя винулъ въ море, какъ Іона, чтобы прекратилась буря, и безопасно спаслись пловцы. Если же они тѣмъ не менѣе обуреваются; то, по крайней мѣрѣ, мое дѣло сдѣлано.

88. КЪ ТИМОФЕЮ (187).

О себѣ говоря, что дѣло его уже кончено, просить Тимофея подвизаться за Троицу.

Всегда я—прекрасный ловецъ прекрасныхъ людей (отважусь нѣсколько сказать это); вотъ и твою скрывавшуюся ученость, которая въ томъ и поставляла любоумдіе, чтобы оставаться въ тайнѣ, и открылъ я своими наводящими на слѣдъ разсужденіями, и сдѣлалъ извѣстною

для другихъ; а если сказать по нашему, тотъ свѣтъ, который стоялъ подѣ спудомъ, поставивъ на свѣщникѣ, сдѣлалъ общимъ для всѣхъ. Ибо не стану говорить о другихъ твоихъ совершенствахъ,—объ учености, о благочестіи, о кротости и умѣренности нрава, что все имѣть одному очень трудно. Но каковъ вотъ и настоящій твой поступокъ ! И помнишь меня, и угощаешь письмами, и присовокупляешь похвалы, не съ тѣмъ, чтобы похвалить (понимаю твоё любомудріе), но чтобы сдѣлать меня лучшимъ и двинуть впередъ, пристыдивъ тѣмъ, что оказываюсь не такимъ, какимъ ты предполагаешь. Но мое дѣло кончено; уступилъ я зависти; въ безмолвіи любомудрствую о Богѣ, на единѣ возношу молитвы, избавился отъ мірскихъ волненій и мятежей. А ты мужайся, крѣпись и по мѣрѣ силъ подвизайся за Троицу, и будь кроткимъ воителемъ, какъ, видѣлъ ты, поступалъ и я; ибо мнѣ не желательно, чтобы обезьяны были въ славѣ, а львы покоились. Молись и о мнѣ, который весьма изнемогаю, чтобы сподобиться мирнаго исхода; ибо къ этому уже клонюсь.

89. КЪ ИРАКЛІАНУ (156).

Просить Иракліана писать къ нему.

Ты всегда у меня въ памяти, прекрасный Иракліанъ, и сказывающій и выслушивающій какой нибудь урокъ; въ памяти у меня и градъ Константиновъ, ради тебя прекрасный, хотя для меня и кратковременный, потому что захотѣла такъ зависть. А если и Григорій у тебя

въ памяти ; то это для обоихъ насъ лучше. Покажи же это въ своихъ письмахъ, какія будешь писать ко мнѣ ; это одно и возможно для насъ.

90. КЪ ЕПИСКОПУ ТЕОДОРУ (222).

Изъявляетъ свое вынужденное обстоятельствами согласіе принять на себя до времени правленіе Церковію въ Назіанзѣ.

Кто раба Своего Давида отъ паствы возвелъ на царство, а твое благоговѣніе изъ стада на паству, Кто по волѣ Своей устрояетъ дѣла наши и дѣла всѣхъ надѣющихся на Него, Тотъ Самъ и теперь наставитъ на мысль твое совершенство, узнать, какимъ безчестіемъ обезчестили меня государи Епископы, при подачѣ голо-совъ согласившись на мое возведеніе, и потомъ отри-нувъ меня. Не буду винить твоего благоговѣнія; потому что не давно приступилъ ты къ дѣламъ, и не знаешь, какъ и естественно, большей части моей исторіи. По-этому о семъ достаточно. Не хочу долѣе беспокоить те-бя, чтобъ не показаться несноснымъ при самомъ началѣ дружбы. Но что можно ; при помощи Божіей, по твоему желанію, довожу до твоего свѣдѣнія. Оставилъ я Назі-анзскую Церковь не по забвенію о Богѣ, не изъ презрѣ-нія къ малому стаду ; этого не допустила бы любому-дренная душа моя: но, во-первыхъ, сдѣлавъ сіе потому, что никакимъ опредѣленіемъ не былъ удерживаемъ, во-вторыхъ, потому, что сокрушенъ былъ болѣзнію, и ду-малъ о себѣ, что не достанетъ силъ моихъ для понесе-нія такихъ заботъ. Поелику и вы изъявляли свое недо-

вольствіе , порицаа мое удаленіе , и самъ я не могъ перенести упрековъ , какіе дѣлалъ мнѣ всякой, время было тяжелое, угрожало намъ нашествіемъ враговъ къ общему вреду всей Церкви : то наконецъ побѣжденъ я, и сознаю надъ собою побѣду, болѣзненную для тѣла, но не худую, можетъ быть, для души. Отдаю Церкви это смиренное тѣло, пока будетъ оно въ силахъ, признавая для себя лучшимъ скорѣе потерпѣть что нибудь во плоти, нежели страдать духомъ и приводить въ страданіе многихъ, которые возымѣли о мнѣ худое мнѣніе, потому что сами страдаютъ. Итакъ зная это, молись о мнѣ, согласиись на мою мысль, а не хуже, можетъ быть, сказать, отпечатлѣвай въ себѣ благоговѣніе.

91. КЪ ЕВЛАЛІЮ (102).

О изложеніи на себя обѣта молчанія въ святую Четыредесятницу (382 г.).

Твое любомудріе—пустыня и такой безмѣрный постъ, а мое—молчаніе. Подѣлимся между собою дорованіемъ. А когда прійдемъ въ единство , воспоемъ вкупѣ Богу, плодонося какъ разумное молчаніе, такъ и богодухновенное слово.

92. КЪ КЕЛЕВСКО АРХОНТУ (1).

Предъ симъ назіанзскимъ градоначальникомъ оправдываетъ себя въ томъ, что принялъ его молча; и по сему случаю пересказываетъ басню о ласточкахъ и лебедяхъ.

Зрѣи Поелику ты, добрый и вѣжливый, обвиняешь меня въ молчаніи и неучтивости; то изволь сложу для тебя не совсѣмъ нескладную басню. Не отучу ли ею и тебя отъ говорливости? Ласточки смѣялись надъ лебедями за то, что они не хотятъ жить съ людьми и показывать другимъ своего искусства въ пѣніи, но проводятъ жизнь на лугахъ и рѣкахъ, любятъ уединеніе, и хотя изрѣдка попѣваютъ, однако же, что ни поютъ, поютъ сами про себя, какъ будто стыдятся своего пѣнія. «А мы,—говорили ласточки,—любимъ города, людей, терема; болтаемъ съ людьми, пересказываемъ имъ о себѣ то и другое, что было въ старину въ Атикѣ, о Пандіонѣ, объ Аѳинахъ, о Тирѣ, о Фракіи, объ отъѣздѣ, свадьбѣ, поруганіи, урѣзаніи языка, письменахъ, а сверхъ всего объ Итисѣ, и о томъ, какъ изъ людей стали мы птицами». Лебеди, не любя говорить, долго не удостоивали ихъ и слова; когда же соблаговолили дать отвѣтъ, сказали: «А мы разсуждаемъ, что иной прійдетъ для насъ и въ пустыню послушать пѣнія, когда предоставляемъ крылья свои зефиру для сладкихъ и благозвучныхъ вдохновеній. Потому поемъ не много и не при многихъ. Но то и составляетъ у насъ совершенство, что пѣсни свои выводимъ мѣрно, и не сливаемъ пѣнія своего съ какимъ нибудь шумомъ. А вы въ тягость людямъ, у кого поселитесь въ домѣ; они отворачиваются, когда вы поете; да и справедливо посту-

нають, когда не можете молчать, хотя отрѣзанъ у васъ языкъ, но сами, жалуясь на свое безголосье и на такую потерю, говорливѣ всякой другой рѣчистой и пѣвчей птицы». Пойми, что говорю, говоритъ Пиндаръ, и если найдешь, что мое безголосье лучше твоего красноглаголанія, то перестань осыпать упреками мою молчаливость. Или скажу тебѣ пословицу столько же справедливую, сколько и краткую :—тогда запють лебеди, когда замолчать галки. —

Зрч

93. КЪ НЕМУ ЖЕ (74).

Обличаетъ его въ нарушеніи поста дозволеніемъ неприличныхъ зрѣлищъ.

Я принялъ тебя молча, чтобы ты разумѣлъ и слово молчанія, которое говоритъ посредствомъ пера. Буду же говорить, что прилично дружбѣ и настоящимъ обстоятельствамъ. Ты судія, а нарушаешь законъ, не сохраняя поста. И какъ будешь охранять человѣческіе законы, пренебрегая закономъ Божиимъ? Очисти свое судилище, чтобы не случилось одного изъ двухъ, т. е. тебѣ или дѣйствительно не стать худымъ, или не заставить думать о себѣ худо. Предлагать срамныя зрѣлища значить себя самого выставлять на позоръ. Главное правило : знай, судія, что самъ будешь судимъ ; и меньше согрѣшишь. Ничего не могу предложить тебѣ лучше этого.

Зрч

94. КЪ НЕМУ ЖЕ (75).

Выговариваетъ за перетолкованіе словъ Апостола Павла объ ядущихъ и не ядущихъ.

Не суди меня, соблюдающаго молчаніе, какъ и я не сужу тебя, говорящаго о томъ, что Павелъ законоположилъ о пищѣ (Рим. 14, 3.). Если же судишь ; то бойся, чтобъ языкъ мой въ первый разъ не подвигся противу тебя, если найдетъ тебя достойнымъ молчанія.

95. КЪ КЛИДОНІЮ (96).

Объясняетъ цѣль возложеннаго имъ на себя молчанія.

Спрашиваешь : чего требуетъ мое молчаніе ? Требуется мѣры въ словѣ и въ молчаніи ; потому что превозмогшій въ цѣломъ удобно превозможетъ и въ части ; а сверхъ того укротить и раздражительность, которая не высказываетъ себя, но сама въ себѣ поглощается.

96. КЪ НЕМУ ЖЕ (98).

Показываетъ выгоды для себя отъ молчанія.

Умолкну словомъ, учась говорить нужное, и буду упражняться въ преодоленіи страстей. Если кто принимаетъ это, прекрасно ; а если нѣтъ, то молчаніе и тѣмъ для меня выгодно, что не отвѣчаю другимъ.

97. КЪ НЕМУ ЖЕ (97).

Дозволяетъ прійти къ нему во время молчанія.

Не препятствую свиданію. Хотя языкъ и молчитъ, но уши готовы съ пріятностію слушать; потому что слышать, что надобно, такъ же дорого, какъ и говорить нужное. — Зрн

98. КЪ ПАЛЛАДИЮ (230).

О своемъ обѣтѣ молчанія.

Со Христомъ умертвилъ я языкъ, когда постился; и разрѣшилъ вмѣстѣ съ Воскресшимъ. Такова тайна моего молчанія, чтобы, какъ приносилъ въ жертву сокровенный умъ, такъ принести и очищенное слово.

99. КЪ НЕМУ ЖЕ (231).

О томъ же.

Новый способъ наставленія! Поелику, говоря, не удерживалъ я языка; то молчаніемъ научилъ его молчанію, подобнымъ наставляя въ подобномъ. Таковъ и Христовъ законъ! Поелику Христосъ, изрекая намъ законъ, не очистилъ насъ; то человѣческому закону подчиняется че-

ловѣка. Сынъ Евфимій еще не прибылъ къ Великой седмицѣ, но надѣется, и думаю, что не будетъ стоять многихъ трудовъ, когда явится.

100. КЪ ЕПИФАНІО (104).

Укоряеть за непочтительное принятіе его совѣтовъ.

Отъ одного закона переносу дѣло къ другому закону,—отъ закона, повелѣвающаго учить дѣтей, къ закону, повелѣвающему почитать отца. Теперь веду тебя къ совершеннѣйшему, прійми письмо, какъ десницу дружбы. А если станешь нападать, и вздумаешь повторять это часто; то и старика сдѣлаешь воетелемъ, не уступающимъ въ храбрости Нестору.

101. КЪ ЕВЛАШО (101).

Объ окончаніи своего обѣта молчанія.

^{3 рн} *Время всякой вещи, говорить Екклесіастъ (Еккл. 3, 1.). Поэтому полагалъ я храненіе устамъ моимъ, когда было время; и се устнамъ моимъ не возбраню (Псал. 39, 10.), когда и сему настало время. Молчахъ, говорить Писаніе, еда и всегда умолчу (Исаи 42, 14.)? Молчалъ я самъ для себя, а говорить буду другимъ; если же и они скажутъ, что надобно,—все благодареніе Богу! А если нѣтъ, заградимъ уши. —*

102. КЪ НЕМУ ЖЕ (100).

По отъздѣ въ Ламиса, гдѣ исполненъ обѣтъ молчанія, желаетъ
бесѣдовать съ Евлагіемъ чрезъ письма.

Странное что-то случилось со мною : молчавъ въ тво-
емъ присутствіи, желаю говорить съ отсутствующимъ ,
чтобы и тебѣ передать слово, и отъ тебя воспользоваться
словомъ. Ибо прекрасно—начатки какъ всего иного, такъ
и слова, посвящать сперва Слову , а потомъ боящимся
Господа.

103. КЪ НЕМУ ЖЕ (99).

Объщается опять быть въ Ламисѣ.

И мѣстомъ молчанія , и училищемъ любомудрія быть
для меня Ламисъ ; какъ смотрѣлъ я на него во время
молчанія, такъ желаю видѣть, начавъ говорить, чтобы и
желаніе братіи исполнить, и наказать за привязчивость
вашъ, худые толковники моихъ словъ. Ибо прійду къ
вамъ самъ, который говорю , прійду не иносказуемый,
не гадаемый, но чисто понимаемый.

104. КЪ НЕМУ ЖЕ (232).

О дѣвѣ Алипіанѣ, которая, при допросѣ, показала св. Григорию и горячность и старческую разсудительность въ своемъ желаніи хранить дѣвство.

Всего сильнѣе истина, какъ думаетъ Ездра (2 Ездр. 3, 12.), и какъ думаю я. Ибо дѣва Алипіана, когда со всею строгостію потребовали мы у ней слова о собственномъ ея образѣ мыслей, какъ приказалъ ты, осмѣлилась сказать чистую истину, признаваясь въ намѣреніи хранить дѣвство, и держась этого намѣренія горячѣе, правда, нежели какъ мы ожидали, однако же съ большею твердостію, нежели горячностью, даже скажу, не съ дѣвическою ревностію, но съ старческою отчетливостію. И строгость моего вопроса, по своему послѣдствію, оказалась полезною; потому что она всего лучше обнаружила твердость расположенія. Узнавъ о семъ, помолись о сей дѣвѣ и воспринятое ею начало спасенія воздѣлай во славу Божию и къ славѣ какъ моей, такъ и всего чина благоговѣющихъ.

105. КЪ ЕМЛАДИЮ, ЕПИСКОПУ КЕСАРІЙСКОМУ
(53).

Благодарить за письма и за присланные символы праздника; также просить молитвъ его о себѣ.

Радъ ли я твоему письму? Какъ было не обрадоваться, когда помнишь ты и объ умершихъ? А еще большая

благодарность за приложенные символы праздника. Но къ тому, что даешь, присовокупи и то, о чемъ просишь. Помолись же о мнѣ, чтобы, если это полезно, опять получить мнѣ напоминовение и самому вспомнить праздникъ, а если не полезно, переселиться туда, и сръбтить, или увидѣть, истинный праздникъ тамъ, гдѣ *веселящихся всѣхъ жилище* (Псал. 86, 7.); потому что превратностями этой жизни я уже пресыщенъ.

106. КЪ НЕМУ ЖЕ (54).

Благодарить за поздравленіе съ праздникомъ Пасхи, и просить дать Епископа Назіанзской Церкви.

Научившись видѣть ожидаемое издали (воспользуюсь твоимъ началомъ), мы увеселяемся уже и настоящимъ. Ибо святой день Пасхи, который мы сръбтили, сколько знаю, есть тайноводство къ тамошнимъ благамъ, какъ одинъ изъ преходящихъ праздниковъ. И ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ объ этомъ и своею посылкою, и своимъ письмомъ. А я пережилъ уже многія Пасхи: и это одно изъ приобрѣтеній долговременной моей жизни. Но теперь, исшедши изъ этого Египта—изъ этой многотрудной и примрачной жизни, и освободившись отъ брѣны и плинеодѣланія, къ которому мы привязаны, я еще желаю переселиться въ землю обѣтованія. Помолись, чтобы мнѣ сподобиться сего, если заботишься о томъ, чтобъ оказать мнѣ наибольшее благодѣяніе. А тебѣ, при долголѣтней жизни, да даруетъ Господь многократно праздновать со всею Церковію! Если же дадите вы мнѣ

спокойно окончить старость, давь этой Церкви Епископа, кого укажетъ Духъ Святый ; то сдѣлаете дѣлю доброе, и, скажу такъ, достойны будете отеческихъ благословеній.

107. КЪ ПРОКОПИО (55).

На приглашеніе Императора Θεодосіа, сдѣланное чрезъ Прокопія, присутствовать на Соборъ въ Константинополь, даетъ рѣшительный отказъ.

Если должно писать правду ; то моя мысль — уклоняться отъ всякаго собранія Епископовъ ; потому что не видалъ еще я ни одного собранія, которое бы имѣло во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ , и болѣе избавляло отъ золъ, нежели увеличивало ихъ. Любопытность и любоначаліе (не почти меня невѣжливымъ , что пишу такъ) выше всякаго описанія ; и кто судить чужой пороку, скорѣе самъ подпадетъ обвиненію, нежели положить конецъ пороку. Поэтому заключился я самъ въ себѣ, и безмолвіе призналъ единственною безопасностію для души. А теперь побуждаетъ меня къ такому рѣшенію и болѣзнь, отъ которой всегда я почти при последнемъ издыханіи, и ни на что не могу употребить себя. Поэтому да извинитъ меня твой высокій умъ, а чрезъ тебя да убѣдится и благочестивѣйшій Царь, не осуждать моей лѣности, но извинить немощь, по которой и дозволилъ онъ мнѣ удалиться, чего просилъ я себѣ, какъ благодѣянія.

108. КЪ НЕМУ ЖЕ (56).

На вопросъ о своемъ положеніи отвѣчаетъ словами аѳинскихъ пословъ, возвратившихся изъ Лакедемона.

Срашиваешь : каковы дѣла мои ? Отвѣчу тебѣ, рассказавъ одну исторію. Говорятъ, что Аѳиняне, когда притѣсняли ихъ тиранны, отправили посольство къ Лакедемонянамъ ; а цѣлю посольства было возбудить тамъ къ себѣ нѣкоторое человеколюбіе. Потомъ, когда послы возвратились, и нѣкто спросилъ : каковы къ намъ Лакедемоняне?—они отвѣчали: « какъ къ рабамъ весьма милостивы, а какъ передъ свободными — весьма надменны ». Это и я долженъ написать. Со мною обходятся человеколюбивѣе, нежели какъ съ людьми отверженными, но презрительнѣе, нежели какъ съ людьми, готовящимися предстать предъ Бога. Болѣзнь еще мучить меня ; а друзья не перестаютъ мнѣ дѣлать зло и, сколько можно, вредить. Но молись, чтобы Богъ былъ ко мнѣ милостивъ, и далъ одно изъ двухъ,—или вовсе избѣгнуть бѣдствій, или переносить ихъ терпѣливо. И это уже довольно уменьшаетъ несчастье.

109. КЪ НЕМУ ЖЕ (157).

Просить покровительства Анеиму, который разстроилъ свое здоровье, участвовавъ въ одномъ знаменитомъ военномъ дѣлѣ.

Привѣтствую издали тебя, который замѣняешь мнѣ всѣхъ, и выше для меня всѣхъ. И лично удостоивалъ

ты меня великаго своего благоволенія, и заочно, какъ знаю, удостоиваешь того же. А за великое да будетъ воздана великая награда и подателю сего письма, сыну моему Анѣиму. Какая же это награда? Пользоваться твоимъ покровительствомъ во всемъ, что ему нужно. Просьбы моей придають особенную силу какъ самый этотъ человѣкъ, участвовавшій въ знаменитомъ военномъ дѣлѣ, и, можетъ быть, извѣстный людямъ важнымъ, такъ и бѣдствіе, разстроившее его тѣлесный составъ, которое ясно говоритъ само о себѣ, и сколько тяжело было бы для всякаго, столько, какъ и естественно, тягостнѣе для него, потерпѣвшаго это не по заслугамъ своимъ. Присовокупленное же къ этому и мое прошеніе, какъ увѣренъ я, еще болѣе поможетъ успѣху въ томъ, чего домогаемся.

110. КЪ ОЛИМПІУ (76).

Привѣтствуетъ его со вступленіемъ въ управленіе второю Каппадокією, и проситъ написать въ Константинополь о дѣйствительности его болѣзни.

Это для меня тягостнѣе болѣзни: мнѣ не вѣрятъ, будто я боленъ, но предписываютъ такое дальнее путешествіе, и принуждаютъ вринуться въ средину мятежей, отъ которыхъ люблю удалиться, едва не принося за сіе благодаренія и тѣлесному разстройству. Ибо беззаботное безмолвіе предпочтительнѣе знаменитости людей должностныхъ. О семъ писалъ я и прежде къ досточудному Икарію, получивъ то же приказаніе. А теперь написать за меня да соблаговолитъ и твое великодушіе; потому что

имѣю въ тебѣ достовѣрнаго свидѣтеля моей болѣзни. Тебѣ же удостовѣряетъ въ ней самая потеря, которую несешь теперь, будучи не въ состояніи прійти и насладиться лицезрѣніемъ такого начальника, столь удивительнаго своими добродѣтелями, что и самое вступленіе твое въ начальствованіе досточестіе славы, какую приобрѣтають другіе во все время своего служенія.

111. КЪ НЕМУ ЖЕ (174).

Поручаетъ его челоѣколюбію вдову Филумену.

Другія милости, какихъ ты удостоивалъ, сколько знаю, получалъ я отъ твоего снисхожденія; и за нихъ да вознаградить тебя Богъ Своими благами,—а въ числѣ сихъ благъ и то, чтобы, начальствованіе твое совершилось съ похвалами и славою для тебя. Но милость, о которой прошу теперь, такова, что (если не высокомерно будетъ сказать сіе) намѣренъ болѣе оказать ее тебѣ, нежели получить отъ тебя. Представляю къ тебѣ отъ себя несчастную Филумену, чтобы припала она къ твоему правосудію, и при твоёмъ посредствѣ осушила слезы, которыми сокрушаетъ мою душу. Какія и отъ кого терпитъ она обиды, объяснить это сама; потому что для меня не безопасно обвинять, кого бы то ни было. Самому же мнѣ необходимо сказать одно то, что вдовство и сиротство имѣютъ право на помощь, какъ вообще всякаго благоразумнаго челоѣка, такъ особенно имѣющаго у себя жену и дѣтей—этотъ великій залогъ милосердія;

Ч. VI.

14

потому что изрекаемъ судъ людямъ, будучи и сами такіе же люди. Извини меня, что прошу о семъ письмомъ; болѣзнь лишаетъ меня возможности видѣть правителя, столько благосклоннаго и удивительнаго по своимъ доблестямъ, что и начало твоего правленія досточестіе, нежели у иныхъ слава, пріобрѣтенная къ концу правленія.

112. КЪ НЕМУ ЖЕ (77).

Проситъ принять свои мѣры противъ Аполлинаристовъ, которые поставили въ Назіанзъ своего епископа, когда св. Григорій лечился на ксансаридскихъ теплыхъ водахъ.

И сѣдина иному учится, и старость—не всегда, видно, достовѣрное свидѣтельство о благоразуміи. Особливо зная мысли и нечестіе всѣхъ Аполлинаристовъ, и видя ихъ несносное высокоуміе, думалъ я, что своимъ великодушіемъ сдѣлаю ихъ кроткими и смягчу по немногу, что, по видимому, и обѣщали они моимъ надеждамъ. Но незамѣтнымъ образомъ, какъ оказалось, сдѣлалъ я ихъ еще худшими, и неблаговременнымъ любомудріемъ нанесъ вредъ Церкви; ибо кротость не приводитъ въ стыдъ людей негодныхъ. И теперь, если бѣ самому мнѣ лично было можно доказать это; будь увѣренъ, что, и сверхъ силъ поднявшись, не облѣнился бы я припасть къ твоей честности. Но поелику болѣзнь завела меня далеко, и, по совѣту врачей, нужно стало пользоваться ксансаридскими теплыми водами; то замѣняю себя письмомъ. Эти злые и во злѣ погибшіе люди, сверхъ всего прочаго,

призвавъ, или (не могу сказать эт оговъ точности) употребивъ въ дѣло проѣзжавшихъ епископовъ, которые низложены на Вселенскомъ Восточномъ и Западномъ Соборѣ, и воспротивясь всѣмъ царскимъ постановленіямъ и вашимъ приказамъ, возложили имя епископа на одного человѣка между ними нечестиваго и подозрительнаго, ничѣмъ, какъ думаю, столько не обнадеживаемые, сколько (надобно сказать это) моею мертвостію. Если это сносно; да перенесетъ твоя твердость, перенесу и я, какъ и переносилъ не однократно. А если тяжело и нестерпимо для самихъ благочестивѣйшихъ царей; соблаговоли наказать за то, что ими сдѣлано, хотя и не такъ строго, какъ заслуживало бы ихъ высокоуміе.

113. КЪ НЕМУ ЖЕ (176 и 211).

О разводѣ съ мужемъ дочери Виріана.

Не вездѣ похвальна поспѣшность. Потому и медлилъ я доселѣ отвѣтомъ о дочери почтеннѣйшаго Виріана, предоставляя и времени сколько нибудь поправить иное, а вмѣстѣ, изъ того, что развѣданіе дѣла поручилъ ты мнѣ, о которомъ знаешь, какъ я не скорѣ и осмотрителенъ въ подобныхъ случаяхъ, догадываясь, что и доброта твоя не одобряетъ этого развода. Поэтому удерживался я доселѣ, и думаю, не безъ основанія. Поелику же обстоятельства дошли до крайности, и необходимо сдѣлать извѣстнымъ, что оказалось по изслѣдованію, и что мною дознано; то извѣщаю, что дочь,

по видимому, колеблется между той и другой стороною, дѣлится между уваженіемъ къ родителямъ и привычкою къ мужу, на словахъ за одно съ родителями, а сердцемъ, не знаю, едва ли не на сторонѣ мужа, какъ показываютъ это слезы. Ты, конечно, поступишь, какъ разсудится твоему правосудію, и какъ угодно будетъ Богу, Который тобою во всемъ управляетъ. Я съ своей стороны съ большимъ удовольствіемъ далъ бы совѣтъ сыну Виріану оставить безъ вниманія многое, только бы не былъ утвержденъ разводъ, который совершенно противенъ нашимъ законамъ, хотя римскіе законы и опредѣляютъ иначе. Ибо необходимо соблюсти справедливость, которую и на словахъ и на дѣлѣ желаю тебѣ всегда сохранять.

114. КЪ ВИРІАНУ (181).

О томъ же.

Исполнители казни не злое дѣлаютъ дѣло; потому что служатъ законамъ; не беззаконенъ и мечъ, которымъ казимъ злыхъ. Но впрочемъ не хвалятъ исполнителя казни, и не съ пріятностію встрѣчаютъ убійственный мечъ. Такъ и я не хочу сдѣлаться ненавистнымъ, своею рукою и своимъ словомъ утвердивъ разводъ; потому что лучше быть посредникомъ соединенія и дружбы, нежели раздора и разрыва житейскихъ узъ. Эту же, кажется мнѣ, имѣя мысль, и достойный удивленія градоправитель поручилъ мнѣ сдѣлать допросъ твоей дочери; потому что неспособенъ я къ расторженію брака присту-

пить по всей строгости и безъ сердечнаго участія ; и конечно, не какъ слѣдователя, но какъ Епископа ; назначилъ онъ меня на это, и сдѣлать посредникомъ въ томъ, что произошло между вами. Поэтому прошу предоставить дѣло мнѣ служителю вашей воли, — и хотя радъ я, что имѣю подобное порученіе, однако же, если поручите мнѣ что худшее и болѣе непріятное, до чего я никогда не касался и теперь не коснусь, то ищите кого другаго болѣе къ сему способнаго. А у меня (хотя знаю, что вы по всему для меня весьма дороги) нѣтъ смѣлости, въ угожденіе вашей дружбѣ, оскорбить Бога, Которому даю отчетъ во всякомъ движеніи и помышленіи. Дочери же твоей (сказать правду) повѣрю тогда, когда, переставъ стыдиться васъ, въ состояніи она будетъ говорить правду ; потому что теперь она въ жалкомъ положеніи, и вамъ удѣляетъ слова, а мужу — слезы.

115. КЪ ОЛИМПИО (49).

Испрашиваетъ пощаду городу Діокесарію, въ которомъ произошло возмущеніе.

Еще случай къ челоуѣколюбію, и опять смѣло ввѣряю письму мою просьбу о дѣлѣ такъ важномъ. Ибо смѣлымъ дѣлаетъ меня болѣзнь, которая не позволяетъ мнѣ выйти, и не даетъ возможности явиться къ тебѣ въ приличномъ видѣ. Какая же просьба? Прійми ее отъ меня въ этотъ день челоуѣколюбиво. Горестна (да и какъ не быть горестною?) смерть одного челоуѣка, который нынѣ съ

нами , а завтра не будетъ и не возвратится къ намъ. Но гораздо ужаснѣ умереть цѣлому городу, который основанъ царемъ , обстроенъ временемъ и сохраненъ рядомъ многихъ лѣтъ. У меня слово о Діокесаріи , доселѣ городъ , а теперь уже не городъ, если не будетъ твоего кроткаго мановенія. Представь , что онъ въ лицѣ моемъ припадаетъ къ стопамъ твоимъ. Пусть же возвыситъ глосъ , облечется въ печальныя одежды, острижетъ себѣ волосы, какъ бы лицедѣйствуя на зрѣлищѣ, и произнесетъ тебѣ слѣдующія слова : « Дай руку мнѣ, поверженному долу, помощи немощному , не нападай на меня вмѣстѣ съ временемъ, не разорй оставшагося послѣ Персовъ : приличнѣ для тебя созидать города , а не разрушать уже готовые къ разрушенію. Сдѣлайся градоздателемъ , или присовокупивъ нѣчто къ тому, что въ немъ есть , или сохранивъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Не допусти, чтобы до твоего правленія существовалъ городъ , а послѣ тебя уже его не стало ; не оставь времени худаго сказанія, что, принимая тебя правителемъ, былъ я въ числѣ городовъ , а послѣ тебя на мѣстѣ города осталась необитаемая страна, признаваемая по однѣмъ горамъ, стремнинамъ и развалинамъ». Вотъ что пусть сдѣлаетъ и скажетъ твоему челоуѣколюбію олицетворенный мною городъ. А отъ меня, какъ отъ друга, прійми совѣтъ. Положимъ, что хочется тебѣ наказать преступившихъ . повелѣніе твоей власти ; противъ этого ничего не смѣю сказать , хотя , какъ говорятъ , эта дерзость—не съ общаго умысла, а только—безразсудный порывъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей. Впрочемъ отложи большую часть гнѣва, употреби больше разсужденія. Они скорбѣли о погибающей матери , не могли перенести того , чтобы называться гражданами, и не имѣтъ у себя города , пришли въ сильное волненіе ,

поступили незаконно, отчаялись въ своемъ спасеніи; необычайность горя довела ихъ до безумія. Ужели же за это городу не надобно быть городомъ? Нѣтъ! чудный мужъ, не пиши такого опредѣленія. Уважь просьбы всѣхъ гражданъ, всѣхъ служащихъ въ городѣ и высшихъ чиновниковъ; подумай, что всѣхъ равно касается это бѣдствіе, и если безмолвствуютъ иные предъ твоимъ величіемъ, то стенаютъ во глубинѣ сердца. Уважь и мою сѣдину; для меня горько, если, имѣя доселѣ великій городъ, съ этого времени не буду имѣть никакого города, и сооруженный мною Божій храмъ, со всѣмъ его благолѣпіемъ, послѣ твоего начальствованія, обратится въ жилище звѣрей. Не то горько, что нѣсколько статуй будетъ сокрушено, хотя и это въ другихъ случаяхъ бываетъ прискорбно; и не думай, чтобы стали говорить о семъ мы, у которыхъ попеченіе о лучшемъ. Но горько то, что съ ними низложится цѣлый городъ, произведшій нѣчто знаменитое, низложится, когда живы и видимъ это мы, которые почтены тобою, и думаемъ о себѣ, что имѣемъ у тебя нѣкоторую силу. Но заключу объ этомъ слово; потому что, если скажу и больше, ничего не найду тверже твоего разсудка, которымъ управляется столько народа, и да управляется еще и еще полновластіе на высшихъ степеняхъ начальства. Но и то необходимо знать великому уму твоему о припадающихъ къ тебѣ, что это люди совершенно жалкіе, покинутые и не участвовавшіе съ преступниками ни въ какомъ безпорядкѣ, какъ увѣряютъ насъ многіе изъ самовидцевъ. Дай въ этомъ дѣлѣ такое опредѣленіе, какое можешь признать полезнымъ и для здѣшней славы и для тамошнихъ надеждъ. А мы все, что ни прійдетъ тебѣ на мысль, хотя не безъ печали перенесемъ, однако же перенесемъ. Ибо что иное и

можемъ мы сдѣлать? А если превозможеть у тебя худшее; то однимъ будемъ огорчены, и прольемъ слезу надъ бывшимъ прежде городомъ.

116. КЪ НЕМУ ЖЕ (172).

Извиняется, что по болѣзни не можетъ съ нимъ видѣться, и проситъ уважить его ходатайство за гражданъ назіанзскихъ.

И желаніе видѣться съ тобою горячо, и нужда просителей велика, но болѣзнь непреодолима; поэтому осмѣлился я въ письмѣ изложить эту просьбу. Уважь мою сѣдину, которую ты (что и прекрасно) уважалъ уже, и даже не рѣдко; уважь и этотъ недугъ, который частію (если уже надобно похвалиться) произвели и труды, подъятыя ради Бога; и потому пощади гражданъ, обращающихъ взоръ на меня, какъ на человѣка, который смѣло можетъ говорить съ тобою; пощади и другихъ, находящихся на моемъ попеченіи. Ибо отъ челоуѣколюбія не будетъ никакого вреда; ты больше умѣешь сдѣлать страхомъ, нежели другіе успѣвають — наказаніями. А тебѣ въ замѣнъ всего желаю имѣть такого же Судію, какимъ самъ будешь къ просителямъ и ко мнѣ, ходатайствующему за нихъ.

117. КЪ НЕМУ ЖЕ (78).

Хвалить его безкорыстіе, нелицепріятіе и милосердіе, и ходатайствовать за воина Аврелія.

Опять пишу, когда надлежало бы прійдти самому. Но эта смѣлость у меня отъ тебя, который рѣшаешь частные споры (что первое, то и скажу прежде) и направляешь къ лучшему дѣла общественныя: а то и другое дѣлаешь божественно, въ награду за благочестіе получивъ то, что все у тебя идетъ по твоему желанію, и тебѣ одному доступно недоступное для другихъ; потому что съ тобою соправительствуютъ мудрость и мужество, и одна изобрѣтаетъ, что должно дѣлать, а другое легко приводитъ въ исполненіе, что изобрѣтено, важнѣе же всего чистота руки, которою все приводится въ порядокъ. Гдѣ у тебя несправедное золото? Его никогда не было; оно прежде всего осуждено на изгнаніе, какъ низкій мучитель. Гдѣ вражда? Также осуждена. Гдѣ милость? Здѣсь преклоняешься нѣсколько (обвиню тебя въ этомъ не много), но преклоняешься, подражая Божію человеколюбію, какого и теперь просить у тебя чрезъ меня одинъ изъ твоихъ воиновъ Аврелій, котораго называю не разумнымъ бѣглецомъ, но благоразумнымъ просителемъ; потому что отдалъ себя на мои руки, а чрезъ мои и на твои. Какъ на нѣкій царскій образъ, указывая тебѣ на мою сѣдину и на мое священство, которое, по неоднократному признанію, ты уважаешь, вотъ приводитъ его къ тебѣ эта приносящая жертву и безкровная рука, восписавшая тебѣ много похвалъ, и, сколько знаю, еще

больше готовая восписать , если Богъ продлитъ у насъ начальствованіе, разумію твое и сотрудника твоего въ правосудіи.

118. КЪ НЕМУ ЖЕ (173).

Ходатайствуетъ за Павла.

Время коротко ; предметъ пренія важенъ , а болѣзнь тяжела , сдѣлала меня почти недвижимымъ. Чтò же остается , какъ не просить Бога и не умолять твое человеколюбіе ? — просить Бога, чтобъ вложилъ тебѣ въ умъ болѣе благія мысли , — умолять твое человеколюбіе , чтобы не отринуло безъ жалости моей просьбы , но съ кротостію приняло несчастнаго Павла , котораго правосудіе передало въ твои руки , можетъ быть , для того , чтобы и тебя еще болѣе прославить величіемъ кротости, и мои молитвы , если онѣ что нибудь значать , привлечъ на твое человеколюбіе.

119. КЪ НЕМУ ЖЕ (175).

Просить о снисхожденіи къ Леонтію, лишенному священства.

Испытать на себѣ многое, и испытать благодѣянія отъ другихъ — доставляетъ ли какую пользу людямъ ? Это научаетъ человеколюбію, и дѣлаетъ снисходительными къ

нуждающимся; потому что предварительно воспользоваться милостию есть лучший урокъ милосердія. Такъ случилось и со мною. Чтò испыталъ я въ жизни, то научило меня сострадательности; и видишь ли мое великодушіе? Самъ, по собственнымъ дѣламъ имѣя нужду въ твоей снисходительности, ходатайствую за другихъ, и не опасаюсь на чужія дѣла истощать твое человеколюбіе. Пишу же это о Леонтіи пресвитерѣ, или лучше сказать, бывшемъ нѣкогда пресвитеромъ. Если онъ потерпѣлъ уже все, чего стоили его дѣла; то остановимся на этомъ, чтобы излишество не сдѣлалось несправедливостию. А если и еще что нужно прибавить къ наказанію, и преступленія его требуютъ большаго униженія; то уступи это мнѣ, и Богу, и алтарю, и общему собору іереевъ, къ которому былъ онъ нѣкогда сопричисленъ, хотя теперь и оказалъ себя недостойнымъ какъ тѣмъ, что сдѣлалъ, такъ и тѣмъ, что претерпѣлъ. Если убѣдить я тебя, это прекрасно; а если нѣтъ, то представляю тебѣ, болѣе достойнымъ уваженія наставникомъ, соучастника твоего и въ правленіи и въ доброй славѣ.

120. КЪ НЕМУ ЖЕ (177).

Ходатайствуетъ за родственника своего Евстратіа.

Вотъ и другой предлогъ къ письму, на которое, если надобно сказать правду, самъ ты вызываешь оказываемою мнѣ почестью. Вотъ тебѣ и другой проситель, этотъ узникъ страха, родственникъ мой Евстратій, который со мною и чрезъ меня припадаетъ къ твоей бла-

гости. Онъ не въ силахъ оставаться на всегда упорнымъ противъ твоей власти, хотя справедливый страхъ вывелъ его изъ себя, и рѣшается припасть къ тебѣ не чрезъ другаго кого, а только чрезъ меня, чтобы твое человеколюбіе сдѣлать для себя болѣе достоуважаемымъ, употребля такого ходатая, котораго, если не другое что дѣлаетъ, то самъ ты дѣлаешь великимъ, такъ охотно принимая отъ него просьбы. Скажу однимъ словомъ и коротко: прежнія милости дѣлалъ ты для меня; эту же милость сдѣлаешь по собственному суду, такъ какъ однажды принялъ ты намѣреніе утѣшать мою старость и немощь такими почестями. Но присовокуплю, что чрезъ это пріобрѣтешь и Божіе къ себѣ благоволеніе.

121. КЪ НИКОВУЛУ (208).

Исполняетъ просьбу его собрать и прислать къ нему письма свои.

Осенью требуешь у луга цвѣтовъ; престарѣлаго Нестора заставляешь облекаться въ оружіе, требуя какой-го обработанности въ рѣчахъ отъ меня, который давно уже отложилъ желаніе отличій во всякомъ словѣ и въ жизни. Впрочемъ налагаешь ты на меня не Евристеевъ и не какой нибудь Иракловъ подвигъ, а напротивъ того весьма легкое и мнѣ посильное дѣло—собрать для тебя, сколько могу, моихъ писемъ. А потому заложилъ въ свои книги этотъ ремешекъ, не любовный, а ученый, и не столько служащій для указанія, сколько полезный и нашимъ свѣрѣямъ. Ибо какъ всякая вещь имѣетъ свой большій,

или меньшій отличительный признакъ , такъ и мои рѣчи, гдѣ только нужно , имѣють отличительнымъ свойствомъ назидательность въ мысляхъ и догматахъ ; и въ нихъ , какъ въ благородномъ порожденіи, всегда видѣнъ отецъ не меньше того , сколько въ тѣлесныхъ чертахъ дѣтей сохраняются черты родившихъ. Такъ я съ своей стороны сдѣлалъ свое ; а ты воздай мнѣ какъ самымъ писаніемъ, такъ и извлеченіемъ для себя пользы изъ написаннаго мною. Не могу ни просить, ни требовать иной награды, которая была бы лучше этой, полезнѣе для просящаго, и приличнѣе для награждающаго.

122. КЪ ТЕОДОРУ, ЕПИСКОПУ ТІАНСКОМУ (90).

Приглашаетъ его въ Аріанзъ для празднованія Мученикамъ и для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ.

И мнѣ, какъ больному, обязанъ ты оказать свои услуги, —потому что одна изъ заповѣдей—посѣщать больныхъ,—и святымъ Мученикамъ обязанъ также ежегоднымъ чествованіемъ , какое совершаемъ въ твоихъ Аріанзахъ въ двадцать второй день нашего мѣсяца Даеуса (а). При томъ же не мало церковныхъ дѣлъ , которыя требуютъ общаго разсмотрѣнія. По всѣмъ этимъ причинамъ соблюдо-

(а) По юліанскому календарю—29 сентября, какъ показываетъ рукопись, найденная въ началѣ прошлаго столѣтія въ Медицкой Библіотекѣ, подъ заглавіемъ: *Ἡμερολόγιον μηνὸς διαφόρου πύλων.*

воли, ни мало не замедливъ, быть у насъ. Хотя и трудъ великъ, однако же и награда равновѣсна.

123. КЪ НЕМУ ЖЕ (89).

Просить рассмотреть дѣло женщинъ, притѣсненныхъ человекомъ сильнымъ.

Что писано было къ твоему благоговѣнію господами честнѣйшими Епископами, то и отъ себя написать признавъ за нужное, прошу тебя: подай руку свою ближнимъ женщинамъ, и не попусти, чтобъ онѣ были притѣсняемы и гонимы могуществомъ человека, съ которымъ вступили въ дѣло, но помоги имъ, какъ должно. Если знаешь, что онѣ терпятъ; помоги ради того, за что терпятъ. А если не знаешь того, что онѣ терпятъ, помоги по той причинѣ, что не знатъ тебѣ сего и не вѣрить сему есть несправедливость. Если же кто думаетъ, что берусь не за свое дѣло, и касаюсь до тяжбы, ни мало ко мнѣ не относящейся; то пусть докажетъ сіе, и я успокоюсь. А теперь боюсь, что дѣло иначе, особенно же потому, что Христово и Христосъ не дѣлятся, и человеколюбіе не имѣетъ предѣловъ. Но если кто и допустилъ бы такое раздѣленіе; то знаю, что для двохъ, для твоего благоговѣнія и для меня, будетъ прискорбно, если справедливость въ этомъ дѣлѣ останется въ пренебреженіи; потому что подсудимые у обоихъ насъ подѣляемъ. И опасно, чтобы истина не была извращена правдоподобіемъ доводовъ. Посему разбери дѣло вмѣстѣ

со мною, даже предвари своимъ судомъ, и вступишь за мою немощь, чтобы мнѣ не дойти до необходимости, и при такомъ состояніи тѣла, съ большею ревностію вступить въ подвигъ за истину, при Божіей помощи и при помощи твоихъ молитвъ.

124. КЪ НЕМУ ЖЕ (88).

Убѣдительно просить избрать Епископа въ Назіанзъ, по причинѣ своей болѣзни и нападенія на Церковь Аполлинаристовъ.

Кстати мнѣ сказать словами Писанія: къ кому воззову я обиженный? кто простретъ руку мнѣ утѣсненному? На кого перейдетъ бремя Церкви, доведенной до такого худаго состоянія и разстройства? Свидѣтельствуюсь предъ Богомъ и предъ избранными Ангелами, что сія Божія паства несправедливо страдаетъ, оставаясь безъ Пастыря и безъ Епископа, по причинѣ моего омертвѣнія; потому что меня держитъ болѣзнь, вдругъ удалила отъ дѣлъ церковныхъ, и теперь ни къ чему я негоденъ, не престанно нахожусь при послѣднемъ дыханіи, и еще болѣе обременяюсь дѣлами. Поэтому, если бы епархія имѣла кого другаго главою, къ нему должна бы взывать, и у него испрашивать помощи; но какъ выше всѣхъ твое благоговѣніе, то необходимо обратиться къ тебѣ. Позаботься о своей Церкви, какъ самъ заблагоразсудишь, и не презри ее въ разстроенномъ состояніи, котораго она не заслужила. Не говорю уже о прочемъ; что сдѣ-

дали ей, и чѣмъ угрожаютъ возставшіе нынѣ Аполли-
наристы, освѣдомся объ этомъ отъ господъ сопресви-
теровъ моихъ, отъ хорепископа Евлавія и отъ Келевсіа,
которыхъ съ намѣреніемъ послалъ я къ твоему благо-
говѣнію. Остановить это не моимъ уже лѣтамъ, и не
моей немощи, а твоему только возможно искусству и
твоей силѣ; потому что тебѣ, кромѣ прочаго, Богъ
далъ и крѣпость къ общей защитѣ Церкви. А если не
буду услышанъ, что ни говорю, и ни пишу; пусть
будетъ сдѣлано, что одно только и остается сдѣлать,
то есть, всенародно всѣмъ провозглашено и приведено
въ извѣстность, что Церковь имѣетъ нужду въ Епископѣ,
чтобъ не потерпѣть ей вреда отъ моей болѣзни; а о
послѣдующемъ узнаете.

125. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ (119).

Поручаетъ ему Никомула младшаго, сына Никомулова.

Каковы твои подвиги въ добродѣтели, и успѣли ли
мы сколько нибудь по Богу? Я разсуждаю, что всего
приличнѣе спросить тебя объ этомъ; потому что мнѣ
пріятно и спрашивать о семъ, и слышать это; а прочее,
по мнѣ, пусть будетъ, какъ есть. Даже, хотя и пожела-
лъ бы я, чтобъ и это было у тебя благоуспѣшно, но поже-
лалъ бы единственно для того, чтобъ было, что прези-
рать тебѣ, и чтобъ можно было тебѣ оказать болѣе
любомудрія въ томъ, что важнѣе. Это пусть будетъ
сказано отъ меня вмѣсто привѣстія; а ты для прекрас-

наго Никовула будь таковъ , какъ сего надѣмся. Если же потребуемъ и большаго , удовлетвори нашей ненасытности, какъ щедролубивый.

126. КЪ ЕМЛАДЮ (218).

Просить о надзорѣ за тѣмъ же Никовуломъ.

Вотъ тебѣ и напоминаніе о нашей дружбѣ, — дражайшій сынъ Никовуль , о которомъ забочусь преимущественно предъ всѣми моими родными! Великую сдѣлаешь мнѣ милость, представивъ его ревностнѣйшимъ изъ наставниковъ; а еще большую окажешь милость, приучивъ нравъ его къ добродѣтели. А это будетъ , если заставишь часто бывать близъ тебя, особливо же, если будетъ онъ знать, что ты не оставляешь его безъ вниманія; потому что и глазъ наставника есть уже безмолвный урокъ. Ты не состоишь у меня въ долгу (если не много будетъ сказать это) , и по духовному, какъ архіерей у іерея , и по ученому, какъ словесникъ у любослова.

127. КЪ АФРИКАНУ (46).

Поздравляетъ его со вступленіемъ въ должность , и просить принять въ свое вниманіе Никовула младшаго.

Кому всего больше пріятны кони? — Безъ сомнѣнія, конямъ. А орлы? — Не иному кому, какъ орламъ. «И
 ч. VI. 15

Зр" галка садится рядомъ еъ галкою », какъ знаешь изъ по-
 словицы. — Такъ полагай , что и говорящій по-аттически
 бываетъ радъ знающимъ это нарѣчіе , а имѣющій притя-
 заніе на правоту — любителю и покровителю правоты.
 Быть начальникомъ , мнѣ кажется , значить то же , что быть
 помощникомъ добродѣтели и противникомъ порока , имѣть
 ли кто у себя безкровное начальство , какъ мы , или
 начальствуетъ съ мечемъ и военною перевязью. Тебя не
 заставляю я проливать кровь , зная , что ты добродѣтелью
 преодолеваешь , а не насиліемъ принуждаешь , наказываешь
 злыхъ болѣе страхомъ , нежели дѣломъ , что и составляетъ
 законъ наилучшаго начальствованія. Поэтому , хотя сильно
 я домогался свиданія съ тобою , и теперь еще домогаюсь ,
 однако же , по причинѣ болѣзни не имѣя возможности
 исполнить сего , по необходимости приступаю къ дѣлу
 и , что всего лучше , привѣтствую тебя чрезъ близкаго
 мнѣ челоѣка , и друга и родственника , по всему для
 меня очень дорогаго Никовула , который и оправдаетъ
 меня передъ тобою. Это челоѣкъ , сколько мнѣ извѣстно ,
 стоящій довѣрія не менѣе всякаго другаго ; а ради меня
 покажетъ онъ себя и твоему превосходству.

128. КЪ СТАГИРІЮ (188).

Хвалить его за ученость , и поручаетъ его попеченію того же
 Никовула.

Ты по учености достигъ аттического совершенства ;
 да и я тоже. Ты председательствуешь у молодыхъ людей ;

а я—у людей всякаго возраста. Ты образуетъ въ словѣ, а я—въ нравахъ. Много у меня съ тобою общаго, но одно все собою замѣняетъ, и всего выше—это дражайшій сынъ нашъ Никовуль, который поставленъ между нами. Дѣлая ему добро, докажешь и свою ученость и нашу дружбу, если только заботишься о ней: но думаю, что заботишься; потому что и старые борцы въ чести у молодыхъ, и въ такой еще чести, что молодые, если подносятъ имъ свои побѣдныя награды, то, по законамъ ратоборства, признаются тогда благопризнательными.

129. КЪ ЕВСТОХІЮ СОФИСТУ (61).

Оправдывается въ томъ, что Никовуль порученъ не ему, а Стагирію, по волѣ отца его, и нападаетъ на Евстохіа за то, что до старости занимается софистикою.

Сильно поразилъ ты меня, Улиссъ, укоряя въ стагиризмъ, и употребляя все усиліе низложить софизмами. Хвалю твою свободу, съ какою пишешь письмо свое. Лучше высказать, что огорчаетъ, нежели умолчать, чтобъ послѣ взыскивать съ незнающихъ. Впрочемъ и у меня есть нѣчто для обвиненія; но чтобъ соблюсти законъ судопроизводства, сперва буду оправдываться, и потомъ обвинять, а то и другое сдѣлаю съ равнымъ благорасположеніемъ. Никовуль мой пошелъ въ ученики къ превосходному Стагирію ни мало не по моему совѣту: не подозрѣвай этого; я не забылъ еще до такой степени Аѣины, твою дружбу и твое товарищество; напротивъ

того въ этомъ поступилъ онъ по собственному желанію и по тому, что такъ захотѣлъ отецъ; а я своими письмами передалъ его только съ рукъ на руки. Чтò же въ этомъ недружескаго и безчеловѣчнаго? Но поелику имѣешь мое оправданіе, то выслушай и обвиненіе. Не хвалю твоихъ *Кукольниковъ* и *Телхиновъ*, которыми зло поражаешь соперника; потому что превозмогъ обычай занимающихся тѣмъ же искусствомъ называть соперниками. Долго ли быть у насъ этому? Остановимся ли на чемъ нибудь въ своихъ софистическихъ схваткахъ? Когда будетъ конецъ? Развѣ когда смерть разлучитъ насъ съ этимъ порокомъ? Пока человѣкъ еще молодъ, поработенъ честолюбію, гонится за выгодами; ему извинительно какъ-то заниматься этимъ,—но и то съ умѣренностію, скажу въ угодность твою нѣсколько по-димосееновски; а въ такомъ возрастѣ и при такихъ занятіяхъ бодать и бодаться—совершенно безвременно и чистое упрямство, не потому только, что это не пристойно и не благородно, но и потому, что дѣло очень легко. Какое самъ вымолвишь слово, такое же услышишь въ отвѣтъ (а), — какъ назадъ возвратившуюся волну; потому что (употреблю еще Омирово выраженіе) «обрившаго отбрить» вовсе не предосудительно. Чтò же это за мудрость, когда можно первенствовать въ добродѣтели, тогда препобѣждать порокомъ, или и побѣждать въ порокѣ, чтò гораздо еще хуже? Я и судей (надобно же сказать правду) не хвалю за то, что одно и то же и наказываютъ, произнося рѣшеніе, и хвалятъ, слушая, и не только сами хвалятъ, но находятъ многихъ другихъ, которые

(а) Омир. Иліад. 20, 250.

и хвалятъ также, и поджигаютъ къ пороку, и оспариваютъ другъ друга въ усердіи къ этому. Должно поступать или такъ : если невѣроятно, не хвалить ; а если достоверно,—судить всенародно ; или такъ : если обвиненіе ложно, уличить обвинителей ; а если справедливо , уличить тѣхъ, на кого пало обвиненіе, но не шутить такъ легкомысленно дѣломъ весьма важнымъ,—мнѣніемъ людей благородныхъ. Поэтому, если меня послушаетесь (говорю обоимъ); то оставите подобныя рѣчи и перебранки, ежели не по чему другому, то устыдятся сѣдины, или уставъ заниматься такимъ позорнымъ дѣломъ. Дайте сами себѣ добрый совѣтъ—уважить древнее увѣщаніе, которое велить, когда есть тѣмъ прожить, упражняться въ добродѣтели, и не обманывайте какъ самихъ себя, такъ и надежду молодыхъ людей, которые, конечно, весьма жестоко пострадаютъ, если, упражнясь въ наукахъ, научатся пороку, да и тому не даромъ ; потому что имѣютъ въ васъ учителей не добродѣтели, а порока. Если же кажусь тебѣ несноснымъ, когда пишу это ; то и мнѣ отмсти тѣмъ же, то есть, и самъ подай какой нибудь полезный совѣтъ, чтобъ или похвалить меня, если слушаюсь, или обвинить, если воспротивлюсь.

130. КЪ НЕМУ ЖЕ (62).

Поелику софистъ оскорбился предыдущимъ письмомъ ; то изъясняетъ свое сожалѣніе, что раздражилъ его.

И того не зналъ я, что крайне грубо и невѣжественно давалъ совѣты человѣку высокоученому ! Какое высоко-

уміе! Не вразумиться и народною пословицею : « пѣшпивый не наклоняйся лбомъ къ барану , и не дразни ося », то есть, языка готоваго говорить худо. Правда , что этимъ не очень еще огорчаюсь ; потому что , какъ слышу, поставленъ я на ряду со многими, а если будешь живъ, то стану и напереді многихъ : но больше для меня горько твое недовѣріе въ томъ, что дѣлаю это съ дружескимъ расположеніемъ. По крайней мѣрѣ будь здоровъ и тѣломъ и душою, и впредь, если можно, воздерживай языкъ; а на этотъ разъ стерпимъ свою участь.

131. КЪ НЕМУ ЖЕ (111).

Поручаетъ ему молодого человѣка Пронію, чтобъ возбудилъ въ немъ ревность къ краснорѣчію.

Подражай Александру , чудный мужъ ; и какъ онъ прилагалъ все свое стараніе угодить Аѣинянамъ , а на этотъ конецъ и Аѣины называлъ всегда театромъ своего царства, такъ и ты, почитая меня что нибудь значащимъ, хотя и вовсе ничего не значу, и ради краснорѣчія , и ради самыхъ Аѣинъ ; а сверхъ того уваживъ общихъ родителей нашего краснорѣчія, позаботься удвоить ревность къ краснорѣчію въ прекрасномъ Проніи. Что ни сдѣлаешь для этого молодого человѣка, то, безъ сомнѣнія, сдѣлаешь для меня самого , который и стою того, чтобъ получить отъ тебя благодареніе , и могу быть не худымъ хвалителемъ твоихъ рѣчей , хотя сижу и ниже софистовъ , самъ себѣ назначивъ безопасную награду молчанія.

132. КЪ ЕВДОКСІЮ РИТОРУ (115).

Начинаеть съ нимъ переписку, потому что поступили къ нему въ обученіе Никомуловы дѣти.

Одолѣваю тебя въ дѣлѣ дружбы; потому что, какъ видишь, пишу первый. И будь увѣренъ, что не сталъ бы хвалиться (не въ моемъ это обычаѣ), если бъ не ставилъ въ велико твою дружбу, и если бъ не казалось мнѣ необходимымъ, какъ молодаго коня бичемъ, побудить тебя къ перепискѣ со мною. Особливо же подстрекнетъ тебя къ этому, если раздумаешься, кто, къ кому и о какомъ дѣлѣ писать къ тебѣ, еще не писавшему; также размыслишь, что дѣтямъ прилично наследовать какъ отцево имѣніе, такъ, конечно, и отцеву дружбу. Сверхъ же этого не худо разсудить, что тебѣ наступила только пора любомудрствовать, а я уже отецъ любомудрыхъ; и потому ты долженъ передо мною показать свою доблесть, какъ отважные борцы показываютъ передъ своими наставниками. Вымолвлю нѣчто такое, что поважнѣе доселѣ сказаннаго. У тебя не маловажный для меня залогъ любомудрія. Ты обучаешь кровь мою и кровь самыхъ мнѣ близкихъ; знаешь, о комъ говорю, то есть, о дѣтяхъ искреннѣйшаго и досточестнѣйшаго сына моего Никомула. Если сколько нибудь поможешь имъ, это (положи на вѣрное) не выйдетъ изъ памяти у меня, который не хуже всякаго другаго (если должно въ чемъ нибудъ вѣрить словамъ моимъ) могу и о наукахъ судить, и прилежаніе оцѣнить, и своей похвалою возвысить самихъ наставниковъ.

133. КЪ НЕМУ ЖЕ (116).

Просить его поощрять къ ученію Никовула младшаго, который, при счастливыхъ дарованіяхъ, бываетъ иногда лѣнивъ,

Опять къ тебѣ мой Никовулъ, и опять безпокою своимъ излишествомъ, понукая, когда и самъ очень бѣжишь. Но поелику этотъ молодой человѣкъ имѣетъ отъ природы счастливыя дарованія, если только не обманываетъ меня желаніе видѣть его такимъ; но, какъ часто бываетъ съ людьми даровитыми, нѣсколько нерадивъ, и ему нужно поощреніе: то замѣни это собственнымъ своимъ стараніемъ, и (скажу по вашему) подражая упоминаемому въ баснѣ кузнечнику, вмѣсто оборванной струны, прибѣгнувъ къ своему голосу, докончи пѣснь. Такимъ образомъ, какъ думаю, пріобрѣтешь славу чрезъ этого молодого человѣка, и окажешь самую великую милость мнѣ, который не многое предпочитаю тебѣ и твоей учености.

134. КЪ НЕМУ ЖЕ (117).

Упрекаетъ его за молчаніе и вновь просить смотреть за Никовуломъ младшимъ.

Какъ назвать твое расположеніе ко мнѣ, о чудный? Какая причина тому, что не пишешь? Не буду винить тебя ни въ высокомеріи, ни въ лѣности, ни въ томъ, что не стало у тебя, о чемъ писать. Не тебѣ дойти до

такой скудости. Развѣ помнишь зло за тѣ ямбы, которые изрыгнулъ достойный зло погибнуть Валентинъ, и сдѣлалъ это по твоему желанію? Ибо не требовалось ли отъ ритора, человѣка искуснаго, отмстить тому, кто первый осмѣлился писать о такомъ предметѣ ямбами? «Но укроти, Ахиллесь, великій гнѣвъ», и снова двигни для насъ перомъ, этимъ своимъ копьемъ, чтобы не подумали, будто бы ты, потерпѣвъ маловажное, идешь на переکورъ важнѣйшему, то есть, епископскому престолу. Рыщи на коняхъ, гоняйся за звѣрями, веди себя, какъ хочешь, въ разсужденіи меня; не буду болѣе ни писать, ни шутить. И этого довольно. Столько цѣню твою дружбу. Итакъ, что до шутокъ, имъ было мѣсто, и онѣ кончены. А что далѣе, то уже дѣло не шуточное, но крайне важное. Опять поручаю тебѣ дражайшаго сына моего Никовула. И желалъ бы, чтобы ты принялъ его отъ меня, точно какъ отъ меня, и отца подарилъ риторскимъ, а меня—софистическимъ руномъ. Ибо знаю, что, если захочешь, тебѣ это доступно. Чуднымъ же софистамъ оставишь только одну спѣсь и желаніе добиваться большихъ выгодъ.

135. КЪ НЕМУ ЖЕ (63).

Убѣждаетъ его къ любомудренной жизни.

У Аѳинянъ былъ древній, а по моему сужденію, и прекрасный законъ,—дѣтей, какъ скоро достигали юношескихъ лѣтъ, отдавать въ обученіе искусствамъ, дѣлать же это такимъ образомъ: открыто раскладывать орудія

каждаго искусства, и подводить къ нимъ молодыхъ людей; на какое орудіе съ пріятностію кто взглянетъ и подбавитъ къ нему, того орудія искусству и обучать его; потому что всего чаще бываетъ успѣхъ въ томъ, что намъ по природѣ, а то не удается, что не по природѣ. Къ чему клонится мой рассказъ? Къ тому, чтобъ и ты воспользовался такимъ же средствомъ, и, имѣя способность къ любомудрію, не оставлялъ сего въ нерадѣніи, и не привыкалъ къ чему либо другому, не свойственному для тебя, но больше занимался любомудріемъ, къ которому склоненъ, не только по собственному его превосходству, но и по сродности для тебя. И пословица учитъ: «не преграждать теченія рѣки». И поэзія требуетъ, чтобъ обучавшійся верховой ѣздѣ не пѣлъ. Въ предотвращеніе же чего? Того, чтобы не стать тебѣ пюхимъ и ѣздокомъ и пѣвцомъ. Но какая у тебя способность? Какъ мнѣ представляется на взглядъ, во-первыхъ, у тебя есть свои правила жизни, нравъ тихій и нехитростный, неспособный къ этой изворотливости въ свѣтѣ; потомъ, душа даровитая и возвышенная, легко вдающаяся въ умозрѣнія; въ-третьихъ, болѣзненность и тѣлесная немоць; а и это Платону кажется не маловажнымъ въ дѣлѣ любомудрія. Сверхъ того, въ такомъ уже ты возрастѣ, когда страсти начинаютъ покоряться; и бѣдностію, кажется мнѣ, не обременяешься, а болѣе хвалишься. И то уже не въ риторскомъ обычаѣ, что знаешь стыдъ, что языкъ у тебя не золъ, что родъ у тебя не худой, и вовсе ты человѣкъ не для народной площади. Скажу короче: въ тебѣ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ свойствъ, какими Аристофанъ надѣляетъ Демокрита, чтобъ управлять ему народомъ на площадяхъ. Напротивъ того, называясь риторомъ, скорѣе по всему годенъ ты въ ритори,

только не по правамъ. Поэтому не останавливайся въ любомудріи на томъ, что уже пріобрѣлъ, и быть вторымъ въ дѣлѣ второстепенномъ не предпочитай первенству въ важнѣйшемъ. А если въ этомъ и уступимъ тебѣ первенство; то не соглашайся имѣть превосходство между галками, когда ты въ состояніи быть орломъ. Долго ли надмеваться намъ тѣмъ, что маловажно и пресмыкается по землѣ? Долго ли играть съ дѣтьми въ куклы? и приходить въ восторгъ отъ рукоплесканій? *Прейдемъ отсюда*; станемъ мужами, бросимъ грезы, не будемъ останавливаться на тѣняхъ, предоставимъ другимъ пріятности, или чаще, горести жизни. Пусть надъ другими издѣваются, другими играютъ и мечутъ зависть, время и случай, какъ называютъ непостоянство и неправильность всего человѣческаго. Прочь отъ насъ высокіе чины, влѣваніе, богатства, блескъ, превозношеніе, паденіе — эта малостоящая и презрѣнная слава, превозносимый ко-торою терпѣть больше безславія, нежели осмѣянный! Прочь отъ насъ эти дѣтскія игрища и лицедействія на этомъ великомъ позорищѣ! Мы придержимся Слова, и въ замѣнъ всего возжелаемъ имѣть Бога—единое вѣчное и собственное намъ благо, чтобъ заслужить намъ одобреніе даже здѣсь за то, что, будучи еще такъ малы, ищемъ столь великаго, или непремѣнно—тамъ. Поелику награда добродѣтели—стать богомъ, озариться чистѣйшимъ свѣтомъ, созерцаемымъ въ Троичной Единицѣ, отъ Которой имѣемъ теперь едва нѣсколько лучей; то къ сему шествуй, въ семъ преуспѣвай, окрыляйся мыслию, емься за вѣчную жизнь. Ни на чемъ не останавливай своихъ надеждъ, пока не достигнешь вожделѣнной и блаженной вершины. И очень знаю, похвалишь меня теперь не много, а вскорѣ несравненно больше, когда увидишь себя

Зри

въ томъ состоянн, какое обещаю, и найдешь, что это не пустое блаженство, не вымыслы ума, но самая дѣйствительность.

136. КЪ ТИМОФЕЮ (191).

Убѣждаетъ его оставить обыкновенное упражненіе соеистовъ, сражаться языкомъ.

Поговорю съ тобою нѣсколько смѣло; такъ я обыкъ, и такъ хочу. А если не дозволишь мнѣ этого, то обидишь и меня и Никовула; потому что и другу сдѣлаю досаду, и отъ тебя не получу ничего большаго. Если же дозволишь, сколько надѣюсь, то выразишь благородный образъ мыслей, и у насъ то и другое выйдетъ, какъ можно, лучше; потому что и передъ нимъ оправдаюсь, и тебя похваляю. Но если дозволишь мнѣ подать тебѣ и отеческій совѣтъ; то, по привычкѣ властвовать, не оставь въ пренебреженіи предложенія, какое дѣлаетъ тебѣ чловѣкъ, въ подобныхъ вещахъ не несвѣдущій. Положите наконецъ оружіе, и пращи, и эти страшныя копы, разумѣю ваши языки, которыми поражаете и язвите другъ друга, и притомъ оглашаемые похвалами вашихъ приверженцевъ; положите по тому болѣе, что изъ всѣхъ оружій это самое подручное, положите, чтобы молодыхъ людей не привести вамъ скорѣе къ пороку, нежели къ добродѣтели, если не словами, то дѣлами; потому что какими кто дѣлами восхищается, на такія, хотя и молча, подаетъ свой совѣтъ. Если такъ поступите, то и себѣ самимъ сдѣлаете пользу, и меня будете имѣть другомъ, и не обманете надежды вѣрившихся вамъ. А все это бу-

детъ у меня наградою за труды о Никовулѣ. Но если увижу болѣе совершенные опыты, то воздамъ за это и совершеннѣйшею похвалою.

137. КЪ НЕМУ ЖЕ (189).

Совѣтуетъ ему переносить страданія свои любомудренно.

Слышу, что ты не любомудренно ведешь себя въ страданіи, и не хвалю сего ; ибо должно писать правду, особенно къ другу и человѣку, который отличается правотою. Объ этомъ же, какъ самъ себя увѣряю, разсуждаю я весьма правильно : не хвалю ни крайней безчувственности, ни сильной чувствительности къ страданіямъ ; первое безчеловѣчно, послѣднее не любомудренно. Но должно идти серединой, и показывать, что ты любомудреннѣе очень нетерпѣливыхъ, и къ человѣческому ближе не въ мѣру любомудрствующихъ. И если бы писалъ я къ кому нибудь другому ; то, можетъ быть, потребовалось бы болѣе длинное слово ; въ иномъ надлежало бы изъяснить свое состраданіе, объ иномъ дать совѣтъ, а за иное, можетъ быть, сдѣлать выговоръ ; потому что соболѣзнованіе бываетъ достаточнымъ средствомъ къ утѣшенію ; а больное имѣетъ нужду въ услугахъ здороваго. Но поелику веду рѣчь съ человѣкомъ образованнымъ ; то достаточно будетъ сказать слѣдующее : Займись самъ собою и книгами, съ которыми ты знакомишь, въ которыхъ много списано житій, много образцовъ жизни, много усажденій и умягчительныхъ средствъ ; потому что Богъ

все это сопрягаетъ одно съ другимъ, для того, какъ мнѣ кажется, чтобы скорбь не оставалась неуврачеванною, и веселіе—невразумленнымъ, и чтобы мы, видя въ этомъ непостоянство и отступленіе отъ порядка, обращали взоръ къ Нему одному. Поэтому предлагаю сіе твоему страданію, какъ правило и указатель. И если знаешь, что похваленъ кто нибудь изъ глубоко падшихъ подъ бременемъ печали, или пріобрѣлъ что нибудь сѣтованіемъ; то воспользуйся скорбію и насладись слезами. Никто не позавидуетъ тому, что оплакивается несчастіе. А если знаешь, что такихъ порицаютъ и оуждаютъ; то, какъ говоритъ пословица, уврачуешь уязвившій, теперь же прекрасно будетъ сказать: уврачуешь уязвленный. А намъ и по другимъ побужденіямъ, и по нашему закону, стыдно въ подобныхъ дѣлахъ подражать многимъ; потому что слово Божіе возводитъ насъ выше настоящаго, и убѣждаетъ, минуя все это, какъ тѣни и загадки, ни скорбнаго ни радостнаго не почитать дѣйствительностію, но жить индѣ, и туда устремлять взоръ, зная, какъ одно только скорбное — грѣхъ, такъ и одно пріятное — добродѣтель, и близкое общеніе съ нею. Вотъ обаятельное врачевство, которымъ утоляй свои скорби; и тебѣ будетъ легче. Но думаю, что ты уже утолялъ, и будешь утолять, хотя бы и не написалъ я.

138. КЪ НЕМУ ЖЕ (190).

Продолженіе того же предмета.

Отъ письма моего, чудный, вижу нѣкоторую пользу, даже, можетъ быть, и не малую, какъ сильный цѣлитель подобныхъ недуговъ. Мой выговоръ изгналъ изъ тебя скорбь, и мѣсто этой немощи заняли стыдъ и охота сдѣлать мнѣ отпоръ весьма остроумный и мужественный. И мнѣ кажется, что ты, какъ Ахиллесовы кони у Омира, когда кончились дни плача по Патроклѣ, поднявъ голову и страхнувъ съ себя пыль, снова вождѣлѣваешь равнинъ, оружій и случаевъ отличиться. Такъ письмо твое ко мнѣ и блистательно, и благородно, хотя нѣсколько и колко, если разумѣю тебя сколько нибудь. Но только мужайся и любомудренно превозмогай страданія; я соглашусь, что не важное дѣло судить о плавающихъ съ берега, и гораздо важнѣе самому быть въ борьбѣ, нежели поощрять другаго на борьбу съ бѣдствіями, развѣ кто скажетъ, что тебѣ и не было никакой необходимости ни вступать въ борьбу, ни пускаться въ море, особливо если любомудріе, хотя нѣсколько, выше того, чѣмъ было теперь съ тобою. У меня же со многими и много разъ, даже думаю, цѣлую жизнь идетъ брань, въ которой точно ли не совсѣмъ не искусно и не безъ мужества и другихъ поощряю, и самъ подвизаюсь, могутъ оцѣнить это многіе.

139. КЪ ТЕОДОРУ ЕПИСКОПУ (225).

Жалуется на Елладія, Епископа Кесарійскаго, представляет причины, по которымъ отказался самъ онъ отъ правленія Назіанзскою Церковію, и желалъ избранія въ Назіанзъ епископа (который уже и избранъ), и проситъ не вѣрить клеветамъ на Воспорія, Епископа Коловійскаго (383 г.).

И у насъ отыскала себѣ нѣчто зависть, которой никто не избѣгаетъ безъ труда. Вотъ и мы Каппадокіяне, такъ сказать, взбунтовались,—зло, доселѣ неслыханное и невѣроятное! *Да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ*; но да знаемъ, что всѣ мы люди, и не будемъ скоры въ осужденіи другихъ. А для меня есть нѣсколько выгоды и отъ несчастія (если надобно сказать нѣкоторую странность); и подлинно, по пословицѣ, съ терній собираю розы. Я, который прежде не встрѣчался лично съ твоимъ благоговѣніемъ, и не бесѣдовалъ съ тобою чрезъ письма, но только озярлся слухомъ о тебѣ, теперь приведенъ въ необходимость сноситься письменно; и великое благодареніе Даровавшему это! Писать о семъ къ другимъ Епископамъ, не имѣя на то времени, не буду; а вмѣстѣ и болѣзнь дѣлаетъ меня къ тому лѣнливимъ. Но чтò пишу къ тебѣ, чрезъ тебя пишу и къ нимъ. Да престанетъ входить въ изслѣдованія о моихъ дѣлахъ господинъ мой боголюбивѣйшій Епископъ Елладій; ибо доискивается сего не духовными средствами, но околичностями, показывающими сварливость, не по строгости церковныхъ правилъ, но въ удовлетвореніе гнѣву, чтò обнаруживаютъ время и многое вмѣстѣ со временемъ

приведенное въ дѣйствіе безъ всякаго къ тому основанія. Ибо надобно такъ сказать и не огорчить. Если бы имѣлъ я столько тѣлеснаго здоровья, чтобы могъ править Церковію въ Назіанзѣ, гдѣ первоначально провозглашенъ, а не въ Сасимахъ, какъ нѣкоторые увѣряютъ тебя не правильно; то я не столько жалокъ и несвѣдущъ въ Божественныхъ постановленіяхъ, чтобы сталъ или презирать Церковь, или гоняться за удобствами жизни, имѣя въ виду награды, какія уготованы трудящимся по Богу и употребляющимъ въ дѣло ввѣренный имъ талантъ. Ибо какая мнѣ будетъ польза въ великихъ трудахъ, и въ великихъ надеждахъ, если худо распоряжаюсь въ важнѣйшемъ? Но поелику и тѣломъ я боленъ, какъ всѣмъ это извѣстно, и по причинѣ, мною сказаной, не боюсь важныхъ послѣдствій отъ сего удаленія, но вижу, что Церковь подѣ моимъ правленіемъ терпитъ вредъ въ самомъ главномъ, и по разстроенному здоровью приходитъ почти въ разстройство; то и прежде просилъ, и теперь прошу Боголюбивѣйшихъ Епископовъ, разумѣю отечественныхъ, дать Церкви главу (какъ при помощи Божіей и дали), достойную и моего желанія и вашихъ молитвъ. И такъ да будетъ сіе извѣстно тебѣ, досточестнѣйшій мой господинъ; а то же внуши и прочимъ Епископамъ, чтобы они согласились, подали свои голоса, и не обременяли моей старости, вѣря клеветамъ. Но присовокуплю къ письму еще слѣдующее о Государѣ моемъ Епископѣ Восторіи. Если ваше изслѣдованіе находитъ его худымъ въ вѣрѣ (что выговорить не позволительно; не говорю уже о долговременности и о моемъ свидѣтельствѣ); то судите объ этомъ сами. А если разысканіе живущихъ по близости производитъ худую о немъ славу, и новое есть обвиненіе; то не увлекайтесь клеветами, и прошу васъ

не давать имъ болѣе силы, нежели истинѣ, чтобы не привести въ уныніе многихъ, рѣшившихся хорошо поступать. Будь здоровъ, благодушенъ, преуспѣвай по Богу, къ удовольствію моему и всея Церкви, какъ общее наше украшеніе !

140. КЪ ѲЕОДОРУ, ЕП. ТІАНСКОМУ (83).

Просить о продолженіи дружескихъ сношеній и по прекращеніи сношеній духовныхъ, а также о помѣщеніи близъ Церкви дѣтей Никовуловыхъ.

Духовныя отношенія кончены ; не буду больше беспокоить васъ. Соединяйтесь, ограждайтесь, дѣлайте сообщанія противъ меня. Пусть побѣдятъ мои ненавистники ; пусть въ точности соблюдаются правила, получившія начало съ меня, невѣжды въ этомъ ; не завидую вашей точности. Но отношенія дружескія да не находятъ себѣ въ этомъ препятствія. Дѣти почтеннѣйшаго сына моего Никовула прибыли въ городъ учиться скорописанію : со- благоволи сверхъ прочаго возрѣть на нихъ благосклонно и отечески (этого не запрещаютъ правила) ; также позаботься, чтобъ они жили ближе къ Церкви. Мнѣ желательно, чтобы нравы ихъ усовершенались въ добродѣтели, когда будутъ имѣть случай непрестанно видѣть твое совершенство.

141. КЪ НЕМУ ЖЕ (82).

Ходатайствуетъ за родственницу свою дѣву Амазонію.

Представляю твоему благоговѣнію кровь мою, а твою питомицу, драгоцѣнное Богу стяжаніе, досточестнѣйшую дочь нашу дѣву Амазонію; уваживъ ея вѣру, оказавъ ей помощь въ тѣлесной болѣзни, и по этой причинѣ во всемъ простирая къ ней руку свою, и прилагая о ней попеченіе, сдѣлаешь ты дѣло благородное и достойное твоего благоговѣнія, а прибавлю, и нашей дружбы.

142. КЪ НЕМУ ЖЕ (84).

Общается быть у него, но только не на Соборѣ.

Зовешь къ себѣ, и я спѣшу; но спѣшу одинъ, и на сближеніе съ тобою однимъ. А Соборамъ и собесѣдованіямъ кланяюсь издали съ тѣхъ поръ, какъ испыталъ много (скажу скромнѣе) дурнаго. Что же еще остается? Справедливому желанію помощи молитвами, чтобы сподобиться мнѣ того, о чемъ забочусь.

143. КЪ НЕМУ ЖЕ (85).

Просить объ Евгеніи, чтобы она не потерпѣла ущерба въ имѣніи, оставленномъ ей бабукою.

Ты хочешь, а поэтому и я желаю, чтобы оказана была справедливость твоимъ благоговѣніемъ дочери нашей Евгеніи. Но не надобно, какъ мнѣ кажется, попускать, чтобы лишилась она чего нибудь изъ оставленнаго бабукою внукѣ, которую воспитывала со всею радѣніемъ, и которую оставила съ немногимъ, вмѣсто того многого, что обѣщала, и что тогда надѣялась оставить.

144. КЪ НЕМУ ЖЕ (86).

Просить удовлетворенія по суду тѣмъ, кого представляетъ при письмѣ.

Что почиталъ я справедливымъ, то и написалъ. Если же иное что, а не это у тебя на мысли; я увѣренъ, что мысль твоя правильна, и готовъ принять ее. Иначе оскорбилъ бы я самое благочестіе, и поступилъ противъ него. незаконно. Но хотя приходящихъ ко мнѣ представляю тебѣ, какъ правдивому судіѣ; однако же не согласенъ, чтобы ты разсудилъ о нихъ такъ, какъ въ обыкновеніи поступать у многихъ людей крайне жалкихъ и невѣжественныхъ.

145. КЪ НЕМУ ЖЕ (87).

Посылаетъ въ даръ книгу: Добротолюбіе Оригенова, общій свой трудъ съ Василиемъ Великимъ.

Праздникъ для меня—твое письмо. А еще лучше, что усердіемъ предворяешь время праздника, доставляя мнѣ предпразднество. Таковъ даръ твоего благоговѣнія; а я воздаю тебѣ важнѣйшимъ изъ всего, что у меня есть—молитвами. Но чтобы у тебя было нѣчто на память о насъ, посылаю тебѣ мою и святаго Василия книжку Оригенова Добротолюбія, заключающую въ себѣ выборъ полезнаго для любослововъ. Удостой принять это и представь мнѣ доказательство пользы, спомоществуемый прилежаніемъ и духомъ.

146. КЪ ГРИГОРІОУ НИССКОМУ (42).

Увѣдомляетъ, что Епископомъ въ Назіанзѣ избранъ Евлалій, у котораго на рукахъ желалъ бы онъ умереть, и объясняетъ, что избраніе его не противно Церковнымъ уставамъ.

Увы мнѣ, яко пришествіе мое прѣдолжися (Псал. 119, 5.)! а главное изъ бѣдствій—у насъ война и мятежъ! Не соблюли мы мира, какой наслѣдовали отъ Святыхъ Отцевъ. Поэтому, какъ знаю, что самъ ты возстановишь сей миръ силою Духа, Который правитъ тобою и твоими дѣлами, такъ прошу, чтобы не клеветалъ на

меня и государей Епископовъ, будто безъ моей воли провозглашенъ у насъ другой Епископъ. Ибо и я не въ такомъ у нихъ презрѣннѣи, и они не такъ ко мнѣ неприязненны. Напротивъ того, много умоляя ради своей мертвости, и вмѣстѣ страшась принять на себя бремя—управлять Церковію, остававшеюся безъ надзора, испросилъ я у нихъ эту милость, не противную правиламъ и для меня успокоительную,—дать Церкви пастыря; и вашими молитвами данъ Пастырь достойный вашего богочестія, котораго и отдаю на твои руки: это достоуважаемый Евладій, боголюбивый Епископъ, на рукахъ котораго желалъ бы я умереть. А если кто думаетъ, что при жизни Епископа не должно рукополагать другаго; то пусть знаетъ, что этимъ не одолѣетъ меня. Ибо всемъ извѣстно, что я поставленъ былъ Епископомъ не Назіанза, но Сасимовъ; хотя не на долго, изъ уваженія къ отцу и къ просившимъ меня, и принялъ на себя правленіе Назіанзской Церковію, какъ человѣкъ посторонній.

147. КЪ НЕКТАРІЮ (227).

Просить не вѣрить клеветамъ на Епископа Воспоріа.

Когда каждый хвалитъ въ тебѣ что нибудь, и всѣ, какъ на торжищѣ, распространяютъ о тебѣ добрую славу, я присовокупляю нѣчто отъ себя, да и не менѣе всякаго другаго; потому что и ты удостоиваешь меня чести, и какъ возлюбленный сынъ утѣшаешь старость отца. По этому и теперь осмѣлился я принести тебѣ просьбу свою

о достоуважаемомъ Епископѣ Воспоріи. Стыдно имѣть
 нужду въ моемъ письмѣ такому мужу, за которымъ упро-
 чиваютъ уваженіе и жизнь его и лѣта. Но не менѣе сты-
 дно молчать и не сказать о немъ слова тому, кто имѣетъ
 голосъ, чтить вѣру и болѣе всѣхъ знаетъ этого мужа.
 Недоумѣніе касательно сосѣдей, конечно, и самъ ты раз-
 рѣшишь, по благодати обитающаго въ тебѣ Духа, и на
 основаніи правилъ Церковныхъ. Но да не потерпишь твое
 благоговѣніе, чтобы его выставляли на позоръ въ обще-
 народныхъ судахъ; ибо, хотя и тамъ судьи будутъ
 христіане, какъ и дѣйствительно по благодати Божіей, хри-
 стіане, однако же что общаго между мечемъ и духомъ?
 Если и это допустимъ; то какъ и въ какомъ отношеніи
 справедливо слово о вѣрѣ смѣшивать съ другими недо-
 умѣніями? Нынѣ у насъ сталъ неправославенъ боголюбивѣй-
 шій Епископъ Воспорій! Нынѣ у насъ не имѣетъ вѣса
 и сѣдина человѣка, который столь многихъ отвлекъ отъ
 заблужденія, представилъ такое доказательство своего
 православія, у всѣхъ насъ былъ учителемъ! Нѣтъ, умо-
 ляю тебя, не давай мѣста подобнымъ клеветамъ. Но если
 возможно примирить раздѣленное; то присовокупи и это
 къ своей славѣ. А если сіе невозможно; то по крайней
 мѣрѣ не допусти, чтобы такимъ поруганіемъ оскорблены
 были всѣ мы, съ кѣмъ онъ жилъ и состарѣлся, мы, какъ
 тебѣ извѣстно, строгіе проповѣдники Божества и въ опа-
 сностяхъ и бѣзъ опасностей, не дозволившіе, чтобы от-
 нято было что нибудь у Единаго и неприступнаго Боже-
 ства. Прошу тебя, помолись обо мнѣ, который весьма
 изнемогъ отъ болѣзни. Какъ я, такъ и всѣ мои, при-
 вѣтствуемъ находящееся при тебѣ братство. Да даруетъ
 намъ Богъ, чтобы ты, общая опора Церкви, былъ
 здоровъ, благодушенъ и доброхваленъ о Господѣ! —

148. КЪ НЕМУ ЖЕ (226).

Просить исходатайствовать у Комита Доместика снисхождение
какому-то Георгію.

Прекрасно многіе гадаютъ о твоємъ умѣ, лучше же сказать, не гадаютъ, но вѣрятъ мнѣ, который хвалюсь симъ, вѣрятъ потому, что удостоиваешь меня не малаго уваженія и почтенія. Одинъ изъ таковыхъ и досточестнѣйшій сынъ мой Георгій, который, понеся многія потери и достаточно хлопотавъ о своихъ дѣлахъ, усматриваетъ для себя одну пристань спасенія, обратиться чрезъ меня къ тебѣ, и найти какое нибудь снисхождение у досточестнѣйшаго Комита Доместика. Поэтому окажи милость, если хочешь, ему и его нуждѣ, а если угодно, и мнѣ, которому, сколько знаю, рѣшился ты дѣлать все удобное, какъ подтверждаешь и самими дѣлами.

149. КЪ АМФИЛОХІЮ (164).

Благодарить за путешествіе къ Парвасу, и за обнаруженіе клеветы на Епископа; также просить вѣхать далѣе, засвидѣтельствовать о семъ Епископамъ, и разобрать съ ними остающіяся въ семъ дѣлѣ недоумѣнія.

Исполнитъ Господь вся прошенія твоя (Псал. 19, 6.); и да не презришь моленіе отца. Довольно успокоилъ ты старость нашу тѣмъ, что выѣхалъ даже до Пар-

насса, какъ былъ приглашаемъ, и что обличилъ клевету, взведенную на досточестнѣйшаго и боголюбивѣйшаго Епископа. Порочные люди любятъ слагать вины свои на тѣхъ, кто ихъ обличаетъ. Правда, что всякое обвиненіе опровергали лѣта и жизнь всего мужа, опровергаль и я, которой часто слышалъ и пересказывалъ о дѣлахъ его другимъ, а равно опровергали и тѣ, которые отведены имъ отъ заблужденій, и присоединены къ общему тѣлу Церкви: однако же нынѣшнее лукавое время, по причинѣ навѣтниковъ и людей злонравныхъ, требовало болѣе точнаго доказательства, и ты представилъ это доказательство намъ, или лучше сказать, людямъ легкомысленнымъ, которыхъ не трудно обмануть подобными клеветами. Если же соблаговолишь, принявъ на себя трудъ дальнѣйшаго пути, лично засвидѣтельствовать о семъ, и съ прочими Епископами разберешь то, въ чемъ недоумѣніе: то сдѣлаешь духовное дѣло, достойное твоего совершенства. Я и всѣ, кто со мною, привѣтствуемъ твое братство.

Зр.

150. КЪ НЕМУ ЖЕ (240).

Просить молитвъ его о себѣ.

Едва освободился я отъ трудовъ, какими обременяла меня болѣзнь, какъ притекаю къ тебѣ, снабдителю исцѣленія. Ибо языкъ іерея, любомудрствующій о Господѣ, возсталяетъ болѣзнующихъ. Поэтому соверши наилучшее священнодѣйствіе, и разрѣши великіе мои грѣхи, прикасаясь къ жертвамъ Воскресенія. Ибо у меня, бодрствую

ли, или сплю, попеченіе о твоихъ дѣлахъ, и ты сталъ для меня добрымъ смычкомъ и стройною лирою, поселившись въ душѣ моей, послѣ того какъ, пиша ко мнѣ ты-сячи писемъ, усовершился ты въ познаніи души моей. Но, богочестивѣйшій, не облѣнишь помолиться и ходатайствовать за меня, когда словомъ привлекаешь Слово, когда безкровнымъ съченіемъ разсѣкаешь Владычнее тѣло и кровь, въ мѣсто меча употребляя гласъ.

151. КЪ ПОСТУМІАНУ (а) (71).

Какъ челоѣкъ сильнаго при Дворѣ, просить его объ умиреніи Церкви во время предполагаемаго Собора Епископовъ.

Высокъ ты ученостію, и притомъ какою угодно, и въ какомъ кто хочетъ родѣ наукъ. Объ одномъ изъ этого знаю только по слуху, потому что не знакомъ мнѣ римскій языкъ, и не силенъ я въ италійскихъ ученіяхъ; а другое извѣдалъ на опытѣ, почему могу довести до свѣдѣнія и другихъ, если только въ правѣ скольконибудь судить о подобныхъ вещахъ; а не мало людей, которые говорятъ, что въ правѣ. До не малыхъ почестей возвысился ты, или, если надобно употребить болѣе правильное выраженіе, не малымъ подъялъ на себя почести. Достигъ крайняго предѣла власти, получивъ это не какъ даръ счастья, что желали бы сказать многіе, но какъ

(а) Постуміанъ и Сатурнинъ были Консулами съ 383 году.

награду за добродѣтель, чтобы и она сдѣлалась достоинствомъ, и Царь приобрѣлъ похвалу такимъ сужденіемъ о тебѣ. Еще и этого мало ; присовокуплю нѣчто изъ своего. Наставленный прежде въ благочестіи, потомъ принялъ ты оное. Ибо мнѣ памятны твои слова, и слухъ мой доселѣ еще оглашается удивленіемъ. Если присовокупишь къ сему память о друзьяхъ (знаю же, что присовокупишь, и гадаю о семъ по предшествовавшему) ; то еще больше будемъ дивиться тебѣ. Это послѣдній предѣлъ человѣческаго благополучія, или блаженства. Чтò далѣе Гадеса, то не проходимо для людей, въ чемъ вѣримъ любомудствующему Пиндару. Но поелику достигъ ты великаго, то и обязываешься къ великому. Благодарный Богъ сперва содѣлалъ тебя нашимъ, а потомъ поставилъ начальникомъ надъ нами ; и не сообразно было бы отъ такого мужа не потребовать наибольшаго ; поэтому прійми отъ меня слѣдующій совѣтъ : поелику теперь опять Соборъ Епископовъ, не знаю, для чего и какъ собираемыхъ ; то ничего не почитай столько приличнымъ твоему началствованію, какъ это одно, чтобы подъ твоимъ начальствомъ и твоими трудами умирены были Церкви, хотя бы для сего нужно было съ особенною строгостію наказывать мятежныхъ. А если кажусь страннымъ, что, удалившись отъ дѣлъ, не покидаю заботъ ; не дивись этому. Хотя уступилъ я престолъ и высоту сана желающимъ, однако же не уступилъ съ этимъ и благочестія ; но думаю, что теперь-то и покажусь для тебя достойнымъ довѣрія, даже болѣе прежняго, какъ служащій не собственному своему, но общему благу.

152. КЪ САТУРНИНУ (72).

Подобнаго съ прежнимъ содержаніи.

Очень знаю, что требуешь отъ меня свойственнаго дружбѣ, иначе не смѣло было бы и писать. Ибо мірскимъ удѣлишь власть, а мнѣ, удостоенному приближаться къ Богу, какъ добрый соработникъ — дерзновение. Поэтому и привѣтствую тебя, и по желанію твоему изложу свое дѣло. У меня, при Божіей помощи, все идетъ хорошо; кромѣ того одного, что безпокоюсь о Церквахъ, которыя въ такомъ смятеніи. И если чѣмъ можешь помочь имъ, не облѣнишь, и словомъ и дѣломъ возстановить общее согласіе; потому что опять Соборъ Епископовъ, и опасно, чтобы и нынѣ еще намъ не остаться въ стыдѣ, если и этотъ Соборъ будетъ имѣть такой же почти конецъ, какъ и прежній. Ибо дѣло свое предоставилъ я извѣдать и судить всевѣдущему Богу, хотя охотно уступилъ зависти, давъ мѣсто желающимъ, и отказавшись не отъ чего либо, какъ многимъ кажется, полезнаго, а напротивъ того крайне опаснаго, и какъ бы послѣ ужасной и жестокой бури, срѣтивъ спокойную и безопасную пристань.

153. КЪ НЕМУ ЖЕ (132).

Поручаетъ его покровительству одного ученаго—Евдоксія.

Хотя высота начальственной власти неприступна, однако же дружба человеколюбива; по ней-то и я осмѣлился представить тебѣ сію просьбу. Ко всему, что сдѣлать для меня добраго, присовокупи и это. Ученѣйшаго сына нашего Евдоксія, человека и по жизни и по уму достойнаго твоей доблести, какъ и въ иномъ чемъ не лиши своего пріятнаго вниманія, такъ удостой покровительства, если въ чемъ окажется ему нужнымъ твоя правота. А я воздамъ за это молитвами; чѣмъ однимъ и могу вознаграждать благодѣтелей. —

Зрн

154. ВИКТОРУ (133).

Изъ уединенія, гдѣ поправляетъ свое здоровье, проситъ стараться объ умирненіи Церкви на открывшемся Соборѣ.

Если теперь пишу, это не значить, что я дерзокъ; а если не написалъ скорѣе, это значить, что лѣнивъ. Лучше же сказать, даже не значить и этого; потому что не съ кѣмъ было послать мнѣ письмо, хотя (какъ самъ полагаешь) и желать сего. Я провожу время среди поля въ дали отъ жилыхъ мѣстъ, и тамъ поправляю тѣлесное свое здоровье. Но теперь, когда есть случай, и привѣтствую тебя, и прошу жаловать меня отсутствующаго тою же честію, какою жаловалъ, когда былъ я съ

тобою, и не полѣниться утѣшать письмами меня, сильно огорченного разлукою. А поелику опять Соборъ и опять борьба, притомъ среди враговъ, которые внимательно наблюдаютъ за всѣмъ, касающимся до насъ; то подай руку общему собранію, будучи и самъ не послѣднимъ членомъ Церкви, и не допусти, чтобы всѣ были потреблены пожаромъ, который нынѣ распространился въ Церкви; но сколько можешь найди огнегасительныхъ снарядовъ, употреби ихъ въ дѣло: побуди къ тому же и другихъ, чтобы и твои дѣла шли успѣшно, когда общее дѣло пойдетъ лучше.

155. КЪ НЕМУ ЖЕ (134).

Представляетъ къ нему Иперехія.

Подлинно ты побѣдитель, чудный мой, и побѣдитель во всемъ доблестный; ибо, пока можно было, побѣждалъ враговъ оружіемъ, а теперь побѣждаешь всѣхъ добротою. Потому и осмѣлился я представить тебѣ это привѣтствіе, а съ привѣтствіемъ и досточестнѣйшаго сына Иперехія, котораго, какъ знаю, почтишь за нравъ, когда извѣдаешь этого человѣка, почтишь и ради меня, какъ положившій все дѣлать въ угодность мнѣ. Вели же понадѣяться ему на тебя въ память нашей дружбы, которую, я увѣренъ, очень ты уважаешь.

156. КЪ МАРДАРІО ВОЕНАЧАЛЬНИКУ (135).

Просить стараться объ умирениі Церкви на Соборѣ Епископовъ.

Ты мнѣ и сродникъ , и свой , и все , чѣмъ только можно наименовать въ подобномъ значеніи ; потому что насъ сопрягли благочестіе и слава добродѣтели , какую узнали мы въ тебѣ , ясно показавшемъ , что быть Еллиномъ и быть варваромъ — вся разность въ тѣлѣ , а не въ душѣ , и разстояніе въ мѣстѣ , а не въ нравахъ и произволеніяхъ. Если бы многіе изъ нашего рода стали подражать твоей правотѣ ; то , очень знаю , у насъ все было бы хорошо , и общественное и частное. Прошу же тебя , какъ прекращаешь брань съ внѣшними врагами своею десницею и своимъ благоразуміемъ , такъ прекрати и нашу брань ; и сколько станетъ у тебя силъ , потрудись сдѣлать , чтобы у собравшихся нынѣ Епископовъ миромъ кончилось дѣло ; потому что какъ самъ знаешь , весьма стыдно , собираться многократно и не находить предѣла бѣдствіямъ , но къ прежнимъ смятеніямъ прилагать непрестанно новыя смятенія.

157. КЪ НЕМУ ЖЕ (136).

Представляетъ на милостивое его вниманіе воина Θεодора.

Давно желалъ я привѣтствовать твою досточестность ; и благодареніе Богу , подавшему поводъ ! Разсуждая ,

чѣмъ вознаградить вручившаго тебѣ это письмо, призналъ я всего лучшимъ передать его въ твою власть. Отчасти и ради меня удостой его благосклоннаго вниманія, потому что онъ вмѣстѣ мой и твой; какъ живущій со мною мой; а какъ воинъ—твой, разумѣю Θεодора, который приходитъ теперь къ тебѣ отъ меня. Пусть и онъ узнаетъ, какою честію всегда пользовался я отъ тебя, и еще пользуюсь.

158. КЪ ФОТІЮ (118).

Отвѣчаетъ на письмо, въ которомъ Фотій хвалилъ Никомула за успѣхи.

Спрашиваешь, почему не пишу? И мнѣ думается, что и самъ ты не больше переслалъ писемъ (если только болѣзнь не выводитъ меня изъ ума и не дѣлаетъ, что забываю даже и оказанное мнѣ добро), хотя ты, который владѣешь искусствомъ и говорить и писать, если не другимъ чѣмъ, то по крайней мѣрѣ, какъ умершему, обязанъ мнѣ надгробнымъ словомъ. Итакъ вотъ мое обличеніе; потому что, кто обвиняетъ дружески, тому не должно въ этомъ заходить далѣе предѣловъ дружбы. А что ты пишешь о дражайшемъ сынѣ Никомулѣ, это весьма важно, удивительно и достаточно къ тому, чтобы увлечь добродушіе отца, готовое вѣрить всему, что для него желательно. Но я тогда приму это за правду, когда молодой человекъ, представивъ мнѣ опыты, окажется не недостойнымъ или твоихъ обѣщаній, или нашихъ надеждъ.

159. КЪ ЕЛЛАДИО (234).

Просить доставить Никовулу старшему упокоеніе отъ дѣлъ.

И другимъ пріятно привѣтствовать твое благоговѣніе ; но еще пріятнѣе сіе мнѣ въ настоящемъ моемъ положеніи. Поелику съ каждымъ почти днемъ теряю надежду, то сіе и дѣлаетъ меня болѣе къ тебѣ привязаннымъ, какъ получающаго послѣднее пріобрѣтеніе. Но какъ сознаю это пріобрѣтеніе ; то обязанъ я вознагражденіемъ достойнаго сыну Никовулу, отъ котораго мое пріобрѣтеніе ; и какъ поступаютъ бѣдные , когда , видя предъ собою богатыхъ , желаютъ отъ нихъ получить благодѣяніе , такъ поступаю и я , уплачивая ему долгъ чрезъ тебя. А имѣетъ онъ нужду въ покоѣ отъ дѣлъ , какъ человѣкъ постоянно къ тому привыкшій ; поэтому соблаговоли , доставить ему случай къ таковому упокоенію.

160. КЪ ОЛИМПІО (178).

Извѣщаетъ о себѣ, что, спѣша на свиданіе съ нимъ, задержавъ болѣзнію въ одной Обители, и просить о Никовулѣ.

Моя радость миновалась, какъ сонъ. Когда донесенъ я былъ до Обители , чтобы получить тамъ нѣкоторое облегченіе отъ купальни , потомъ , питая надежду свидѣться съ тобою, имѣлъ уже это благо какъ бы въ рукахъ, и провелъ въ Обители нѣсколько дней ; внезапно

Ч. VI.

17

постигла меня болѣзнь, которая, частію уже беспокоитъ меня, а частію угрожаетъ мнѣ. Если нужно найти какое подобіе для моего недуга ; то я терплю то же , что и полипы, которыхъ насильственно отрываютъ отъ камней, и которые часто бываютъ при этомъ въ опасности, или часть своихъ ячеекъ уступить камнямъ , или прихватить съ ними нѣчто отъ камней. Таково-то мое положеніе. Но о чемъ было мнѣ нужно просить твою правоту лично, о томъ осмѣлился просить и заочно. Нашелъ я, что сынъ Никовуль очень обезпокоенъ и заботою о продолженіи пути и постояннымъ пребываніемъ въ Обители , какъ человекъ немощный, не привыкшій къ этому, и скучающій одиночествомъ. Сблаговоли употребить его на всякое другое дѣло , на какое тебѣ угодно ; потому что онъ готовъ во всемъ служить твоей власти ; но избавь, если можно, отъ этой заботы , если не по чему другому , то изъ уваженія , что ходитъ онъ за мною больнымъ. Какъ просилъ я тебя о многомъ и за многихъ, и получалъ просимое ; такъ имѣю нужду въ твоемъ снисхожденіи и ко мнѣ самому.

161. КЪ НЕМУ ЖЕ. (179).

Просить о Никовуль, который замѣшанъ въ дѣла возмущавшихся рабовъ.

О чемъ говорилъ я, какъ бы пророчески, то и вышло. А именно, находя тебя готовымъ все для меня сдѣлать, и безъ сытости пользуясь твоею снисходительностію , боялся я , чтобы не истощить твоего человеколюбія

чужими дѣлами. Ибо вотъ собственное мое дѣло, если только касающееся до моихъ есть уже мое. И я не съ равною прежней смѣlostiю веду рѣчь; во-первыхъ, потому что дѣло мое, а просить за себя, если и выгоды, то унизительны; во-вторыхъ, подозреваю въ тебѣ пресыщеніе, которое уничтожаетъ пріятность и противится всему прекрасному. Хотя это дѣйствительно такъ, и догадка моя справедлива; однако же въ упованіи на Бога, Которому предстою, и на твою щедрость дѣлать добро, осмѣливаюсь на это прошеніе. Положимъ, что хуже всѣхъ Никовулъ, виновный въ томъ одномъ преступленіи, что ради меня возбуждаетъ къ себѣ зависть, и ведетъ себя свободнѣе, нежели какъ надлежало; положимъ, что препирающійся теперь съ нами самый правдивый человѣкъ; потому что стыжусь предъ твоимъ правдолюбиемъ обвинять, кого недавно самъ защищалъ: но не знаю, покажется ли тебѣ справедливымъ за грѣхи однихъ подвергать наказанію другихъ, — и за грѣхи чужіе и не произвольные наказывать тѣхъ, которые и рабовъ къ тому не побуждали и столько вознегодовали на нихъ, что выдали ихъ обвинителю съ бѣльшею готовностію, нежели какъ самъ онъ желалъ? Должно ли же идти въ рабство Никовулу, или дѣтямъ его, какъ угодно это врагамъ его? Должно ли ему умножить собою число имѣющихъ дѣло въ судѣ именно теперь, когда огорчаютъ его свои домашнія дѣла? Нѣтъ, чудный мужъ, да не приходитъ этого и на мысль твоему чистому уму! Напротивъ того, въ быстромъ полетѣ мысли проникнувъ въ злобу, отъ которой это выходитъ, и уваживъ меня, усерднаго на похвалы тебѣ, покажи себя человѣколюбивымъ судіею къ возмущеннымъ, произнеся нынѣ судъ не только надъ людьми, но надъ добродѣтелию и надъ порокомъ, о чемъ

болѣе, нежели о частныхъ лицахъ , должны заботиться подобныя тебѣ въ добродѣтели и дѣятельные начальники. Отъ меня же тебѣ будетъ за это воздано не только молитвами, которымъ ты, какъ знаю , не презираешь , подобно многимъ, но и тѣмъ, что правленіе твое сдѣлается славнымъ у всѣхъ, кто меня знаетъ.

162. КЪ АСТЕРІЮ (47).

О томъ же Никовулѣ , называя его опорой своей старости , просить сего чиновника Олимпіева.

Кто справедливѣ Бога? Но и Онъ , Творецъ и Владыка всего , дѣлаетъ и называетъ Израиля избраннымъ Своимъ народомъ, и не стыдится, что за сіе почтутъ несправедливымъ. Поэтому что же удивительнаго , если и я, имѣя попеченіе о всѣхъ , кто у меня на рукахъ , и подъ моею опекою , болѣе другихъ люблю сына Никовула, котораго почитаю своимъ попечителемъ въ старости и болѣзни , и употребляю вмѣсто опоры и жезла своей немощи ? Отдаю его тебѣ на руки , а чрезъ тебя на руки градоначальнику, признавая для себя весьма тягостнымъ , что другіе освобождены чрезъ тебя отъ самыхъ великихъ бѣдъ , и теперь первые сдѣлались жестокими обвинителями, а этого не могу освободить отъ насилія, и для себя самого не домогусь той чести, какой домогался для постороннихъ ; но терплю то же , что бываетъ съ глазами, которые, видя все иное, не видятъ сами себя, или—съ источниками, находящимися въ глубинѣ , которые , не орошая мѣстъ къ нимъ близкихъ ,

наполяютъ мѣста отдаленныя. Положимъ , что ужасно , и даже болѣе нежели ужасно то , на что отважились рабы , такъ что ничего , можетъ быть , не откроется , или откроется не многое , если не будетъ употреблено съ ними строгости при допросѣ. Но какое отношеніе имѣть это къ господамъ , которые ни мало не участвовали въ дѣлѣ ? И какое основаніе , за чужія преступленія подвергаться наказанію , и теперь заботиться о дѣлѣ общественномъ , когда огорчаетъ свое собственное ?

163. КЪ НЕМУ ЖЕ (48).

О томъ же.

Что́ это ? скажешь , можетъ быть. Опять къ намъ писать Григорій ; еще письма , еще просьбы ? Какая ненасытность , которой самъ я причиной ! Нѣтъ , чудный мужъ , не говори этого. Для кого же и пристани , какъ не для обуреваемыхъ ? Для кого и лекарства , какъ не для больныхъ ?—Да не будемъ же и мы лишены ихъ , и тѣмъ паче , чѣмъ болѣе увѣрены , что имѣемъ у тебя силу. Я уже не прошу , но требую ; потому что милость вызываетъ на милость. Никомуль подвергается насиліямъ , а это то же , что́ подвергаюсь я самъ ; потому что онъ—мое упокоеніе. Какъ возможно молчать и не быть докучливымъ при всемъ даже любомудріи ? Подай руку утѣсняемымъ , чтобы и самому того же сподобиться отъ Бога , въ чемъ , конечно , имѣешь нужду , какъ человѣкъ. Употреби , съ Богомъ , и дружбу , и мудрость , и могущество свое въ пользу нашего дѣла. Въ раскаленное

Зрн

жельзо не нужно много ударять кремнемъ, чтобы обнаружился скрытый въ немъ огонь; но едва ударишь, какъ уже и огонь блещетъ. Такъ и ты не потребуешь, чтобы мнѣ долго тебя упрашивать, и притомъ за себя, такъ сильнаго въ убѣжденіи, и такого искренняго соучастника во власти. Скажу одно и коротко: другія милости получали чрезъ меня другіе; а въ этой милости имѣю я нужду самъ для себя. Это да устыдить всего болѣе твою ученость!

164. КЪ НЕМУ ЖЕ (126).

Просить о сослужителѣ своемъ Георгіи.

Радъ я тому, что пишу къ тебѣ, радъ и тому, что упрекаешь, будто бы не пишу, если иногда это бываетъ. Твои и упреки исполнены доброты. — Но знаю, что часто и о многомъ писалъ къ тебѣ, и получалъ отъ тебя все, о чемъ ни просилъ. И если не что другое, то самое множество благодѣтельствованныхъ тобою свидѣтельствуешь о моихъ письмахъ. Но если ты щедрѣе, нежели какъ даже и желали бы отъ тебя, а я боязливѣе на просьбы: то пусть за тобою останется первенство въ добродѣтели; но пусть и мнѣ дано будетъ извиненіе, что отказываюсь быть обременительнымъ; потому что слово мудраго во всемъ признаетъ лучшимъ средину. Впрочемъ благодареніе Богу, что далъ тебѣ возможность дѣлать добро, поставивъ тебя у насъ общимъ благотворителемъ и соначальникомъ. Почему и теперь чрезъ это

письмо мое поручаю тебѣ брата и сослужителя нашего Георгія, человека и много отличаемаго и весьма полезнаго для Церкви, признавая его достойнымъ имѣть право на довѣріе, если въ чемъ и не согласенъ съ нѣкоторыми, и не подвергаться притѣсненію на ряду съ другими.

165. КЪ, НЕМУ ЖЕ (127).

Хвалить его за единомысліе и дружбу съ Олимпіемъ.

Великъ изъ людей, какъ говорятъ, Иракль (тебѣ, какъ человеку ученому напомнимъ нѣчто изъ твоего); но и онъ не былъ бы такимъ, если бы не имѣлъ своимъ сподвижникомъ Іолая, особливо въ сраженіи съ гидрою, этимъ злымъ и многоглавымъ звѣремъ, у котораго одинъ сѣкалъ головы, а другой прижигалъ, какъ ты истребляешь порока. Сыны Акторовъ, какъ угодно увѣрятъ Омиру, многихъ обгоняли на колесницахъ; потому что были близнецы и по тѣлесному рожденію и по искусству; одинъ владѣлъ броздами, а другой—бичемъ, и помогали другъ другу въ побѣдѣ. Кормчій спасаетъ многихъ пловцовъ; но не спасъ бы, если бы не помогалъ ему хорошій рулевой, который наблюдаетъ вѣтры, указываетъ подводные камни и служить какъ бы окомъ для корабля. Таково, по моему, и твое дѣло. Градоначальника, который и самъ по себѣ знаменитъ, содѣйствіемъ своимъ дѣлаешь ты еще болѣе знаменитымъ.. И хвала въ васъ многое, всего болѣе дивлюсь этому. Сохраняя такое усердіе къ общественнымъ выгодамъ, дайте вы мѣсто и обязанностямъ дружбы, не въ жестокости нрава выказывая

свою строгость, по примѣру многихъ не наблюдающихъ мѣры, а напротивъ того кротостію смягая суровость начальственной власти.

166. КЪ НЕМУ ЖЕ (125).

Изыявляетъ сожалѣніе, что Астерій оставляетъ свою должность и Каппадокію.

Что потерпѣлъ я! Ты удаляешься, оставляя насъ, а я боленъ. Зависть не дозволила и того, чтобы сказано было тебѣ мною прощальное слово. Какая утрата! какая обида! Я въ опасности выговорить нѣчто смѣлое. Для чего было и получать благо, если ему не надлежало на всегда при насъ остаться? Все пріятное не столько увеселяетъ, когда оно при насъ, сколько огорчаетъ, удалясь отъ насъ.—Я почтень и прославленъ былъ тобою, наслаждался твоимъ начальствомъ, насыщался твоимъ человеколюбіемъ. Я не забылъ, и не забуду этого, скорѣе развѣ забуду самъ себя, нежели тебя. Чѣмъ же за все это будетъ воздано тебѣ мною? Чѣмъ инымъ, кромѣ того, что у насъ есть самое лучшее? Это молитвы, по которымъ да будешь сохраненъ и прославленъ, и опять возвращенъ къ намъ, если только продлится до сего срока моей жизни!—

167. КЪ ОЛИМПНО (59).

Изъявляетъ сожалѣніе, что сей правитель Каппадокіи оставляетъ свою должность.

Ты нашъ начальникъ и по оставленіи тобою начальства; потому что имѣешь въ себѣ совокупленными всѣ начальственныя доблести. А мы судимъ о вещахъ иначе, нежели какъ судить простой народъ. Ибо многіе изъ засѣдающихъ высоко для меня стоятъ низко, и таковы тѣ, кого собственная ихъ рука дѣлаетъ униженными и рабами подчиненныхъ. Многіе же возвышены и превыспренны, хотя стоятъ и внизу, и таковы тѣ, которыхъ высоко ставятъ добродѣтель и дѣлаетъ достойными высшихъ степеней начальства. Но что мнѣ до этого? Не съ нами уже великій Олимпій, не держитъ уже у насъ кормила. Мы погублены, выданы, стали на будущее время второю Каппадокіею, тогда какъ при тебѣ были первою. Нужно ли и говорить что о другомъ? Но кто будетъ лелѣять старость твоего Григорія, кто уврачуешь немощь почтительностію, и содѣлаешь меня еще болѣе почтеннымъ за то, что многимъ могъ я исходатайствовать твое человеколюбіе? Теперь иди отъ насъ въ путь свой, съ лучшимъ путеводствомъ и сопровожденіемъ, намъ оставивъ много слезъ, а съ собою унося великое богатство — добрую славу, какую уносили не многіе изъ начальствующихъ, и то, что ты написанъ у всякаго на душѣ — на этомъ незыблемомъ столпѣ. А если опять возвратишься къ намъ на высшей и блистательнѣйшей степени начальства, о чемъ прорицаетъ намъ наша лю-

бовъ ; то, безъ сомнѣнія, принесемъ Богу совершеннѣйшее благодареніе.

168. КЪ ГРИГОРІЮ АРХОНТУ (44).

Сего преемника Олимпіева привѣтствуетъ со вступленіемъ въ должность, и проситъ милости его Никовулу младшему съ братьями и съ матерью, которая осталась вдовою по смерти Никовула старшаго (384 г.).

Не хвалю Исіода, что занимающихся однимъ ремесломъ называетъ противниками по ремеслу, говоря : « и горшечникъ косо смотритъ на горшечника, и плотникъ на плотника » (а). Ибо, по моему мнѣнію, не столько ненавидятъ они другъ друга, сколько бѣгутъ другъ къ другу; взаимно лобзаются и обнимаются, какъ родные. А пѣвецъ къ пѣвцу тѣмъ паче бѣжитъ, что ихъ занимаетъ одинъ предметъ—слово. Такое же влеченіе и я чувствую къ твоей учености. Если бы тѣло мое было въ такомъ состояніи, что могло бы служить душевнымъ стремленіямъ; то никто не предупредилъ бы меня въ томъ, чтобы прійти, обнять тебя и привѣтствовать со вступленіемъ въ должность. Но на солнце набрасываетъ тѣнь облако, а на меня—болѣзнь, и эта завистливая плоть и моя темница. Вмѣсто посѣщенія моего, не пріймешь ли отъ меня этого письма? Конечно, пріймешь, какъ человѣкъ образованный и снисходительный; вѣрно знаю это, а не

(а) *Ἰσιόδω ἐργὰ καὶ ἡμέραι*, стран. 15.

по догадкамъ сужу. А чтобы знать тебѣ, сколько полагаюсь на твою правоту ; вотъ предлагаю тебѣ и просьбу для меня весьма нужную, и у твоей дружбы прошу помощи друзьямъ. Съ рукъ на руки передаю тебѣ моего Никовула съ братьями, не съ тѣмъ, чтобы подвергся онъ суду, но чтобы получилъ удовлетвореніе на судѣ. Передаю и мать ихъ, престарѣлую вдову, и домъ нѣкогда славный и видный, пока былъ живъ много значившій для насъ Никовулъ, а теперь не имѣющій свободы и плакать, по причинѣ бѣдствій уже постигшихъ и ожидаемыхъ , если не будетъ благоугодно тебѣ - и твоему правосудію стать вопреки лукавому демону, почитать меня, уважить челоуѣчество, и положить для себя самого блистательное начало оказаннымъ намъ благодѣяніемъ.

169. КЪ ЕКИВОЛШО (45).

О томъ же просить сего Григоріева чиновника.

Сѣтующему извинительно говорить, что свойственно сѣтующимъ ; и я возопію самъ на себя : « О лукавая и злонаправная плоть , что ты со мною дѣлаешь , сколько причиняешь мнѣ бѣдъ ! Близко челоуѣкъ , за которымъ , если бы и далеко онъ былъ, необходимо было бы слѣдовать , ради начальственной его доблести и во всемъ прочемъ кротости. А ты больна , почти недвижима , и не берешь во вниманіе, что другіе пользуются благомъ, котораго я лишаюсь. » Такова моя жалоба. Но поелику недостаточно оплать мнѣ только свои страданія , а

нужно и какое нибудь врачевство ранамъ ; то изобрѣтаю и это, осмѣливаюсь на сіе нисмо , и имъ замѣняю нѣсколько свиданіе съ тобою. А если ты, обильно источающій добро, ищешь случая и мнѣ сдѣлать благодѣяніе; то смѣлю представляю тебѣ достойный жалости и челоувѣколюбія домъ,—вдову и сиротъ еще съ неостывшими на глазахъ слезами , разумѣю сестру мою (а) и дѣтей ея ; у нихъ былъ добрый отецъ , который много служилъ царямъ съ оружіемъ въ рукахъ , и притомъ не безславно, но съ великою честью, а много также оказывалъ услугъ и вамъ начальствующимъ, если знаешь имя Никовула. Но теперь они въ опасности подвергнуться самымъ затруднительнымъ обстоятельствамъ. Ибо послѣ объявленія друзей и послѣ клятвъ, какія дали они при допросѣ, теперь опять намѣреваются вредить сиротамъ.

170. КЪ НЕКТАРІЮ (52).

Просить о скорѣйшемъ окончаніи дѣла его племянницы.

Что бы сдѣлалъ ты , если бы самъ я лично имѣлъ дѣло ? Какъ очевидно, приложилъ бы все свое стараніе, избавить меня отъ обиды , если заключать о семъ по предшествовавшему. Ту же милость окажи мнѣ и теперь въ лицѣ благонравнѣйшей моей племянницы , которая ,

(а) Алипіана , супруга Никовула старшаго , какъ видно, изъ предыдущихъ писемъ , была племянница св. Григорію.

при посредствѣ моемъ, сама припадаетъ къ тебѣ; уважь возрастъ просительницы, уважь ея нравы и благоговѣніе, чѣмъ не похожа она на многихъ женщинъ, сверхъ сего уважь ея женскую неопытность въ дѣлахъ и то, что имѣетъ теперь дѣло съ своими, а болѣе всего уважь мое прошеніе. Самая большая для нее милость—скорость благодѣянія, о которомъ прошу. Ибо и неправедный, въ Евангеліи упоминаемый, судія оказалъ вдовѣ человеколюбіе, но оказалъ послѣ долговременной и неотступной просьбы. А васъ проситъ она о скорости, чтобы не томиться ей долго заботами и невыгодами жизни на чужой сторонѣ, хотя всего болѣе и ясно знаю, что твое богочестіе и чужую сторону сдѣлаетъ для нея своею.

171. КЪ ПРОКОПИЮ (57).

Извиняется, по чему не былъ на бракъ Олимпіады, дочери Проконіевой.

Знаю твои обвиненія, хотя и молчишь. Вѣрно говоришь: «вотъ мы праздновали бракъ (бракъ золотой и твоей Олимпіады), у насъ было много Епископовъ; а ты, доблій мужъ, не былъ у насъ, или не удостоивая насъ своего присутствія, или потому, что полѣнился». Ни то, ни другое, чудный мой. Но думаю, что, у кого дѣла въ печальномъ положеніи, тому не возможно праздновать весело;—и притомъ совершенно не кстати на свадебномъ пиру носить двоихъ больныхъ ногами и видѣть ихъ смѣющимися среди скачущихъ, чтобы и по шу-

Зрн

титъ у тебя нѣсколько по брачному. А желаніемъ своимъ я у тебя, и праздную съ тобою ; руки молодыхъ твоихъ слагаю одну съ другою, и обѣ влагаю въ десницу Божию. Ибо какъ у тебя все иное благополучно, такъ слѣдуетъ, чтобъ и супружество это вело ко всему наилучшему, и соответствовало общимъ нашимъ желаніямъ.

172. КЪ НЕМУ ЖЕ (58).

Поздравляетъ его съ замужствомъ другой его дочери.

Вотъ у тебя и другой зять ; и прекрасно дѣлаешь , что слагаешь съ себя это пріятное бремя. А я лѣнивъ (скажешь, можетъ быть, о мнѣ самъ въ себѣ); справедливѣе же будетъ сказать : я боленъ, а не лѣнивъ. По крайней мѣрѣ у насъ въ добромъ состояніи то, что отъ Бога (а). Потому что мятежи уступимъ другимъ, а сами будемъ наслаждаться любомудріемъ , когда заключишься ты въ Богъ и совершенно преселишься горѣ , не удерживаемый никакими узами. А теперь , если въ даръ браку должно принести , что всего лучше , приношу свои молитвы.

(а) Т. е. душа, которая есть дыханіе Божіе.

173. КЪ НЕМУ ЖЕ (158).

По причинѣ тяжелой болѣзни не имѣя возможности видѣться съ нимъ лично, просить чрезъ письмо оказать великодушіе діакону Евгенію.

Если бы не такъ худо было тѣлесное мое здоровье , и не былъ я въ опасности отчаяваться въ самой жизни ; то первую и важнѣйшею для себя выгодою почелъ бы я видѣться съ тобою, быть у тебя, самому лично представить эту просьбу. Но поелику не поднимаю головы, совершенно связанный болѣзнію , и противъ воли лишень возможности исполнить свое желаніе ; то принимаюсь за второе средство , и обращаюсь къ тебѣ съ письмомъ ; имъ привѣтствую и лобызаю тебя, имъ осмѣливаюсь просить о діаконѣ нашелъ Евгеніи , за котораго взываю къ твоему великодушію. Если знакомство съ негоднымъ Ригіаномъ еще не преступленіе , а въ другомъ ни въ чемъ, кажется, онъ невиновенъ ; то ради самого правосудія, котораго ты опора и защитникъ , а если и это считаешь преступленіемъ, то ради Бога, Которому онъ предстоитъ, и ради моей сѣдины , которая , какъ извѣстно тебѣ, уважаема многими боящимися Господа, умоляю тебя, окажи эту милость и мнѣ и всему клиру, и освободивъ сего человѣка отъ напасти, содѣлай, чтобъ имѣть тебѣ добрую надежду у Бога. Въ замѣнъ же сдѣланнаго тобою получишь не меньшее что нибудь (если не много будетъ такъ сказать)—мои молитвы.

174. КЪ ФИЛАГРІЮ (41).

Какъ человеку, испытанному въ терпѣніи тѣлесными болѣзнями,
отдастъ на судъ собственное свое терпѣніе.

Здѣ» Каково твое тѣлесное здоровье? Или, конечно, для
тебя не велика важность, каково бы оно ни было? О
душѣ же спрашивать не буду, здорова ли она? Ибо
знаю, что здравіе ея прекрасно; потому что тѣлес-
ными болѣзнями приученъ ты къ благородному любо-
мудрію, принимая ихъ, какъ испытаніе добродѣтели,
а не какъ вещественное разстройство; почему для
тебя болѣе блаженства—злострадать, нежели для иныхъ
— наслаждаться здоровьемъ. — Дай же и это достаточ-
ное доказательство своего любомудрія, прикажи и мнѣ
быть такимъ же въ такихъ же обстоятельствахъ. О
семъ хотя осмѣливаюсь писать другимъ, однако же
подвергнуть себя въ томъ твоему суду признаю не
безопаснымъ; впрочемъ попытаюсь не противорѣчить,
если ты прикажешь.

175. КЪ НЕМУ ЖЕ (64).

Хвалить его за терпѣніе, и представляетъ примѣры терпѣнія у
язычниковъ.

Хорошо, что любомудрствуешь въ страданіяхъ, и для многихъ служишь примѣромъ терпѣнія въ скорбяхъ. Какъ для всего наилучшаго пользовался ты тѣлесными орудіями, когда былъ здоровъ, такъ и теперь прекрасно ими пользуешься, хотя сталъ боленъ, и скажу такъ : въ самомъ бездѣйствіи не остаешься бездѣйственнымъ ; потому что любомудрствуешь, и что, какъ сказываютъ, наименовалъ такимъ именемъ Діогенъ, страдая однажды горячкою и терпѣливо перенося болѣзнь, то и самъ ты даешь намъ видѣть, т. е. борьбу души съ тѣломъ. Такъ и прилично было моему Филагрію, — не ослабѣвать и не изнемогать въ страданіи, но презрѣть персть ; и предоставить тѣлу терпѣть, что свойственно ему, непременно, по закону естества, или теперь, или въ послѣдствіи, имѣющему разрушиться, потому что оно умретъ изнуренное или болѣзнію, или временемъ ; а самому возвышаться душою, возноситься мыслями къ Богу, и знать, что было бы несообразно любомудрствовать намъ внѣ опасностей, оказываться же нелюбомудрыми въ нуждахъ, и измѣнять своему обѣщанію. Все исчерпалъ ты умомъ своимъ, все наше, и все чужое, какъ человѣкъ изучившій то и другое, и какъ наставникъ другихъ, и изъ всего собралъ себѣ врачевство для человѣчества. Но если прикажешь и мнѣ полюбомудрствовать съ тобою нѣсколько; то не хвалю ограниченности понятія у Аристотеля, который, опредѣляя наше блаженство, прямымъ пока идетъ путемъ,

когда утверждаетъ, что оно есть согласное съ добродѣ-
 телію дѣйствованіе души, и даже, когда прибавляетъ :
 дѣйствованіе въ совершенной жизни (и въ этомъ по-
 ступаетъ весьма премудро, по причинѣ превратности и
 измѣнчивости нашего естества); но уже перестаетъ быть
 возвышеннымъ, и дѣлается крайне низкимъ, когда при-
 совокупляетъ, что блаженство есть и внѣшнее изобиліе.
 Почему, если кто бѣденъ, или боленъ, или безроденъ,
 или изгнанъ изъ отечества, тому воспрещено уже бла-
 женство. Хвалю же благородство и высоту мыслей у
 Стоиковъ, которые говорятъ, что внѣшнее ни мало не
 препятствуетъ блаженству, и что человѣкъ доблестный
 блаженъ, хотя бы жгли его въ Фаларидовомъ быкѣ. А
 3^{ра} посему, какъ дивлюсь тѣмъ, которые у насъ шли на опа-
 сности за дѣло прекрасное, или мужественно переносили
 бѣдствія ; такъ дивлюсь и тѣмъ изъ внѣшнихъ, которые
 близко подходили къ нашимъ, каковы, не говоря о
 многихъ, Анаксархъ, Епиктетъ, Сократъ. Анаксархъ, ко-
 гда по повелѣнію мучителя толкли у него руки въ ступѣ,
 приказывалъ исполнителямъ этого выколачивать Анаксар-
 ховъ мѣшокъ, называя такимъ именемъ жалкую нашу
 плоть, какъ будто удары не касались самого Анаксарха,
 т. е. души философа (и у насъ это различается наиме-
 нованіями внѣшняго и внутренняго человѣка). Епиктетъ,
 когда у него вытягивали и вывертывали ногу, любомудр-
 ствовалъ, какъ будто въ чужомъ тѣлѣ, и скорѣе пере-
 ломили ему ногу, нежели замѣтили, что онъ почувство-
 валь насиліе. А Сократъ, осужденный на смерть Аѣи-
 ниянами, и живя, какъ извѣстно, въ темницѣ, сперва бесѣ-
 довалъ съ учениками о тѣлѣ, какъ о другой темницѣ,
 и когда могъ бѣжать, отказался отъ сего ; а потомъ,
 когда поднесена ему была цикута, принялъ ядъ съ боль-

шимъ удовольствіемъ, какъ не смертный напитокъ, но заздравную вкушая чашу.—Присовокупилъ бы я къ нимъ и нашего Іова, если бы не зналъ, что самъ ты, при Божіей помощи, и теперь не далекъ отъ его страданій, и впредь не будешь далекимъ. Этимъ-то, какъ думаю, успокоивая и врачуя себя, о божественная и священная глава, и самъ ты для себя облегчаешь страданія, и насъ веселишь исполненныхъ къ тебѣ удивленія и любви, не ослабѣвая въ болѣзни, и не соблажняясь, какъ говорить божественный Давидъ, *миромъ грѣшниковъ* (Пс. 72, 3.) и счастливымъ теченіемъ настоящей ихъ жизни, но очищаясь страданіями, если позволено сказать это о тебѣ, и немощь обращая въ средство къ добродѣтели.

176. КЪ НЕМУ ЖЕ (66).

Припоминаетъ свиданіе свое съ нимъ въ Матазѣ и бесѣду при чтеніи 72-го Псалма.

Помню наше съ тобою свиданіе, когда въ послѣдній разъ были мы вмѣстѣ въ моей Матазѣ,—ибо своимъ называю и почитаю твое,—помню и любомудріе твое, которому ты предался тогда, о которомъ воспоминаю даже и теперь прихожу въ трепетъ. Я (такъ самъ ты приказалъ, и противорѣчить тебѣ было невозможно) объяснялъ тебѣ семьдесятъ второй Псаломъ, въ которомъ Давидъ приходитъ въ недоумѣніе и негодованіе, видя благоденствіе людей злыхъ, и потомъ обращая мысль свою къ

тамошнимъ судилищамъ и къ ожидающему воздаянію за дѣла здѣшней жизни, такимъ образомъ останавливается въ своемъ смущеніи и уврачевывается скорбь. Сколько возможно было, наклонялъ я толкованіе свое къ твоему страданію, заимствуя мысли и изъ нашихъ и изъ внѣшнихъ писаній, потому что бесѣдовалъ съ человѣкомъ ученымъ и опытнымъ; притомъ такіа разсужденія внушала Духъ, и поощряла къ нимъ скорбь, которая всего изобрѣтательнѣе. Рѣчь у насъ текла; вдругъ ты среди разговора, какъ будто бы получивъ ударъ, встаешь, поднимаешь къ небу руки, и обративъ взоръ къ востоку, потому что туда открытъ былъ видъ, взываешь: «благодарю Тебя, Отецъ и Создатель Твоихъ человѣковъ, что противъ воли нашей благотворишь намъ, чрезъ внѣшняго человека очищаешь внутренняго, и посредствомъ несчастій приводишь насъ къ блаженному концу Тебѣ одному извѣстными средствами!» — И повторять ли мнѣ всѣ тѣ любомудренныя разсужденія, на какія ты навелъ меня, и какія дѣлалъ самъ, какъ бы радуясь своей болѣзни? Тогда учитель становился твоимъ ученикомъ. Но къ чему упомянуть я о семъ? Одно всѣмъ вошю и проповѣдую чрезъ тебя, а именно: Намъ болѣе должно оплакивать людей порочныхъ за ихъ внутреннюю болѣзнь, — нежели имъ насъ, когда боленъ нашъ внѣшній человѣкъ; и болѣзнь любомудренная лучше не обузданнаго благоденствія.

177. КЪ НЕМУ ЖЕ (67).

Просить не обращать вниманія на тѣхъ, которые укоряють его, что, при разстройствѣ тѣлеснаго здоровья, остается трудолюбивымъ.

Укоряють тебя иные, какъ догадываюсь, что любишь украшать единственное свое достояніе, и при такомъ тѣлесномъ состояніи не покидаешь трудовъ. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго; потому что легче любомудрствовать о чужихъ дѣлахъ, нежели о собственныхъ своихъ. — А я, если бы увидѣлъ, что преступаешь въ этомъ мѣру, предаваясь трудолюбію или изъ корысти, или насильственно, то, сказать правду, побранилъ бы тебя, не устыдясь ни дружбы, ни учености. Если же любишь труды, но не сверхъ мѣры, и надъ чѣмъ трудишься, тѣмъ пользуешься, какъ должно, а присоединяется къ этому и болѣзнь, которая не даетъ тебѣ покоя и среди заботъ, и увѣряешь, что и тѣлесное для тебя выше тѣла: то не могу не побранить тѣхъ, которые тебя бранятъ, а тебя не освободить отъ обвиненія. И сверхъ того самъ себя увѣряю, что, какъ о дѣлахъ твоихъ никто не разсудитъ лучше тебя,—потому что всякой и въ своихъ дѣлахъ, и наединѣ и всенародно, тебя же беретъ себѣ въ учителя и совѣтники,—такъ никто съ большимъ любомудріемъ не позаботится о душѣ. Если же охранять и возстановлять тѣлесное здоровье есть дѣло одного врачебнаго искусства; кто будетъ такъ дерзокъ и невѣжественъ, чтобы въ этомъ сталъ тебѣ предписывать правила? Поэтому не обращай вниманія на людей, и предоставь имъ быть гал-

Зрн

—

ками, которыя даютъ судъ о полетѣ орловъ, а самъ себя самого и Бога имѣй совѣтникомъ о болѣзни и о томъ, что касается до болѣзни; и не погрѣшишь противъ долга.

178. КЪ НЕМУ ЖЕ (68).

Извѣщаетъ о крайнемъ разстройствѣ своего здоровья.

Прежде я писалъ тебѣ утѣшительныя въ болѣзни письма, потому что ты первый впалъ въ болѣзнь; а теперь, кажется, тебѣ уже надобно утѣшать меня, который почти равно съ тобою страдаю; потому что мы, будучи друзьями, и въ этомъ не должны расходиться. Но лучше сказать, ты уже подалъ утѣшеніе, своимъ терпѣніемъ и меня увѣщавая къ терпѣнію.

179. КЪ НЕМУ ЖЕ (69).

О томъ, чѣмъ утѣшается, страдая въ болѣзняхъ.

Страдаю отъ болѣзни, и радуюсь, не тому, что страдаю, но тому, что могу быть учителемъ въ терпѣніи для другихъ. Ибо когда не могу сдѣлать, чтобы не страдать, приобретаю страданіемъ то, что переношу его, и благодарю какъ въ радостяхъ, такъ и въ скорбяхъ, бу-

лучи увѣренъ, что все, случающееся съ нами, у Слова не безъ разумной причины, хотя намъ и кажется, что нѣтъ такой причины.

180. КЪ НЕМУ ЖЕ (70).

Укрѣпляетъ своими совѣтами въ подвигъ терпѣнія, и изъ двухъ просимыхъ книгъ посылаетъ одну — Димосеена, отказывается въ другой — Илиадъ, потому что не нашелъ у себя.

Что прискорбно для тебя, то, конечно, прискорбно и для меня; потому что, какъ и уставъ дружбы требуетъ, дѣлаемъ общимъ все, что ни есть у друзей, хорошо ли оно, или худо. Впрочемъ, если полюбомудрствовать объ этомъ нѣсколько и побесѣдовать съ тобою, какъ должно, что, конечно, внушаетъ и самый законъ дружбы, то не желаю и не признаю хорошимъ, чтобы ты, будучи Филагриемъ, и отлично изучивъ божественное, потерпѣлъ въ этомъ то же, что и многіе терпятъ, то есть, изнемогъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и сталъ оплакивать свое злостраданіе, какъ безутѣшное. Напротивъ того желаю, чтобы ты и въ самомъ страданіи любомудрствовалъ, теперь-то особенно очистилъ свою мысль, показалъ, что ты выше узъ, и считаешь болѣзнь наставленіемъ въ полезномъ, а это значить, что презираешь тѣло и все тѣлесное, все, что скоротечно, непостоянно, и скорогибнуще, всецѣло предаешься горнему, вмѣсто настоящаго живешь будущимъ, обращая здѣшнюю жизнь, какъ говоритъ Платонъ, въ помышленіе о смерти, и по мѣрѣ силъ отрѣшая душу

отъ тѣла, или, говоря по Платонову, отъ гроба. Если такъ любомудрствуешь, и такое имѣешь расположеніе духа, превосходный мой; то и самъ себѣ окажешь весьма великую пользу, и у насъ отнимешь причину скорбѣть о тебѣ, и многихъ научишь любомудрствовать въ страданіяхъ, а сверхъ того не малую получишь выгоду (если объ этомъ заботишься сколько нибудь), заставивъ всѣхъ удивляться тебѣ. Изъ книгъ, которыхъ просилъ ты, одну нашелъ я, и охотно послалъ къ тебѣ; именно же сочиненія Димосееновы, а другой, тобою требуемой, т. е. Иліады, не могъ послать, не имѣя у себя. Ибо будь увѣренъ, что тѣмъ только и могу услаждаться, и то одно почитаю для себя прекрасною собственностію, въ чемъ и ты можешь участвовать, и пользоваться этимъ, какъ своею собственностію.

181. ЛОЛМАНУ (195).

Привѣтствуетъ его съ возвращеніемъ, и проситъ дружественнаго расположенія къ Елладію и Евлалію, племянникамъ св. Григоріа.

Хорошо, что возвращаешься къ намъ, хотя и чрезъ долгое время; впрочемъ и того еще лучше, что дѣла твои текутъ по желанію, и ты избавилъ меня отъ заботъ о тебѣ; потому что у насъ съ тобою все общее, — и печали и радости: таково свойство дружбы. А поелику возвратился ты, то и друзьямъ своимъ удѣли своего счастья, какъ говоритъ нѣкто; удѣлишь же, если какъ во

всемъ прочемъ на государей, двоюродныхъ моихъ братьевъ, Елладія и Евлалія, соблаговолишь воззрѣть дружелюбно (дружелюбнымъ же воззрѣніемъ, называю, если не считаешь насъ для себя сторонними ; потому что больше этого и сказать ничего не умѣю), такъ не потерпишь, чтобы они имѣли нужду въ другихъ покровителяхъ, но самъ будешь для нихъ всѣмъ, и добрымъ другомъ, и честнымъ сосѣдомъ, и мужественнымъ заступникомъ, и не перечисляя всего порознь, благороднымъ Лоліаномъ, извѣстнымъ по своей правотѣ. Обѣщаю же, что, если долѣе побесѣдуешь съ ними и 'увидишь высоту ихъ Любомудрія, то самъ станешь ходатайствовать за нихъ предъ другими. Столько полагаюсь на твой нравъ, и такъ много имѣю надеждъ въ томъ, что не останется безъ исполненія, о чемъ я просилъ !

182. КЪ ГРИГОРІЮ НИССКОМУ (95).

Соболезнуешь о смерти Θεοσεβία, которую называетъ сестрою Нисскаго и сожительницею іерея; о себѣ же уведомляетъ, что ѣхалъ для свиданія съ нимъ, но въ Евфиміадѣ задержанъ празднествомъ въ честь мучениковъ (385 г.).

Со всѣмъ тщаніемъ поспѣшавшаго къ вамъ и достигшаго уже Евфиміады задержало меня собраніе, которое совершаете въ это время въ честь святыхъ мучениковъ; потому что, какъ участвовать въ немъ не могъ я по болѣзни, такъ не хотѣлъ быть и вамъ въ тягость неблаговременнымъ прибытіемъ. Спѣшилъ же къ тебѣ, чтобы по-

видаться съ тобою послѣ такого долгаго времени, и что-бы вмѣстѣ подивиться твоему терпѣнію и любомудрію, какое, слышу, по преставленіи святой и блаженной сестры вашей соблюдаешь ты, какъ мужъ благій, совершенный, предстоящій Богу, болѣе всѣхъ въѣдущій и Божественное и человѣческое, и признающій весьма легкимъ то самое, что для другихъ въ подобныхъ случаяхъ всего тяжелѣе т. е. жить вмѣстѣ съ такою сестрою и препроводить ее отъ себя, вмѣстѣ въ безопасныя обители, скажу словами божественнаго Писанія, *якоже стогъ гумна во время свезенный* (Іов. 5, 26.), когда она, хотя вкусила пріятностей жизни, однако же по самому возрасту избѣжала скорбей, и прежде нежели оплакала тебя, почтена отъ тебя прекраснымъ погребеніемъ, какое и должно быть подобнымъ женамъ. Но и самъ я, повѣрь мнѣ въ этомъ, желаю преставленія, если не въ одной мѣрѣ съ вами (этого сказать о себѣ много), то не много меньше васъ. Но что же намъ дѣлать противъ Божія закона, издревле превозмогающаго, который похитилъ мою Θεοσεвію,—ибо живушую по Богу называю своею, потому что духовное родство выше тѣлеснаго,—Θεοσεвію, похваленіе Церкви, украшеніе Христова, потребность нашего вѣка, дерзновеніе женъ,—Θεοσεвію, и при таковой красотѣ братьевъ отличавшуюся благообразіемъ и лѣпотою,—Θεοσεвію дѣйствительно священную, сожительницу іерея, ему равночестную и достойную великихъ таинствъ,—Θεοσεвію, о которой память и будущее время найдетъ сохранившеюся на безсмертныхъ столпахъ, т. е. въ душахъ всѣхъ тѣхъ, кто донинѣ ее зналъ, и кто узнаетъ въ послѣдствіи? И не дивись, если многократно повторяю ея имя; потому что наслаждаюсь воспоминаніемъ о блаженной. И таково мое ей надгробное, а тебѣ утѣшитель-

ное, слово, которое въ не многомъ заключаетъ многое ! Утѣшительное тебѣ, хотя самъ, по своему во всемъ любомудрію, можешь и другимъ подавать совѣты въ подобныхъ случаяхъ. А свиданія съ тобою, котораго я желалъ, теперь лишаюсь, по сказанной выше причинѣ. Но соединимъ свои молитвы, пока еще остаемся на землѣ, и да сопряжетъ насъ общій конецъ, къ которому приближаемся. Потому и необходимо намъ все переносить, какъ не долго уже имѣющимъ и веселиться и скорбѣть.

183. КЪ КАСТОРУ (94).

Жалуется на болѣзнь свою, и проситъ скорѣе возвратить къ нему общую ихъ сестру.

Чужая страна, какъ видно, для меня добрѣе, нежели отечество. Ибо одна дала мнѣ насладиться твоею дружбою, а другое не надѣлило ничѣмъ подобнымъ. А причиною этому болѣзнь, которая держитъ меня на привязи, и для многаго дѣлаетъ неудободвижнымъ, или, говоря правду, совсѣмъ неподвижнымъ. Почему потерю сію, хотя со скорбію, однако же перенесу. Да и чего горестнаго не переноситъ человѣкъ ? Ты только будь здоровъ и благоуспѣшенъ въ дѣлахъ своихъ ; и въ Божіей рукѣ да соблюдется все твое; а оно соблюдется, если искренно емлешься за Бога. Но госпожу общую нашу сестру соблаговоли, какъ можно, скорѣе отослать ко мнѣ, какъ общую опору и благочестивыхъ и моей немощи. Иначе много буду жаловаться на твою Сакердотиду, отъ ко-

торой терплю эту потерю, и назову ее собственнымъ ея именемъ; а какимъ, узнаешь, спросивъ у самой.

184. КЪ НЕМЕСІЮ (183).

Просить сего правителя Каппадокіа избавить отъ пени одного своего родственника Валентиніана (386 г.).

Иные хвалятъ Пифагора самосскаго, что, когда должно ему было совершить жертву, принесъ онъ въ жертву глинянаго быка, потому что не одобрялъ другихъ жертвоприношеній, и говорилъ, что не надобно мертвыми очищать мертваго, — такъ называя тѣло. Ему и ты, чудный, прекрасно подражаешь. Поелику же у тебя запрещено налагать пени, и одинъ ты, или весьма съ не многими изъ начальниковъ, вселилъ въ подчиненныхъ безубыточный страхъ: то не введи въ убытокъ также твоего и моего Валентиніана; потому что прошу за родственника; но на словахъ погрозивъ взысканіемъ, не допусти до дѣйствительнаго убытка; потому что и наказанію подвергается, если должно осмѣлиться это сказать, не за собственную свою безпечность. Поэтому, если убѣждаю тебя, какъ судью, то это лучше всего. А если нѣтъ, то прибѣгну къ тебѣ, какъ къ другу. И то же скажу твоей учености, что, говорятъ, писалъ нѣкто къ своему другу: «такого-то, если ничего не сдѣлалъ онъ худаго, прости ради самой правды, а если сдѣлалъ, прости ради нашей дружбы.» Но во всякомъ случаѣ прости, сверхъ прочаго разсудивъ и то, что къ общественному достоянію не много прибавить взысканіе двухъ коней; а у насъ эта милость

напишется на сердцахъ. Присовокуплю и то : помоги въ несчастіи человѣку, сильно сокрушенному этимъ происшествіемъ.

185. КЪ НЕМУ ЖЕ (184).

Изъявляетъ желаніе имѣть съ нимъ свиданіе , чтобъ продолжать прежнюю бесѣду о христіанствѣ.

Хотя ты сдѣлалъ, что и самое правленіе твое у насъ есть любомудріе , а знаю , что и впредь такъ будешь дѣлать, если Богъ печется о насъ сколько нибудь ; однако же всего лучше было свидѣться съ тобою мнѣ теперь, когда свободенъ ты отъ дѣлъ общественныхъ , и когда въ тишинѣ можно насладиться твоимъ умомъ , котораго имѣю не многіе слѣды , какъ молніи не удержимой взоромъ , а большей части еще не извѣдалъ. Но сколько пожелать этого важно , столько получить сіе не легко при такомъ состояніи тѣла, каково у меня. А потому , если и этого сподоблюсь, буду имѣть у себя все ; потому что ты остаешься у меня въ долгу однимъ свиданіемъ, по обѣщанію продолжить бесѣду о нашемъ ученіи, которую оставилъ когда-то неконченною. А если не удастся мнѣ сіе, то самъ я противъ воли понесу потерю. Впрочемъ знай, что всегда ты съ нами, гдѣ бы ни былъ; и желаемъ , чтобы путеводили тебя наши молитвы ! Знай также, что пока дышимъ, всегда будешь съ нами; потому что самъ ты начерталъ себя въ насъ , которые не малоцѣннѣе какого нибудь столпа ; и еще глубже начертаешь , когда станешь Божіимъ и явно нашимъ ,

или, если пріятнѣе для тебя сказать это, когда мы станемъ твоими.

186. КЪ НЕМУ ЖЕ (185).

Изъявляетъ сожалѣніе, что не видѣлся съ нимъ во время его пріезда.

Что значить? Ты проходишь мимо, а я не зналъ, и такъ же не могъ уловить тебя, какъ неуловимо эхо для тѣхъ, которые думаютъ, что оно къ нимъ близко, и обманываются отголосками. Иначе въ этомъ одномъ поступилъ бы я съ тобою властительно. Но, по крайней мѣрѣ, чудный мой, пришли мнѣ письмо; хотя это буду имѣть вмѣсто тебя, то есть, какъ говорится, вмѣсто тѣла—тѣнь.

187. КЪ НЕМУ ЖЕ (79).

Ходатайствуетъ за какого-то Θεодосіа.

Если кажусь для тебя неучтивымъ, потому что часто пишу; то не подивись, если возопію на тебя праведному Судіи; и знаю, что простишь мнѣ вину. Самъ ты виновенъ въ моей смѣлости, усерднымъ исполненіемъ моихъ просьбъ вызывая на новыя просьбы. И сіе нисколько не удивительно. Ибо много во мнѣ такого, для чего охотно дѣлаешь милость,—моя старость, болѣзнь, общее занятіе науками (если въ наукахъ и я что нибудь значу), даже

то самое, что желаніе мое свидѣться съ тобою встрѣчаетъ препятствіе въ болѣзни, и не успѣваетъ въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но какая моя просьба? Если бы она была несправедлива, то постыдился бы я такого мужа; а если справедлива, охотно склонись на нее. Опять приходитъ къ тебѣ почтеннѣйшій сынъ нашъ Θεодосій, вмѣстѣ мой и твой, мой по намѣренію, а твой какъ проситель,—приходитъ къ тебѣ съ прошеніемъ о дѣлѣ достойномъ сожалѣнія. Сироты бѣдствуютъ; и какъ о дѣлахъ человѣческихъ среди теченія ихъ не извѣстно, чѣмъ окончатся, и боимся, чтобъ не подвергся изгнанію отецъ, который облегчалъ сиротство многихъ; то всѣмъ окажи одну милость. Прости руку помощи къ несчастію, которое бы самъ ты уважилъ. Хотя правленіе твое не имѣетъ нужды въ какомъ либо приращеніи доброй славы, какъ утренняя заря въ свѣтлости; однако же, если бы пожелать ты какого приращенія, то будь увѣренъ, что никакое не можетъ быть больше и славнѣе того, чтобы многіе любящіе говорить правду узнали твою правоту.

188. КЪ АДЕЛФІЮ (128 и 223).

Поощряетъ его къ внутренней жизни.

Пусть такъ (а)! Первое у насъ сдѣлано, и очень хорошо; оба хвалимъ добродѣтель, стремимся къ Богу,

(а) Послѣ слова *ἵνα* (пусть такъ!) въ письмѣ 128 у Виллія есть вставка, очевидно, сдѣланная какимъ либо схолиастомъ,

не привязываемся къ дольному—потому что въ немъ нѣтъ совершенной необходимости, — лобызаемъ лучшее и божественнѣйшее дружество, дали другъ другу руки и вѣримъ одинъ другому. А теперь попрошу уже тебя и о томъ, что составляетъ второе условіе дружбы, назначавъ слово Богомъ, и при помощи Его приступивъ къ дѣлу, такъ какъ Его избрали мы для себя Покровителемъ всякаго слова и дѣла. Если же такой важный предметъ повѣряю письму, то не дивись сему; потому что твоя правота, простота и благородство твоихъ нравовъ, какіе рѣдко и у не многихъ можно найти, всего болѣе ободрили меня осмѣлиться на доброе дѣло. Притомъ не все довѣряю письму; я не такъ невѣжественъ, не дѣлаю великихъ дѣлъ слегка, и требующаго вниманія—кое-какъ. Но теперь, какъ говорить Пиндаръ, поставимъ золотые столпы въ благоустроенномъ преддверіи чертога, въ послѣдствіи же времени, если дастъ Богъ, своими руками соорудимъ достойный удивленія чертогъ, къ слову, какъ говорится, приложимъ и дѣло. Къ тебѣ приходитъ много людей знатнаго рода. Ибо я увѣренъ, что приходящихъ много. Кто же не любитъ тебя и твоего сообщества? Приходятъ многіе изъ людей весьма надменныхъ, выставляя на видъ деньги, родство, друзей, могущество свое въ городахъ, могущество при Дворѣ, и все, что служить игралищемъ причудливой превратности и времени, и выпадаетъ то тѣмъ, то другимъ, подобно различнымъ положеніямъ зерна, то такъ то иначе и перекидываемое и переворачиваемое. Я вмѣсто всего этого предлагаю тебѣ одно—

ибо заключаетъ въ себѣ словесное изъясненіе сего реченія. Сей вставки нѣтъ въ письмѣ 223; почему и въ переводъ она не выпущена.

себя самого, и отъ тебя требую, въ замѣнъ всего, одного же—тебя самого. Поэтому, хотя ты лучший изъ лучшихъ (уступаю тебѣ это; потому что и сіе—наше дѣло); но (да будетъ это сказано съ Богомъ) не превзойдешь меня въ одномъ—въ вѣрности и въ искренности дружбы. А это человѣку разумному надобно уважать больше, нежели все прочее въ совокупности. Сего достаточно для твоего совершенства. И это, можетъ быть, превосходить мѣру письма. Наконецъ пожелаю чего нибудь себѣ и тебѣ. Богъ, Который и сіе и все прочее устрояетъ для любящихъ Его, Самъ да вложитъ тебѣ въ умъ, что лучше и полезнѣе для тебя и для меня, особенно, когда разсуждаемъ сами съ собою о такихъ предметахъ!

189. КЪ НЕМУ ЖЕ (129).

Извиняется, что не былъ въ Навилахъ и на Соборѣ.

Сына не безчестятъ; но и отца не лишаютъ довѣрія. Поэтому не лиши довѣрія и меня, который оправдываюсь, что быть въ Навилахъ и участвовать на Соборѣ, при всемъ томъ, что меня приглашали съ такимъ усердіемъ, попрепятствовали мнѣ недосугъ и душевная немощь, а не какая нибудь лѣнь, и не презрѣніе, какъ, можетъ быть, подозрѣвалъ ты. Потому, хотя и доселѣ еще одержимъ я немощію, однако же, какъ скоро дастъ Богъ выздоровѣть, пристраюсь оправдаться и самымъ дѣломъ; приѣду къ твоему благородію и подамъ полное благословеніе моему дому. Ибо молю и желаю, чтобы твое было моимъ.

190. КЪ НЕМУ ЖЕ (130).

Укоряеть его за нечистое обращеніе съ женами, давшими Богу
обѣтъ дѣвства.

Доселѣ называю тебя досточестнымъ , хотя замысли-
ешь и не досточестное. Прійми же великодушно дерзно-
веніе человѣка, которымъ движеть отеческое сердоболіе,
и который не можетъ быть терпѣливымъ по благораспо-
ложенности. Ибо гораздо лучше, когда не надолго опе-
чавшій приноситъ великую пользу, нежели, когда смѣ-
ющійся съ тѣмъ, чтобы доставить удовольствіе, причи-
няетъ вредъ въ главнѣйшемъ. — Илій былъ священникъ ,
и хотя дѣлалъ выговоры своимъ нечестовавшимъ сы-
намъ , говоря : *не благъ слухъ , чада , егоже азъ
слышу о васъ* (1 Цар. 2, 23.) : но , поелику дѣлалъ
не сильные выговоры , то самъ подпалъ сильному обви-
ненію, и благочестивый отецъ понесъ наказаніе за без-
законіе дѣтей. Устрашаемый симъ примѣромъ, и я при-
ступилъ къ этому увѣщанію. Не знаю , что съ тобою
сдѣлалось, какое омраченіе объяло тебя ? Какъ стыдишь
свой родъ , стыдишь мою сѣдину и тѣ надежды , какія
возымѣлъ я о тебѣ, когда былъ въ Навилахъ, бесѣдовалъ
съ тобою о всемъ добромъ, и, какъ думалъ , убѣдилъ
тебя въ этомъ ! Какъ не слышишь, что говорить Писа-
ніе : *не даждь женамъ твоего богатства и твоихъ
имѣній въ послѣдній совѣтъ* (Притч. 31, 3.) ? Повѣрь,
что въ скоромъ времени *раскаешися* въ этомъ , егда ,
по написанному , *иструтся плоти тѣла твоего*
(Притч. 5, 11.), и умъ, какъ бы проторгнувшись сквозь
облако, въ состояніи будетъ воззрѣть къ Богу и чисто

размыслить о томъ, что полезно. Остерегайся сѣти, и не уловленъ буди твоими очима (Притч. 6, 25.); а если уловленъ, пробудись; и не подтверждай разглашаемаго, будто бы какими-то снадобьями омраченъ у тебя умъ; потому что развратъ искусенъ на выдумку худаго. Зри - Прискорбно и то, что такой домъ, обогащенный столькими трудами, въ такое короткое время разстроилъ и разорилъ ты, и особенно въ началѣ жизни, когда каждый полагаетъ основаніе доброй или худой о себѣ славы. Но гораздо ужаснѣе, что женѣ дѣвственницъ, которыя твоими родителями и тобой самимъ, какъ увѣрялъ ты, посвящены Богу, святотатски берешь и похищаешь, и инныя стали уже твоими, а другихъ приводишь въ страхъ, что потерять то же. Побойся Бога, Которому служишь, постыдись меня, удержишь, наконецъ, отъ всякаго лукаваго произволенія. Если бы можно тебѣ было, приникнувъ поближе, узнать ту молву, къ какой подаешь поводъ, обо всѣхъ насъ, то, можетъ быть, не потребовалось бы для тебя иного увѣщанія, но самый стыдъ употребилъ бы ты въ совѣтники о томъ, что должно дѣлать. Нашелъ бы я написать тебѣ что нибудь поприатиѣ этого, но не нашелъ бы ничего полезнѣе; многаго и не стану писать, зная, что, если не вразумить тебя Зри страхъ Божій, то мало сдѣлаютъ, или вовсе ничего не сдѣлаютъ, слова.—Потому что и желѣзомъ легко выводить черты на воску, но трудно на желѣзѣ, а на алмазѣ не выведешь и чѣмъ нибудь самымъ твердымъ, по жестокости его состава.

191. КЪ ЕВСЕВІЮ ДРУГУ (171).

Благословляетъ заочно бракъ его съ Евопіей, извиняясь болѣзнію, что не могъ быть на немъ.

Евопія—твоя возлюбленнѣйшая ; настало время бракосочетанія, положено основаніе жизни , исполнены родительскіе обѣты. Но не съ вами я , которому особенно надлежало бы и быть у васъ, и молитвы свои соединить съ вашими, какъ и обѣщалъ я, потому что надежда шла въ слѣдъ за желаніемъ, а желанія достаточно для того, чтобы ввести себя въ обманъ. И не однократно собираюсь въ путь, и не однократно откладывая путешествіе до времени, наконецъ преодолѣвъ я болѣзнь. Итакъ пусть другіе призываютъ къ вамъ Эротовъ,—потому что на свадьбѣ въ обычаѣ и пошутить; другіе пусть изображаютъ красоту дѣвы, величаютъ любезность жениха, и брачное ложе вмѣстѣ съ цвѣтами осыпаютъ и словами привѣта. А я пропою вамъ брачную пѣснь : *Благословитъ васъ Господь отъ Сіона*, Самъ сочетаетъ ваше супружество, и узриши сыны сыновъ твоихъ (Псал. 127, 6. 7.), не много будетъ сказать, еще лучшихъ тебя. Сего пожелалъ бы я вамъ, будучи съ вами; сего желалаю и теперь. Прочее да будетъ предоставлено вашему попеченію, да возложить на васъ вѣнцы отецъ, какъ желалъ; это предписалъ я, какъ будто бы самъ былъ при бракосочетаніи. Ихъ будутъ вѣнцы, а мои молитвы, которыя, сколько знаю, не ограничиваются мѣстомъ.

192. КЪ ДЮКЛУ (193).

По случаю брака его дочери, учить, какъ должно торжествовать христіанскіе браки.

Не званъ я былъ на бракосочетаніе нашей дочери ; однако жъ явился, и праздную вмѣстѣ, и принимаю участіе, и желаю вамъ всего наилучшаго. А одно изъ лучшаго, чтобы самъ Христосъ присутствовалъ на бракѣ,—потому что гдѣ Христосъ, тамъ благопристойность,—и чтобы вода стала виномъ, то есть, все претворилось въ лучшее; а поэтому не было смѣшиваемо несоединимое между собою, и не были сводимы вмѣстѣ Епископы и смѣхотворы, молитвы и рукоплесканія, псалмопѣнія и звуки свирѣлей; потому что какъ все прочее, такъ и браки христіанскіе должны имѣть благопристойность, а благопристойнымъ дѣлаетъ степенность. Вотъ что приносимъ въ даръ бракосочетанію; а ты воздай намъ благопокорностью. И въ зятѣ, если послѣдуетъ этому, будемъ имѣть сына, а если нѣтъ,—воина.

193. КЪ ІАКОВУ (147).

По вступленіи его въ должность правителя Каппадокіи, просить заступиться за Симпликію, вдову Алимпія (387 г.).

Хотя по слуху только знаю твою досточестность; однако же дивлюсь тебѣ, какъ не многіе изъ жившихъ съ тобою долгое время. Столько у всякаго рѣчей о твоей добротѣ! Посему и самъ я осмѣлился на эту

просьбу. Оставилъ насъ чудный Алипій , общій заступникъ любомудрыхъ и попечитель сиротъ ; не малое это для насъ несчастіе ; а къ этому присоединилась и другая бѣда , —достолѣпнѣйшая супруга его заботится о сиротахъ. Утѣшь ее своимъ человѣколюбіемъ въ настоящемъ случаѣ , доставъ безопасность своимъ дѣтямъ , благодѣяніемъ сиротамъ , докажи , что свои лучше чужихъ. А къ этому присоединится и то , что сдѣлаешь удовольствіе мнѣ ; почтивъ же сколько нибудь меня , почтишь самого Бога, Которому удостоился быть я предстоятелемъ и служителемъ , хотя и недостойнъ такого сана.

194. КЪ НЕМУ ЖЕ (146).

О томъ же.

Если бы столько было у меня тѣлесныхъ силъ , что могъ бы взять на себя трудъ , то самъ бы пришелъ къ тебѣ , и удовлетворилъ желанію съ тобою видѣться и переговорить , о чемъ хотѣлось ; потому что у насъ рѣчь не о маловажномъ. Но поелику держитъ меня болѣзнь , то по необходимости прибѣгъ я къ письму. И достолѣпнѣйшую мать нашу Симпликію , бывшую супругу прекраснаго и добраго Алипія , —этого украшенія всей нашей родины , представляю твоему благородству подъ жалкими именоваціями вдовства и сиротства ; представляю для того , чтобы нашла у тебя справедливость , въ чемъ будетъ ей нужно. Обрати вниманіе на великость бѣдствія : еще не осушала она слезъ , беспокоится о сиротахъ , предпринимаетъ дальнія путешествія ,

при такомъ немощномъ тѣлѣ , при такой неопытности въ дѣлахъ , не привыкши выглядывать изъ дому. Что бѣдственнѣе этого ? Нѣтъ мѣста и слезамъ ; страданіе заставляетъ отложить и стыдъ благородства. Поэтому , разсудивъ все сіе , и оказавъ уваженіе моей просьбѣ , не дожидаясь , чтобы надъ тобой , великимъ и добрымъ Іаковомъ , сталъ другой судія ; не поставь ее въ необходимость предпринять еще дальнѣйшую поѣздку : потому что она весьма полагается на справедливость своего дѣла , какъ увѣряетъ многихъ и меня. Напротивъ того , прочитавъ письмо , и по всей правдѣ изслѣдовавъ ея права , возврати ее къ намъ съ болѣе спокойнымъ духомъ . А прежде всего подумай о томъ , что Богъ далъ тебѣ великую власть , имѣніе , славу , свободный путь еще къ большому счастью . Охраняй же все это для себя самого настоящимъ человеколюбіемъ ; и , какъ отецъ дѣтямъ , избавившійся изъ однѣхъ опасностей , а другимъ идущій на встрѣчу , содержи это въ умѣ , и воспользуйся настоящимъ случаемъ , чтобы надежды свои на Бога содѣлать благоуспѣшными .

195. КЪ САННАВАДАИНСКОМУ БРАТСТВУ (180).

Утѣшаетъ сіе братство , опечаленное смертію настоятеля
Левкадія .

Благоговѣннѣйшему и всѣмъ преукрашенному о Христѣ въ Саннавадаинѣ братству блаженнаго Левкадія , монашествующимъ и дѣвамъ , освященнымъ о Христѣ Иисусѣ , Григорій желаетъ о Господѣ радоваться .

Для имѣющихъ умъ нѣтъ повода къ слезамъ въ томъ, что случилось по смотрѣнію Божию; а именно, что подвижникъ послѣ добраго подвига, которымъ онъ подвижался, сошелъ съ своего поприща, и взять Подвигоположникомъ, чтобы принять вѣнецъ правды и умножить собою ликъ Ангеловъ. Все это и подобное сему бываетъ причиною радости и веселія для тѣхъ, которые, по Евангелію, прозираютъ въ истину. Но поелику превозмогъ обычай сѣтовать о преставленіи святыхъ и желать утѣшенія отъ любящихъ; то, хотя и самъ не берусь говорить вамъ что нибудь печальное и унылое, и вамъ не совѣтую преклонять слухъ къ подобнымъ рѣчамъ, однако же выполняю свой долгъ, и подаю вамъ утѣшеніе, совѣтуя вашему благолѣпію, взирая другъ на друга, имѣть всегда предъ очами его; ибо того желаю, чтобы каждый и каждая изъ васъ отпечатлѣвали въ себѣ жизнь блаженнаго, а потому, когда взираете другъ на друга, удостовѣрялись вы, что останавливаете взоръ на его чертахъ. Да отпечатлѣваются въ жизни вашей его чистота, негнѣвливость, смиренномудріе, дѣятельное любомудріе, непрестанное стремленіе души къ Богу, неразвлекаемость прелестями міра сего, чтобы вы, видя сіе другъ въ другѣ, изобразили ему памятникъ въ себѣ самихъ, и чтобы ни онъ, ни вы не стали добычею смерти; потому что и онъ всегда будетъ представляться живымъ въ вашей жизни, и вы добрымъ житіемъ сдѣлаете себя чуждыми общенія со смертію. Душевно здравыхъ и преуспѣвающихъ тѣлесно силою Святаго Духа Господь да покроетъ васъ, поминающихъ и о мнѣ въ молитвахъ своихъ !

196. КЪ ПАМЛАДЮ (229).

Представляетъ ему пресвитера Сакердота.

Если осмѣливаюсь такъ часто писать , причиною тому не моя дерзость, но твоя кротость. Не знаю и сытости бесѣдовать съ тобою чрезъ письма; потому что не могу иначе , когда Богъ такъ устроилъ дѣла мои. Досточестнѣйшему сыну моему и сопресвитеру Сакердоту, котораго особенно любилъ и люблю , искренно любомудрствующему и живущему въ единеніи съ Богомъ, теперь же, по домашнимъ дѣламъ, отправляющемуся въ городъ, который ради тебя сталъ великимъ , не знаю , какую большую оказать услугу, какъ сдѣлавъ его извѣстнымъ твоей добротѣ.

197. КЪ СТРАТИГІЮ (92).

О томъ же.

О какъ мы стали раздѣлены между собою ; потому что Богу угодно такъ устроить дѣла наши ! О священный домъ, и совокупное жительство и общая пристань всѣхъ боящихся Господа ! Другіе наслаждаются нашими благами. А мнѣ остались одно воспоминаніе и ревность къ пріобшившимся. Но чтобы и тебѣ имѣть часть въ нашихъ благахъ, знакомлю тебя съ честнѣйшимъ братомъ и сопресвитеромъ нашимъ Сакердотомъ, котораго увидѣвъ , очень знаю это , скажешь : Григорій подлинно любитель всего прекраснаго.

198. КЪ КАСТОРУ (93).

Посылаетъ къ нему Сакердота для общаго съ нимъ любовудрія.

О какъ ты самовластенъ и насильственъ ! Едва показалось твое письмо , и я презрѣвъ. Но вотъ тебѣ и многоцѣнный Сакердотъ, твой братъ , а мой сынъ , и сообщникъ страданій. Но чтобы мнѣ не совершенно быть побѣжденнымъ , какъ можно скорѣ доставъ это утѣшеніе жизни, чтобы любовудрствовать и поучаемоу и поучающему. Ибо какъ единомыслію всего болѣе способствуетъ, если вмѣстѣ страдаемъ ; такъ для совѣщанія — всего важнѣе единомысліе.

199. КЪ ФОТІЮ (91).

Того же Сакердота поручаетъ его попеченію.

Все, что ни имѣешь , мое, — начну рѣчь Божиимъ словомъ ; — говорю же: мое, не по одному общенію духа, но и по тому, что настоящему состоянію Церкви не мало способствовалъ я, пока еще завѣдывалъ дѣлами , и владелъ ходомъ обстоятельствъ. Ибо теперь у меня объ одномъ забота, — объ отшествіи, къ которому собираюсь и przygotowляюсь. Да будетъ же и мое твоимъ, по общенію любви; а лучшее изъ моего стяжанія — честнѣйшій сопресвитеръ мой Сакердотъ, чрезъ котораго и привѣтствую тебя, и какъ бы самъ съ тобою вижусь.

200. КЪ ЕЛЛАДІЮ (216).

Просить сего Кесарійскаго Епископа возратить Сакердоту должность смотрителя надъ богадѣльнями , данную ему еще Василіемъ Великимъ , или , по крайней мѣрѣ , не лишать другой должности—смотрителя за монастырями (388 г.).

Чтò ни буду говорить тебѣ , все буду говорить отъ добраго расположенія ; а потому всего справедливѣе будетъ тебѣ выслушать мой совѣтъ , или , по крайней мѣрѣ , извинить меня въ томъ , что подаю совѣты. Не многіе одобряютъ нашъ поступокъ съ достопочтеннымъ нашимъ братомъ и сопресвитеромъ Сакердотомъ , какъ основанный больше на какой-то клеветѣ , а не на справедливомъ судѣ. И именно не хвалятъ тѣ , которые , хотя , можетъ быть , не знаютъ дѣла въ связи , однако же видятъ конецъ , каковъ онъ самъ по себѣ. Это , можетъ быть , увидишь и самъ , потому что не мое дѣло входить въ твои дѣла , такъ какъ самъ ты имѣешь право предписывать другимъ , чтò дѣлать. Но умоляю твою доброту , во-первыхъ , о томъ , чтобы предоставилъ ты человѣку сему все попеченіе о дѣлахъ , о которыхъ онъ доселѣ заботился. Ибо , сколько бы кто ни былъ терпѣливъ или твердъ въ любомудріи , однако же не легко ему простереть свое любомудріе до того , чтобы перенести великодушно , когда лишаютъ его столькихъ трудовъ и столько привычныхъ ему занятій. Если же сіе не возможно , то , во-вторыхъ , прошу , чтобы касательно попеченія о бѣдныхъ распорядился ты , какъ тебѣ заблагоразсудится , возложивъ оное на людей , которыхъ самъ признаешь годными , заботу же объ Обителяхъ и о братіяхъ оста-

вилъ за нимъ, чтобы не огорчить его новымъ распоряженіемъ , а еще болѣе не огорчить братій , которые привязаны къ нему привычкою, и для которыхъ удаленіе его такъ же болѣзненно, какъ и расторженіе единого тѣла или члена. Ибо нѣкоторые изъ нихъ приходили уже ко мнѣ, и оплакивали это. Если находишь, что этотъ чловѣкъ и самъ по себѣ имѣетъ нѣчто достойное уваженія, что и справедливо; то уважь его ради его самого, ради сѣдины и ради трудовъ, какъ тѣхъ , какіе подъялъ онъ для Бога , показавъ въ себѣ благоговѣніе даже выше своего возраста, такъ и тѣхъ , какіе несъ онъ , бывъ питателемъ нищихъ и предстателемъ за братій. А если это кажется тебѣ малымъ; то, конечно, не оставишь безъ уваженія меня и моей просьбы. И прежде всего прошу тебя, отложи гнѣвъ свой на него и огорченіе ; и умоляю, приближь его къ себѣ , какъ отецъ сына. Если чѣмъ и огорчилъ тебя , чего однако же не думаю ; то прости это ему для меня. Не пиши и не говори о немъ ничего недостойнаго какъ его, такъ и твоей кротости. А если что и написано , изгладивъ это , не выводи наружу своей скорби, которую лучше скрывать , нежели объявлять постороннимъ ; ибо такимъ примѣромъ, кромѣ прочаго, научишь и его великодушію.

201. КЪ НЕМУ ЖЕ (217).

Не получивъ просимаго въ предъидущемъ письмѣ, посылаетъ къ нему самого Сакердота для личнаго оправданія.

Посланіе твое отчасти весьма кротко и чловѣколюбиво, а отчасти, не умѣю какъ и сказать , по крайней

мѣръ для меня огорчительно ; да и не безъ причины , какъ самъ себя увѣряю въ этомъ. Ибо, или справедливо (чего однако жъ не думаю) обвиняется братъ и сопресвитерь нашъ Сакердотъ,—и сіе прискорбно (и какъ не скорбѣть , когда такое благоговѣніе и столько трудовъ уничтожены въ такое короткое время ?) ; или это клевета, подстроенная завистниками,—и въ такомъ случаѣ горько видѣть , что по навѣтамъ отчуждается тобою человѣкъ , столько близкій къ тебѣ до жизни. Посему прійми мое разсужденіе, которое въ настоящихъ обстоятельствахъ признаю самымъ лучшимъ и полезнѣйшимъ. Послалъ я къ тебѣ самого брата , лучше же сказать , сопроводилъ, когда самъ онъ шелъ уже къ тебѣ, чтобы самому уврачевать скорбь и открыть тебѣ все по самой истинѣ. Онъ утверждаетъ, что готовъ въ одномъ оправдаться, а о другомъ доказать, что донесено ложно. Въ этомъ увѣрилъ и меня, какъ человѣкъ, который говоритъ со страхомъ Божиимъ.

202. КЪ САКЕРДОТУ (212).

Поздравляетъ сего священника.

Поздравляю тебя, новую мою надежду, украшеннаго сѣдиною въ юности ; желаю и молю тебѣ всего для тебя наилучшаго. А тебѣ не безъизвѣстно первое изъ благъ—стяжывать всегда Бога; и чрезъ приближеніе и восхождение къ Нему дѣлаться Его стяжаніемъ. Это , сколько знаю; ты и самъ себѣ вѣдѣешь въ законѣ.

203. КЪ НЕМУ ЖЕ (213).

Утѣшаетъ его въ томъ , что Епископъ Елладій отвѣлъ у него
должность смотрителя богадѣльнѣ.

Что для насъ страшно ? Ничто, кромѣ уклоненія отъ Бога и отъ божественнаго. А прочее , какъ Богъ устроить , такъ и да будетъ ! Устраиваетъ ли Онъ дѣла наши *оружіи правды десными и милостивыми , или шуими* (2 Кор. 6, 7.) и тяжкими для насъ ; причины тому знаетъ Домостроитель жизни нашей. А мы будемъ бояться того единственно, чтобы не потерпѣть чего либо противнаго любомудрію. Питали мы нищихъ , упражнялись въ братолюбіи , услаждались псалмопѣніями , пока сіе было можно. А если отнята на это возможность ; посвятимъ себя другому роду любомудрія. Благодать не скудна. Изберемъ уединеніе , жизнь созерцательную , станемъ очищать умъ божественными видѣніями ; а это, можетъ быть, еще выше , нежели исчисленное прежде. Но мы поступаемъ не такъ ; какъ скоро не удалось одно , думаемъ , что уже лишились всего. Нѣтъ ; посмотримся, не осталось ли для насъ еще какой благой надежды. И не допустимъ , чтобы съ нами случилось то же , что бываетъ съ молодыми конями , которые , не свыкнувшись съ страхомъ , свирѣпѣютъ при всякомъ шумѣ , и сбрасываютъ съ себя всадниковъ.

204. КЪ НЕМУ ЖЕ (214).

Увѣщаесть быть терпѣливымъ.

Если ты не чаялъ для себя никакихъ непріятностей, когда приступалъ къ любомудренной жизни; то начало было не любомудренное, и я порицаю твоихъ образователей. Если же ожидалъ непріятностей; то пока не встрѣтилъ, благодареніе Богу! а когда встрѣтилъ, или переноси съ терпѣніемъ, или сдѣлаешься нарушителемъ своего обѣта.

205. КЪ НЕМУ ЖЕ (215).

Убѣждаетъ къ тому же собственнымъ своимъ примѣромъ.

Что не испытано, тому нельзя назначать и цѣны, а что извѣдано на самомъ дѣлѣ, тому совершенно определяется цѣна, какъ золоту въ горнилѣ. И если ты достаточно утвердился въ семъ любомудріи; то благодареніе за сіе Богу! А если еще не совершенно; то представляю тебѣ въ примѣръ себя и свое положеніе. Меня оскорбляли, меня ненавидѣли; ибо какихъ не потерпѣлъ я бѣдствій, сколько зависѣло это отъ злоумышлявшихъ? А потомъ избавился я отъ огорчавшихъ меня, и кто могъ оказать мнѣ большее, чѣмъ они, благодѣяніе? Представляя себѣ это, и ты за искушеніе воздай благодареніемъ, если не причинившимъ тебѣ искушеніе, то Богу.

206. КЪ ЕВДОКИЮ (235).

Зоветь его къ себѣ для личнаго примиренія съ Сакердотомъ.

Единомышленный и сострадательный ; а сострадательность искренняя ; искренность же , если подаетъ совѣтъ , достойна вѣроятія. Поэтому, такъ какъ я старше васъ по благочестію, опытомъ извѣдалъ многихъ людей и ихъ нравы (а опытность — мать благоразумія) ; вы же походите на молодыхъ коней, не давно узнавшихъ упряжь, и едва начинаете подвиги свои по Богу (а все начинающее горячо, и какъ по горячности духа способно съ успѣхомъ выполнять многія свои обязанности , такъ по невѣдѣнію можетъ во многомъ и не достигать успѣха): то соблаговоли дойти до меня , почтить какъ старца, уважить , какъ отца , и употребить въ посредники въ ссорѣ съ достоуважаемымъ братомъ и сопресвитеромъ моимъ Сакердотомъ (потому что и онъ у меня), чтобы вамъ, уладивъ между собою дѣло, и Епископу услужить и прекратить соблазнъ многихъ , а чтѣ всего важнѣе , умиловить Бога, и дѣла такъ важнаго и славнаго, — разумію ваше единоедушіе и ваши взаимныя условія жить по Богу, — не разрушить въ столь короткое время.

207. КЪ НЕМУ ЖЕ (236).

Оправдываясь въ жесткости предъидущаго письма , проситъ исполнить данное обѣщаніе свидѣться съ Сакердотомъ.

Признаюсь, что прекрасный и добрый сопресвитеръ Сакердотъ—мнѣ другъ, и пусть будетъ другомъ, тѣмъ болѣе, что онъ привязанъ къ тебѣ. Ибо, и обвиняя тебя, не отложилъ своей пріязни, но сдѣлалъ болѣе братскій упрекъ, нежели враждебное обвиненіе. Впрочемъ я не такъ простъ и опрометчивъ, чтобъ произнесъ судъ прежде, нежели выслушаю обоихъ; и не подозрѣвай этого. Да и въ самомъ письмѣ, которое ты осудилъ въ дерзости, (если только прочелъ его не безъ вниманія) касался я не столько тебя, сколько тѣхъ, которые поджигаютъ васъ, и изъ нашего малодушія извлекаютъ ту выгоду, что есть чѣмъ самимъ позабавиться. Въ какомъ же расположеніи писалъ я къ тебѣ,—можемъ узнать это такимъ образомъ: обѣзживающіе молодыхъ коней упражняютъ ихъ въ ѣздѣ на такихъ мѣстахъ, гдѣ есть яркіе цвѣта, что нибудь страшное, крутизны, и скаты; и это нужно не для того, чтобы ихъ пугать, но чтобы пріучить не пугаться. То же и я имѣя въ умѣ, сдѣлалъ письмо свое нѣсколько жесткимъ. Ибо много есть способовъ упражняться въ любомудріи. И благодареніе Богу, что нашелъ тебя не чуждымъ любомудрія, и не привязаннымъ къ веществу, но кроткимъ и принадлежащимъ къ нашему двору; почему и пишешь скромно и желаешь свиданія! Поэтому, ежели подаришь насъ онимъ, то хорошо сдѣлаешь; и будь увѣренъ, мы пріймемъ тебя съ отеческимъ окомъ. А если удерживаетъ тебя еще

Ч. VI.

20

зима, то попотчуетъ пока такимъ увѣщаніемъ: ничего не предпочитай, даже и теперь, дружбѣ и единомыслію съ братомъ Сакердотомъ, и повѣрь мнѣ въ этомъ,—случившееся между вами признавай не инымъ чѣмъ, какъ искушеніемъ лукаваго, завидующаго твоему любомудрію. Но ты смѣло и мужественно подвизайся при первомъ искушеніи, чтобы не сдѣлалъ онъ второго, потомъ третьяго, а въ слѣдъ за симъ и многихъ искушеній, напротивъ же того удалися отъ тебя побѣжденный и пристыженный. Ибо знаю, какія брани воздвигаетъ онъ; я наученъ этому и долговременностію и борьбами съ нимъ.

208. КЪ НЕМУ ЖЕ (224).

Упрекаетъ за неисполненіе обѣщанія, но не отрывается при-
нять, если прійдетъ.

Послѣ войны вспоможеніе! И хотя должно прежде подумать, потомъ сдѣлать: мы превратили порядокъ; сдѣлавъ, обдумываемъ; поэтому, если нужно лѣстить и сдѣлать худое, то нашель я много путей лести, и это дѣло легко и многимъ нынѣ удастся. Но поелику дѣлать вредъ—не мое дѣло, особливо же дѣлать вредъ душѣ, еще новоосвященной и только что приступающей къ добродѣтели; то выслушай истину. Не начальствованія домогается человекъ любомудрый. И худую любовь оказали тебѣ твои услужники, подъ другимъ лицемъ осмѣявшіе собственные свои дѣла. Поэтому, если переѣдѣшишь теперь и уврачуешь грѣхъ; то, можетъ быть,

рана и подживеть , хотя и не безъ труда ; если же останешься при томъ же , и станешь величаться худою побѣдою; то болѣзненна язва моя , говоритъ Писаніе , откуда исцѣлюся (Іер. 15, 18.) ? потому что твое почитаю своимъ. Но хотя такъ думаю и такъ пишу ; однако же , если желаешь свиданія со мною , не отрекусь отъ сего.

209. КЪ ОМОФРОНИЮ (237).

Извиняется въ томъ , что не былъ у него на праздникъ , какъ общался , и проситъ укрѣплять Сакердота въ терпѣніи.

Приглашаешь меня на Соборъ. Желалъ бы я столько имѣть тѣлесныхъ силъ , чтобъ прійти къ вамъ и безъ зову , и видѣть вашъ священный домъ—этотъ Христовъ пріютъ , корень святыхъ вѣтвей—воистину яко *матерь веселящуся о чадехъ* , также веселящихся (Псал. 112, 9.). Знаю это , увѣренъ о Господѣ , и потому , если и прискорбное нѣчто встрѣтилось нынѣ съ вами , съ дерзновеніемъ говорю , что не будетъ угашенъ свѣтильникъ Израилевъ , хотя и тушится дыханіями лукаваго , и не сокроется болѣе благодать Божія , хотя Господь , по неизреченнымъ законамъ Своего домостроительства , и сокрываетъ ее отъ боящихся Его; а напротивъ того болѣе будетъ прославлена и возбудитъ удивленіе вашимъ терпѣніемъ и непостыждающимъ упованіемъ. Это же внуши и досточестнѣйшему сыну моему Сакердоту , то есть , не унывать духомъ , и не подвергаться чему либо недостойному себя самого , но такъ управлять обстоятель-

ствами, чтобы и скорбное обращать въ предметъ любви-мудрїа. Пусть еще послужить досточестнѣйшему нашему Епископу; пусть еще укрѣпляетъ братій, чтобы паче всего не рушилось дѣло мое, которое предположилъ я о Господѣ, и которое такъ важно и славно. А если сіе невозможно, то покажемъ себя умирными и преодолѣмъ зависть, чтобы не подать противъ себя ни какого повода лукавымъ и напрасно на насъ враждующимъ.

210. КЪ НЕМУ ЖЕ (238).

Радуется его подвижнической жизни.

Слышу, что живешь отшельнически; о если бы ты сталъ у насъ Іоанномъ Крестителемъ, или Іліею Кармитомъ! И о если бы ненавистники причиняли ту одну обиду, что приводили бы къ Богу, и освободившихся отъ дѣлъ и мятежей заставляли искренно посвящать себя горнему, а такимъ образомъ невольно дѣлали намъ добро, когда не могутъ сдѣлать его по доброй волѣ!

211. КЪ КИРІАКУ (233).

Просить его за богадѣльнею, въ которой былъ Сакердотъ смотрителемъ, укрѣпить пожертвованную ей землю.

Знаю, что чествуешь благоговѣйныхъ, и дѣлаешь добро бѣднымъ. Теперь имѣешь случай къ тому и другому. Ибо дѣло вотъ въ чемъ. Досточестнѣйшій и боголюбивѣйшій сынъ мой, сопресвитеръ Сакердотъ, за свое благочестіе и ревность къ дѣлу, сдѣланъ былъ смотрителемъ одной изъ извѣстныхъ многочисленной богадѣльни. А въ числѣ помогающихъ богадѣльнѣ деньгами находится Лиріандъ. И Каверины, смежныя съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ домъ изъ вклады досточестнѣйшаго Кастора, помогаютъ нѣсколько богадѣльнѣ. Освободивъ все это отъ всякаго притязанія, и отъ себя приложишь ты не маловажную часть, какъ вспоможенія бѣднымъ, такъ и воздаянія тебѣ самому, какое, какъ знаешь, ожидаетъ благочестивыхъ. Но само собою явно, что, однажды подвигшись къ благотворенію, и на будущее время, чтобы никто, хотя бы и пожелалъ, не могъ сдѣлать ничего худаго въ разсужденіи сихъ мѣстъ, позаботишься обезопасить ихъ такимъ способомъ, какой придумаетъ твое благоразуміе.

212. КЪ ВАЛЕНТИНИАНУ (196).

Жалуется на необходимость удалиться изъ Карвалы, обители, посвященной Мученикамъ; потому что Валентинианъ поселилъ противъ нея какихъ-то женщинъ.

Самымъ нечестивымъ образомъ гонять насъ изъ Карвалы (употреблю слово трагедіи, измѣнивъ его не много), гонять не словомъ, но самымъ дѣломъ, и весьма жестоко. Ибо гораздо было бы лучше объявить приказъ объ удаленіи явнымъ предписаніемъ, нежели нарушать святость нашей жизни поселеніемъ женщинъ прямо противъ насъ, и присовокупленіемъ ежедневнаго позора и хулы отъ свободно ругающихся надъ избравшими такую жизнь, какова наша. Если не смѣю будетъ сказать, то чрезъ Еву извѣргъ ты и насъ изъ рая. Правда, что не трудно найти какую нибудь благовидную отговорку, и сказать, по видимому, какъ нѣчто и похожее на дѣло, а именно, что ты не гонишь насъ, но оказываешь еще намъ честь, желая сосѣдства съ нами; а можетъ быть, присовокупишь къ этому, что желаешь принимать насъ дружески и родственно, и насладиться сколько нибудь нашею дружбою: однако же слово не дѣло. Когда вы приходите на это мѣсто, и принимаемъ васъ и лобызаемъ; но отъ домоуправленія женщинъ также спѣшимъ удалиться, какъ и отъ набѣга эхиднъ. Поэтому дѣло наше кончено. Мы перехитрены, предались бѣгству, сами себя подвергли наказанію, оставивъ и труды рукъ своихъ и надежды, принеся не мало оправданій предъ святыми Мучениками. Хотя, конечно, это тяжело и неудобно, однако же входитъ въ любомудріе избранной нами

жизни, и не тягостиѣ того, что велѣно намъ переносить, то есть, переходить изъ города въ городъ. А ты населяй это мѣсто и долѣе, нежели жившіе прежде тебя, и цѣломудреннѣе, нежели какъ надѣмся, чтобы не оскорбить вамъ святыхъ Мученикоу, и самимъ не потерпѣть чего отъ близкаго жительства. Прежде же всего употребите ту осторожность, чтобы щадить посвященное Мученикамъ, и не удумать чего худаго и для васъ самихъ и для вашихъ, внесе тлю въ свое имущество неправеднымъ присвоеніемъ.

213. КЪ ѲЕКЛѢ (200).

Увѣрять ее въ своей преданности и утѣшать въ скорбяхъ
(389 г.).

Небольшую твою приписку получилъ я какъ бы большое письмо. И вы мои, и я вашъ, — такъ сочетается насъ Духъ ! Зная это, и молитесь о мнѣ, и во всемъ полагайтесь на меня съ увѣренностію, что не имѣете человѣка, который бы былъ предъ вами искреннѣе, и столько же заботился о васъ, сколько и о себѣ, если еще не убѣдили васъ въ этомъ давнишнее наше знакомство и дѣйствительный опытъ. А о вашихъ скорбяхъ нужно ли и писать мнѣ, развѣ только изъявлю желаніе, чтобы вы, принявъ сіе за случай оказать высокое любомудріе, были въ страданіяхъ терпѣливы, и тѣмъ противоборствовали причиняющимъ вамъ скорби; потому что иначе поступать и невозможно, и не благочестно?

214. КЪ НЕИ ЖЕ (202).

На приглашеніе ея въ Обитель отвѣчаетъ, что имѣетъ желаніе посѣтить ея и видѣть терпѣніе, съ какимъ переноситъ кончину брата Сакердота, и утѣшаетъ общимъ разсужденіемъ, что не должно скорбѣть объ умершихъ сродникахъ.

Я и самъ рвался къ твоему благоговѣнію, не смотря на недуги моего тѣла, желая и навѣстить тебя и вмѣстѣ похвалить за терпѣніе, съ какимъ любомудрствуешь, лишаешь блаженнѣйшаго брата своего; потому что это не сомнѣнно. Но послику задержанъ я однимъ обстоятельствомъ, то необходимо стало писать къ тебѣ; и вотъ полюбомудрствую съ тобою нѣсколько о твоей потерѣ. Отъ кого данъ былъ намъ добрый Сакердотъ—сей, и нынѣ и прежде, истинный предстатель Божій? Отъ Бога. Гдѣ же теперь Сакердотъ? У Бога; и не неохотно, сколько извѣстно мнѣ, уступилъ онъ зависти и бореніямъ лукаваго. Отъ кого и мы? Не отъ того же ли Бога? И куда преселимся? Не къ тому же ли Владыкѣ? И о если бы съ равнымъ дерзновеніемъ, поклонниками того же Господа, и отсюда были мы отозваны, и туда преселены, въ сравненіи съ будущею надеждою, претерпѣвъ здѣсь не многія страданія, и, можетъ быть, еще для того, чтобы чрезъ самыя здѣшнія злостраданія познать благодать! Чтѣ такое отецъ, мать, братъ, отшедшіе прежде насъ? Они составляютъ число достохвальныхъ путниковъ, за которыми вскорѣ послѣдуетъ и Ѳесклъ, раба Божія и начатокъ совершенствъ, послѣдуетъ по кратковременномъ ожиданіи, какое нужно, чтобы и тѣхъ почитать терпѣніемъ и для многихъ послужить примѣромъ.

любомудрія въ томъ же самомъ. Посему восхваляемъ то же владычество, и домостроительство уразумѣемъ выше, нежели прочіе.

Прійми сіе въ замѣнъ свиданія со мною, и постоянно держись этихъ мыслей, хотя сама собою избрѣтешь и лучшія. А если удостоюсь видѣть лично тебя и всѣхъ, которые съ тобою и около тебя; то тѣмъ вѣще благодареніе Благодаренію!

215. КЪ НЕИ ЖЕ (201).

По возвращеніи отъ нея вразумляетъ ее, что скорбь ея будетъ нарушеніемъ даннаго Богу обѣта любомудрія.

Сѣтуешь, какъ вѣроятно, о моемъ удаленіи; но для меня еще прискорбнѣе разлука съ твоимъ благоговѣніемъ. Однако же благодарю Бога, что могъ дойти до тебя, и не жалею на подъятый трудъ. Ибо увидѣлъ твердость твоей вѣры во Христа, и похвальное уединеніе, и любомудрое отшельничество; увидѣлъ, что ты, устранившись всѣхъ пріятностей міра, ведешь затворническую жизнь съ единымъ Богомъ и съ святыми Мучениками, при которыхъ поселилась, и себя принесла, и возлюбленныхъ чадъ своихъ приносишь Богу въ жертву живую, благоугодную. Сіе-то да будетъ для тебя утѣшеніемъ въ скорбяхъ. Ибо и великій Давидъ въ будущихъ благахъ, къ которымъ возводитъ свои помышленія, сокрываетъ здѣшнія горести, когда говоритъ: *яко скры мя*

3рч

въ селеніи Своемъ въ день золь (Псал. 26, 5.). И не печаль только отлагаетъ , когда помяну онъ Бога , и возвеселися (Пс. 76, 4.). *Зрн* Стыгуютъ и тѣ, которые преданы міру, даже гораздо болѣе работающихъ Богу. Но ихъ сѣтованіе остается безъ награды ; а намъ за страданіе обѣщана награда, когда терпимъ ради Бога. — Ибо взвѣсимъ и скорби и наслажденія, и настоящее и будущее; тогда найдемъ, что первыя не составляютъ и малѣйшей части въ сравненіи съ послѣдними, — столько преизбыточествуетъ то , что для насъ лучше ! Посему , *Зрн* когда болѣзнуемъ, прекрасное для насъ врачество — воспоминать о Богѣ, о будущихъ надеждахъ , и приходитъ въ Давидово расположеніе духа — *распространяться въ скорби* (Псал. 4, 1.), а не *стужать* помыслами (2 Кор. 4, 8.), не покрываться печалію , какъ облакомъ , но тогда-то наипаче держаться упованія , и имѣть въ *—* виду тамошнее блаженство , уготованное терпѣливымъ. — Особенно же не будетъ для насъ трудно съ терпѣніемъ переносить бѣдствія , и стать выше многихъ , во время скорби ; если размыслимъ, что обѣщали мы Богу, и чего надѣялись , когда вступали въ любомудренную жизнь. Богатства ли ? веселостей ли ? благоденствія ли въ сей жизни ? Или противнаго сему : скорбей , злостраданій , тѣсноты, того , чтобы все переносить , все терпѣть въ упованіи будущихъ благъ ? Знаю, что сего, а не перваго ожидали мы. Поэтому боюсь , не нарушаемъ ли заветовъ своихъ съ Богомъ, когда одно имѣть домогаемся, а другаго надѣемся. Не будемъ же отказываться отъ своей купли; понесемъ одно, чтобы сподобиться другаго. *Зрн* Намъ причинили скорбь ненавистники ? а мы соблюдемъ душу отъ раболѣпства страстямъ. Чрезъ сіе одержимъ *—* верхъ надъ оскорбившими. — Разсуди и то , о комъ мы

скорбимъ,—не о преставившихся ли? Но чѣмъ можемъ угодить имъ? Не терпѣніемъ ли нашимъ? Посему и принесемъ это въ даръ. Ибо я увѣренъ, что души святыхъ видятъ дѣла наши. А наче всего и прежде всего разсудимъ то, что неумѣстно какъ любомудрствовать безъ нужды, такъ въ страданіяхъ оказываться нелюбомудренными, и не служить для другихъ образцомъ и благодарности въ благодушїи, и терпѣнія въ горѣ. Пишу же сіе не съ тѣмъ, чтобы учить тебя, какъ незнающую, но чтобы напомнить тебѣ, какъ свѣдущей. А Богъ утѣшенія да сохранить тебя неуязвимою въ страданіяхъ, и мнѣ даруетъ еще увидѣть твое благоговѣніе и убѣдиться самими дѣлами, что трудъ мой былъ не вотще, но что значу я для тебя нѣсколько болѣе, нежели другіе, и что какъ скорбь была у насъ общая, такъ и въ любомудріи будешь ты моею сообщницею, чего требують, можетъ быть, и сѣдина наша и труды наши ради Бога.

216 (a). КЪ ЕВАГРІЮ (153).

Изъявляетъ свое удовольствіе за одобреніе сына его Евагрія, учившагося подъ надзоромъ св. Григорія.

Пріятно было мнѣ слышать о себѣ похвалы; потому что одобреніе сыну моему Евагрію есть одобреніе мнѣ

(a) Время написанія, какъ сего, такъ и послѣдующихъ за сими писемъ, не можетъ быть опредѣлено даже и приблизительно.

самому ; всякая доблесть дѣтей — слава для отца. Что до наукъ, я съ своей стороны ничего , или мало развѣ былъ полезенъ сыну твоему , потому что не велика моя ученость : вмѣсто же всего (въ этомъ не отрекусь) внушалъ ему одно и самое главное—страхъ Божій , а также убѣждалъ презирать настоящее. Итакъ и желалъ, и желаю, ему всего лучшаго , чтобы занятые отъ меня начатки возрастилъ онъ въ зрѣлые плоды , а также не безъ плода осталось и мое стараніе. Твоей же честности все мое благодареніе за то , что удостоиваешь и помнить обо мнѣ и оказывать мнѣ честь памятниками своей дружбы, которые и сами по себѣ не маловажны, но еще за большее приняты мною.

217. КЪ ПАНСОФІЮ (112).

Радуется успѣхамъ Евагрія въ любомудріи , и тому, что сіе доставляетъ ему Пансофіеву дружбу.

Кто не хвалитъ растенія , только что обливающагося цвѣтами? Кого не веселитъ жатва , только что завязывающаяся и общающаяся благовременный колось ? Кого не веселитъ и новорожденная душа, едва только уготованная Богу, начинающая свергать съ себя земныя оковы, чтобы вступить въ единеніе съ Богомъ и узрѣть самую истину того, чего нынѣ видитъ однѣ тѣни ? Поэтому-то особенно радуюсь , смотря на возлюбленнаго брата и сослужителя Евагрія , который не слабо преуспѣваетъ

въ философіи , потому что дѣло философіи—любить мудрость. Но радуюсь также и тому, что сіе доставляетъ мнѣ твою дружбу. И еще больше буду радоваться, если чаще станешь писать ко мнѣ и вознаградишь еще большими доказательствами дружбы.

218. КЪ НЕМУ ЖЕ (113).

Благодаритъ за присланные символы праздника , за приглашеніе и желаніе видѣться.

Разстояніе , какое между Ивирами и нами , составляетъ путь не малаго числа дней. Но дружба и отдаленное дѣлаетъ близкимъ. — Какъ пріятны присланные тобою символы праздника , какъ пріятны твое приглашеніе и желаніе свидѣться со мною! Чего же въ замѣнъ сего пожелаю тебѣ столько же значительнаго? Будь также добръ. А если надобно сказать и еще нѣчто большее, то превзойди самъ себя.

Зр.

219. КЪ ТЕОДОСИО ИЛИ ТЕОДОРУ (114).

О предполагаемомъ бракосочетаніи дочери его съ Евфиміемъ.

Мы подражаемъ живописцамъ , которые сперва набрасываютъ очерки изображаемаго , а потомъ со второй и третьей руки окончательно ихъ отдѣлываютъ и накладываютъ краски. Къ чему клонится у меня этотъ примѣръ? Къ тому, что между нами была уже чистая и непритворная дружба, что особенно нынѣ рѣдко, и не у многихъ найдется, и эту дружбу произвели въ насъ не столько родство, и общая родина , и , какъ говорить Омиръ , « любезное товарищество », сколько сходство въ нравахъ и то, что нравилось намъ одно и то же. Это же всего болѣе скрѣпляетъ дружбу , и дѣлаетъ ее твердою. А теперь и роды наши сопрягаются (да благословить Богъ это слово!), чтобы получила приращеніе наша дружба , и болѣе стали мы принадлежать другъ другу. И сіе устрояетъ Богъ, способствуя праведной любви. Поэтому и ты почитай меня своимъ ради любезнѣйшаго сына нашего Евфимія , и я присвою тебя себѣ чрезъ любезнѣйшую дочь твою. А за симъ не знаю, въ чью больше пользу и кому говорить, — твоей ли досточестности объ этомъ молодомъ человѣкѣ, или ему о тебѣ ; потому что отеческое благорасположеніе къ дѣтямъ равно. Но крайней мѣрѣ желаю вамъ, чтобы это супружество было во всемъ наиболѣе благополучно и таково , какимъ слѣдуетъ ему быть, когда сочетаваетъ самъ Богъ.

220. КЪ ТЕОДОРУ (219).

По дѣлу о клятвѣ, даиной Георгіемъ Паспасинскимъ, излагается
свое мнѣніе о клятвахъ.

Да даруетъ Богъ тебя Церквамъ къ нашей славы и къ пользѣ многихъ ! Ты столько осмотрителенъ и твердъ въ духовномъ , что дѣлаешь болѣе твердыми всѣхъ , которые думаютъ о себѣ , что по лѣтамъ имѣютъ нѣкоторое преимущество. Итакъ , поелику соблаговолилъ ты принять меня въ участники духовнаго изслѣдованія , разумѣю по дѣлу о клятвѣ , какую , по видимому , далъ Георгій Паспасинскій; то объявляю твоему благоговѣнію, что у меня на мысли. Многіе , по моему разсужденію , сами себя обманываютъ , почитая клятвами только тѣ , которыя даны съ заклятіями, а писанныя, но безъ сильныхъ выраженій, хотя и соблюдаютъ по совѣсти, однако же не признаютъ за клятву. Ибо какъ всякая долговая росписка болѣе обязываетъ , нежели простое условіе ; такъ писанную клятву будемъ признавать за нѣчто иное, а не за одну клятву. Короче сказать, клятва , по моему мнѣнію, есть удостовѣреніе спросившаго и довѣрившаго. Не говоритъ онъ въ оправданіе, что принудилъ Никаноръ, потому что принужденіемъ былъ самый законъ, его связывавшій ; или что въ послѣдствіи одержалъ верхъ по суду, потому что самое преслѣдованіе судомъ было уже клятвопреступленіемъ. Въ этомъ убѣждалъ я и брата Георгія, не придумывать предлоговъ къ преступленіямъ, и не выискивать причинъ, оправдывающихъ проступки, но знать , что написанное есть клятва , и плакать предъ

Богомъ и предъ твоимъ благоговѣніемъ о грѣхѣ, хотя и иначе думалъ онъ прежде, обманывая самъ себя. Объ этомъ и самъ я говорилъ съ нимъ; а очевидно, что, если ты поговоришь, то приведешь его въ большее сокрушеніе, какъ великій врачъ душъ, и подчинивъ его какому нибудь правилу, на сколько времени заблагоразсудишь, такимъ образомъ окажешь ему челоуѣколюбіе во времени. Мѣрою же времени будетъ мѣра раскаянія.

. 221. КЪ НЕМУ ЖЕ (220).

Выражаетъ свои благожеланія.

Радъ я совѣтникамъ любви, особенно же въ такое время, и въ разсужденіи челоуѣка, не давно присоединеннаго и въ то же время крещеннаго, и, чтобы угостить тебя словами Писанія, *водруженнаго въ юности* (Псал. 143, 12.). Ибо такъ оно называетъ превоеходство разумнія предъ возрастомъ. Потому, какъ древніе Отцы, между прочимъ, желали дѣтямъ *росы небесной и тука земли* (Быт. 27, 28.), развѣ кому угодно и это разумѣть въ смыслѣ вышемъ; такъ я за все воздамъ тебѣ духовно. *Исполнитъ Господь вся прошенія твоя* (Псал. 19, 6.), и будешь отцомъ такихъ дѣтей (если уже должно выразить желаніе свое и короче и ближе), какимъ самъ ты показалъ себя родителямъ своимъ, чтобы сверхъ прочаго и мнѣ славиться тобою.

222. КЪ НЕМУ ЖЕ (221).

Желаніемъ любомудрствовать въ безмолвіи, слабостію'здоровья и непостоянствомъ погоды отказывается по приглашенію участвовать въ общихъ молитвахъ.

Радъ я твоему прибытію, люблю быть вмѣстѣ съ тобою; однако же иное удумалъ самъ о себѣ, то есть, сидѣть дома и любомудрствовать въ безмолвіи. Ибо это нашелъ для себя всего болѣе полезнымъ.~Поелику же и погода еще непостоянна, и болѣзнь меня не оставила; то прошу тебя, будь не много великодушень, помолись о моемъ здоровьѣ; при времени и я готовъ присутствовать при твоихъ молитвахъ.

Зрн

—

223. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ (120).

О томъ, что желающій не погрязать въ своихъ обязанностяхъ долженъ во всемъ совѣтоваться съ Богомъ.

Что говоришь? Убѣждаю ли тебя этими словами, и ты перемѣнишь предметъ изученія, станешь за одно со мной, который нѣкогда былъ въ одномъ ряду съ тобою, а теперъ, если позволишь сказать, сталъ выше тебя? Или долженъ я напѣвать тебѣ гораздо долѣе? Нѣтъ, чудный, не жди этого. Ибо тому, кто имѣетъ у себя большую часть, стыдно не пріобрѣсти всего; начало

Ч. VI.

21

бываетъ уже половиною цѣлаго дѣла , а гдѣ больше половины , тамъ чему другому быть , какъ не цѣлому ? Поэтому, если моихъ совѣтовъ достаточно, то прекрасно; ничего больше и не требуется. Если же тебѣ все еще нуженъ совѣтникъ , и притомъ лучший , то какъ Соломонъ велитъ тебѣ пить вино *съ совѣтомъ* (Притч. 31, 4.); чтобы не падать отъ опьяненія и головокруженія ; такъ я, измѣнивъ не много совѣтъ , говорю : съ Богомъ совѣтуйся , и не погрѣшишь въ своихъ обязанностяхъ.

224. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ (121).

О томъ, что скрывать свое любомудріе есть высшая степень любомудрія.

Ты, любезный сынъ , имѣлъ у себя добраго отца , какъ слышу о тебѣ. Воспрянь только, *успѣвай и царствуй* ; мы же готовы хвалить тебя , хотя еще и не признаешься въ своемъ любомудріи. Ибо посмотримъ больше не на то, что говоришь, а на то, что дѣлаешь. А и это самое—не признаваться въ своемъ любомудріи весьма любомудренно , какъ критикъ Діонисій говоритъ о риторѣ Лисіи, что его безыскусственность была крайне искусственна.

225. КЪ УРСУ (122).

Объясняетъ причины, по которымъ не можетъ быть у него.

Пріятно привѣтствовать друзей; а еще пріятнѣе и привѣтствовать чрезъ друзей же, къ числу каковыхъ принадлежитъ досточестнѣйшій сынъ Анисій. Онъ извѣститъ тебя и о моемъ здоровьѣ; если только назвать здоровьемъ кратковременную перемѣну на лучшее. Сообщить также и то, о чемъ былъ прошенъ, а именно, что, хотя быть у тебя, чего требуешь дружески и искренно, и насладиться твоею любовію для меня весьма пріятно и даже, будь увѣренъ, пріятно не менѣе чего либо другаго, составляющаго предметъ моихъ желаній, какъ извѣстно сіе и тѣмъ, кому описываю я твое радужное угощеніе: однако же пусть разсудитъ твое благоразуміе, возможно ли это, и притомъ и прилично ли, и не обвинять ли меня въ неблаговременности, не покажусь ли для иныхъ обременительнымъ, какъ явившійся безъ основанія, и безъ видимой какой нибудь причины; потому что нельзя увѣрить многихъ, что люблю мудрствую не притворно, и все свое отдаю Богу?

226. КЪ ЭЛЕВИХУ (123).

Просить его , какъ военачальника , уволить изъ военной службы чтеца Маманта.

Какія потери терплю отъ болѣзни ! Надобно было прійти къ тебѣ , обнять тебя , вспомнить старинную пріязнь и тѣсную дружбу ; но не таково состояніе моего тѣла. Потому обращаюсь къ тебѣ съ письмомъ , и встрѣчаю привѣтствіемъ. А поелику надобно и одарить чѣмъ нибудь , то вотъ мой подарокъ — чтецъ Мамантъ , у котораго отецъ—воинъ , но который посвященъ Богу за его нравъ. Уступи его Богу и мнѣ , а не считай въ числѣ бѣглыхъ. Дай ему письменное увольненіе , чтобы и другіе не беспокоили ; а тѣмъ самому себѣ подашь благоспѣшныя надежды и въ войнѣ и въ военачальствѣ. Да , умоляю тебя , позаботься о семъ. У кого въ рукахъ самое важное , и отъ кого все зависить , тѣмъ особенно должно заботиться о Богѣ и объ Его помощи.

227. КЪ МАКЕДОНЦЮ (124).

Въ благодарность за благодѣянія посылаетъ ему обѣщаннаго пѣвца.

Я не таковъ , чтобы не знать сытости , получая отъ друзей благодѣянія , хотя ты и щедръ на благодѣянія ; а потому отослалъ къ тебѣ , по условію , пѣвца , человѣка

и въ другихъ отношеніяхъ, сколько можно было узнать въ короткое время, весьма хорошаго, а для тебя, можетъ быть, пріятнаго и по его псалмопѣнію, непрестанно напоминающему о Богѣ и о спасеніи. Если же и еще окажешь мнѣ благодареніе, когда тебѣ заблагодарсудится, и когда представится къ тому случай; то сдѣлаешь хорошее дѣло, тѣмъ болѣе, что это будетъ знакомъ твоей дружбы.

228. КЪ АВЛАВІЮ (131).

Обличаетъ его въ излишней привязанности къ софистикѣ.

Слышу, что ты полюбилъ софистическое искусство, и для тебя чуднымъ стало дѣломъ, напримѣръ: говорить свысока, смотрѣть значительно, выступать, поднимъ голову и съ надменностію. — Слышу, что желаніе твое устремлено туда—къ Мараѳону и Саламину, этимъ вашими украшеніямъ, и что ни о чемъ не думаешь болѣе, кромѣ того, чтобы Мильтіадовъ и Киногировъ, Калимаховъ и Телемаковъ, — все снарядить по правиламъ софики, и какъ можно ближе къ своей цѣли. Если при этомъ ставишь во что нибудь и добродѣтель, ты уже нашъ; и что служить къ твоему прославленію, то пусть идетъ впередъ своимъ путемъ. Но если ты вполне софистъ, и забываешь о моей дружбѣ и о томъ, что неоднократно говаривали мы между собою о прекрасномъ; то не скажу чего другаго непріятнаго, а сказать слѣдующее не будетъ, можетъ быть, не скромнымъ: знай, что, не

Зрн

долго позабавившись передъ молодыми людьми , весьма много посмѣешься самъ надъ собою , когда прійдетъ время взяться за умъ , но уже поздно.

229. КЪ МЕЛЕТНЮ (143).

Давнее прекращеніе переписки съ нимъ уподобляя сну , сравниваетъ себя съ Ахилловыми конями , отрясающими съ себя прахъ.

Столько уже времени , и ни одного еще письма не получалъ я отъ тебя, какъ ни желательно было сіе ; и самъ я не писалъ , хотя , думаю , и ты также ждалъ отъ меня писемъ. Какая недѣятельность ! чгобы не сказать , какое безчувствіе ! Что до сна , едва ли сравнится съ нами и Арганеоній. — Такъ мы заспались. Гдѣ прежнее наше товарищество ? Гдѣ эти общія рѣчи и бесѣды ? гдѣ тотъ сладкій и неизсякающій источникъ , изъ котораго онѣ почерпались ? Поэтому , хотя и поздно , я встаю , отрясаю съ себя прахъ , по примѣру Ахилловыхъ коней (а) , повремену впрочемъ говорить : отрясаю и гриву , чтобы ты не принялъ сего за шутку. А заботишься ли о нашей дружбѣ ты , это сдѣлается явнымъ , когда напишешь.

(а) Иліада II. 17. ст. 457.

230. КЪ АНИСИЮ (144).

Благодарить Бога, что повѣдка Анисіева была благоуспѣшна ,
желаетъ и себѣ того же.

Пришло ко мнѣ письмо твое съ извѣстіемъ о твоемъ
здоровьѣ и о томъ, что повѣдка твоя была благоуспѣшна.
И за это все благодареніе Богу ! А если бы и я могъ
о себѣ написать что нибудь подобное ; то еще большее
благодареніе !

231. КЪ ОЛИМПИАНУ (165).

Требуетъ назадъ книгу : *Аристотелевы Письма*, замѣчая, что
могъ бы и подарить ее , если бы не боялся , что онъ , какъ
неподкупный судія, прійметъ это за подкупъ.

Книгу, которую бралъ ты у меня, именно : *Аристо-
телевы Письма* , могъ бы я не требовать назадъ , но
оставить у тебя , какъ даръ свойственный ученому, и
какъ приличный памятникъ дружбы, но, чтобы ты, какъ
страшный витія и превосходный судія , не взнесъ на
меня жалобы о преступленіи противъ начальства, и объ
оскорбленіи онаго тѣмъ , что намѣреваюсь подкупить
судію, который такъ неподкупенъ и выше всякаго дара;
то—пусть воротится назадъ , что дано тебѣ мною. Въ
награду же отъ твоей учености прошу не инаго чего
(ибо что можешь дать мнѣ , который изъ того и любо-

мудрствую, чтобы ничего не имѣть?), а одного письма твоего, чтобы это было въ буквальный смыслъ вознагражденіемъ, когда за одолженіе писемъ и платить будешь письмами.

232. КЪ ГЕОРГІЮ (182).

Просить объясненія по дѣлу о діаконѣ Евѳаліи, который заключилъ въ узъ и билъ какого-то Филаделѳіа; требуетъ и самого виновнаго къ отвѣту.

Недужное врачуютъ, а не сокрушаютъ. Поэтому какъ же содіаконъ нашъ Евѳалій, ни сана не уваживъ, ни свойства не почтивъ, бѣднаго Филаделѳіа подвергъ и узамъ и побоямъ, какъ показываютъ и знаки побоевъ? Дивлюсь этому. Посему не оставь безъ вниманія сего происшествія, но, когда прійдешь, самъ объясни мнѣ случившееся. Пусть явится и діаконъ дать отвѣтъ на обвиненіе, и понести примѣрное наказаніе за жизнь имъ притѣсненнаго. Ибо не потерплю, чтобы почти въ глазахъ моихъ осмѣливались на подобныя неприличія.

233. КЪ ПЕТРУ (186).

Просить его молить о себѣ, удрученномъ старостию
и болѣзнію.

Очень удалились мы другъ отъ друга, не имѣя ни
личныхъ свиданій, ни письменныхъ сношеній. Впрочемъ
надѣюсь, что разлучены мы между собою тѣломъ, а не
духомъ. А теперь, когда открылся случай, и привѣтствую
твое благоговѣніе, и прошу молитвъ о мнѣ, утружден-
номъ старостию, болѣзнію и бореніемъ между жизнью и
преселеніемъ изъ жизни.

234. КЪ ТЕОТЕКНУ (198).

Увѣщаетъ его, какъ не давно сподобившагося благодати, не
мстить обидѣвшимъ его въ лицѣ жены и дочери.

Знаю, что трудно не смущаться мыслями, когда обида
еще жива и гнѣвъ не остылъ; потому что и раздраже-
ніе и печаль бываютъ слѣпы, особливо же, когда можно
негодовать и по праву. Но поелику и самъ я въ числѣ
обиженныхъ и оскорбленныхъ, даже и негодую не менѣе;
то посему имѣю право требовать, чтобы и совѣтъ мой
не былъ оставленъ безъ уваженія. Несносно то, что
потерпѣли мы, и если угодно, присовокупимъ, что потер-
пѣли, чего не терпѣлъ еще никто изъ людей. Но ради

Зрѣ
— сего не станемъ дѣлать обиды себѣ самимъ , и не возненавидимъ благочестія со вредомъ своимъ. Много значить жена , дорога и дочь , но не дороже души. — Подумай , что не давно удостоился ты благодати ; а не малая опасность — осквернить кровію даръ и опять имѣть нужду съ новымъ очищеніемъ. Поэтому не будемъ умышлять худаго сами на себя , не утратимъ дерзновенія предъ Богомъ , оказавшись огорченными и чрезъ мѣру негодующими на обидѣвшихъ. Предоставимъ чело-вѣка Богу и тамошнимъ наказаніямъ , а себѣ пріобрѣтемъ чело-вѣколюбиваго Судію , оказавшись сами чело-вѣколюбивыми ; сдѣлаемъ снисхожденіе , чтобы и намъ было сдѣлано снисхожденіе. Да не обольщаетъ тебя суетная мысль , что нѣтъ вины справедливо отмстить и преступника выдать законамъ. У Римлянъ свои законы , а у насъ свои : но тѣ неумѣренны , жестоки , не щадятъ даже и крови ; у насъ же законы милостивы , чело-вѣколюбивы и не позволяютъ предаваться гнѣву и на обидчиковъ. Ихъ будемъ держаться , имъ станемъ слѣдовать , чтобы , оказавъ малую милость , потому что маловажна и никакой не имѣетъ цѣны здѣшняя жизнь , получить въ замѣнъ великое отъ самого Бога , т. е. Его чело-вѣколюбіе и тамошнія надежды.

235. КЪ ГРАЖДАНСКИМЪ НАЧАЛЬНИКАМЪ (197).

Выговариваетъ имъ , что діакона Θεοτεκна обложили податью ,
какъ ремесленника.

Кажется мнѣ , что не пощадили бы вы и сумы синопскаго Діогена , если бы жилъ онъ при васъ , но и на него наложили бы руки , ставя ему въ вину его родъ жизни , философскій плащъ , посохъ и то , что , по своему любомудрію , ничего онъ у себя не имѣетъ , но ходитъ отъ дверей къ дверямъ , проживая даромъ , и какъ случилось , — когда намѣреваетесь и на брата Θεοτεκна наложить пошлину , какую берутъ съ занимающихся ремеслами. На какое первое и важнѣйшее изъ правъ его указать мнѣ ? На то ли , что онъ діаконъ ? или что онъ бѣденъ ? или что онъ странникъ , и принадлежитъ болѣе другимъ , нежели намъ ? или что заслуживаетъ уваженіе по жизни , какъ іерей и сожитель Мучениковъ ? Но извѣстно вамъ и то , что питаетъ странныхъ , даже не по силамъ , и , можетъ быть , тѣмъ только и виновенъ , что одинъ изъ живущихъ тамъ усиливается быть благодѣтельнымъ. Чтò изъ этого всего важнѣе , судите сами : за все же сіе окажите снисхожденіе чловѣку , и не подайте о себѣ мысли , что , доставляя малую выгоду обществу , дѣлаете сами великій вредъ , нагаго , какъ говорится , не одѣвая , а раздѣвая..

236. КЪ ЕВЛАНКИО (210).

Выговариваетъ за то, что давно не пишетъ.

Долгое время молчалъ ты, хотя, человекъ ты самый словоохотный, о томъ и заботишься, въ томъ и поставляешь искусство, чтобы всегда говорить и выказывать себя въ рѣчахъ. Но вѣроятно, Неокесарія причиною твоего передо мною молчанія; и слѣдовательно, долженъ принимать я за милость, что помнишь еще о своемъ отечествѣ; потому что не чѣмъ добрымъ и помянуть; такъ говорятъ слышашіе. Но въ старину былъ ты въ числѣ ненавидимыхъ за меня, а не въ числѣ терпѣвшихъ, чтобы ненавидѣли меня другіе. Посему будь ко мнѣ таковъ же, и пиши, гдѣ бы ты ни былъ, и вспоминай о мнѣ, какъ слѣдуетъ, если только я значу для тебя что нибудь. Но есть и нѣкоторое право требовать равной любви въ вознагражденіе тому, кто сталъ первый любить.

237. КЪ ѲЕКЛѢ (а).

Просить прислать вина для строителей церковной ограды.

Въ минушемъ году была на родинѣ сильная стужа , и на виноградныхъ лозахъ побила усики , которые уже развѣтвились къ образованію изъ себя гроздовъ ; оставшись же безплодными , и наши чаши сдѣлали онѣ безвлажными и пересохшими. Но что заставило меня такъ жалобно тебѣ описывать безплодіе растений ? Чтобы сама ты , по слову Соломонову , стала для насъ , виноградомъ зрѣющимъ (Пѣсн. Пѣсн. 2, 13.) , и лѣтораслію плодovитою , которая не гроздами украшена , но источила уже для жаждущихъ влагу изъ гроздовъ . Кто же эти жаждущіе ? Строители церковной ограды . Не имѣя возможности напоить ихъ горнымъ напиткомъ , прибѣгаю къ твоей многогроздной десницѣ , чтобы ты приказала своимъ источникамъ излиться на насъ рѣкою . Сдѣлавъ это вскорѣ , оживишь у многихъ пересохшія уста , а прежде всего , какъ нельзя больше , обрадуешь меня , который аттически выпрашиваю себѣ на бѣдность .

(а) Письма сего нѣтъ въ Билліевомъ изданіи твореній св. Григорія Богослова; помѣщено же оно въ Гарньеровомъ изданіи твореній св. Василія Великаго , и въ ряду писемъ послѣдняго есть 331-ое.

238. КЪ ЛИВАННО СОФИСТУ (203).

Отъ ижеи матери , посылающей къ Ливанію сына.

Я — мать послала къ отцу дѣтище, — мать по природѣ, къ отцу, по урокамъ краснорѣчія. Поэтому, чтобъ заботилась о немъ я, позаботься ты.

ПРИМЪЧАНІЕ.

По изданію Биліеву писемъ св. Григорія Богослова считается 242. Но въ числѣ ихъ иныя письма читаются по два раза: такъ письмо 128 есть одно и то же съ письмомъ 223, а письмо 176 съ письмомъ 211; иныя же письма приписаны св. Григорію, тогда какъ по Гарньерову изданію принадлежатъ св. Василю Великому: таковы письма 205, 206, 207 и 242 у Билія (слич. у Гарньера 166, 167, 168 и 193.). Посему, за исключеніемъ сихъ шести писемъ, всѣхъ писемъ св. Григорія будетъ 236. Но къ нимъ присовокупить должно письма, въ Гарньеровомъ изданіи помѣщенные между письмами св. Василя Великаго, а именно 44-ое, написанное отъ имени Григорія, отца Григорія Богослова, и 321, написанное къ Θεоклѣ, которыя по всему праву должны быть приписаны св. Григорію Богослову. Письма сіи въ настоящемъ переводѣ суть 36-е и 237-ое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА

ПО ПОРЯДКУ БИЛЛІЕВА ИЗДАНІЯ,

СЪ УКАЗАНІЕМЪ,

ГДѢ ПОМѢЩЕНЫ ОНЫЯ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

	Именованіе Стихотворенія.	Изданіе		
		Биллія	Рус. пер.	
		Стр.	Част.	Стр.
	Стихотвореніе, въ которомъ св. Григорій пересказываетъ жизнь свою. . .	1	6	5
I.	Стихи о самомъ себѣ, въ которыхъ св. Григорій скрытымъ образомъ поощряетъ и насъ къ жизни во Христѣ. .	31	4	278
II.	Похвала дѣвству.	42	5	49
III.	Советы дѣвственникамъ.	55	5	78
IV.	Плачь о страданіяхъ души своей. . .	68	4	303
V.	Жалоба на свои страданія.	73	4	316
VI.	О суетности и невѣрности жизни и объ общемъ всѣмъ концѣ.	75	4	321
VII.	Плачь о собственныхъ бѣдствіяхъ и молитва ко Христу о прекращеніи жизни. .	76	4	324
VIII.	Къ себѣ самому, въ вопросахъ и отвѣтахъ. .	77	4	326
Ч. VI.		22		

	Именованіе Стихотворенія.	Изданіе		Рус. пер.
		Биллія	Стр.	
			Част.	Стр.
IX.	Сонъ о храмѣ Анастасіи, который св. Григоріемъ устроенъ былъ въ Константинополѣ.	78	4	399
X.	О различіяхъ въ жизни и противъ лжеіереевъ.	79	6	70
XI.	Къ Епископамъ.	81	6	74
XII.	Къ константинопольскимъ іереямъ и къ самому Константинополю. . .	85	6	82
XIII.	О человеческой прирорѣ. . . .	86	4	258
XIV.	О малолѣтности вѣшняго человека. .	88	4	264
XV.	О путяхъ жизни.	90	4	270
XVI.	Блаженства и опредѣленія духовной жизни.	91	4	273
XVII.	Клятвы, или клятвенные обѣты. .	92	4	276
XVIII.	На плоть.	93	5	24. 1
XIX.	На лукаваго.	—	5	26. 1
XX.	Плачь о душѣ своей.	94	5	20. 2
XXI.	На лукаваго.	—	5	27. 2
XXII.	Плачь и моленіе ко Христу. . .	95	5	10. 1
XXIII.	Къ душѣ своей.	—	5	19. 2
XXIV.	О бренности сестства человеческого. .	—	5	32. 1
XXV.	О томъ же.	—	5	32. 2
XXVI.	Плачь и моленіе ко Христу. . .	95	5	10. 2
XXVII.	Плачь о душѣ своей.	96	5	20. 1 11. 3
XXVIII.	Плачь о себѣ самомъ.	97	5	14
XXIX.	То же.	—	5	15
XXX.	Надгробіе себѣ самому.	—	5	286. 7
XXXI.	Покаянная пѣснь при концѣ жизни. .	98	5	34. 1
XXXII.	На лукаваго.	—	5	28. 3
XXXIII.	О подлинныхъ книгахъ Богодухво- веннаго Писанія.	—	5	48
XXXIV.	Египетскія язвы.	99	5	317
XXXV.	Моисеево Десятословіе.	—	5	318

	Именованіе Стихотвореніи.	Изданіе Видлія		Рус. пер.
		стр.	Част.	стр.
XXXVI.	Дѣнадцать Патріарховъ.	99	5	317
XXXVII.	Дѣнадцать Апостоловъ.	—	5	323
XXXVIII.	Родословіе Христово.	—	5	319
XXXIX.	Чудеса Христовы по Евангелію отъ Маттея.	101	5	324
XL.	Притчи Христовы по Евангелію отъ Маттея.	102	5	328
XLI.	Чудеса Христовы по Евангелію отъ Іоанна.	—	5	328
XLII.	Чудеса Христовы по Евангелію отъ Луки.	—	5	327
XLIII.	Притчи Христовы по Евангелію отъ Луки.	103	5	329
XLIV.	Чудеса Христовы по Евангелію отъ Марка.	103	5	326
XLV.	Притчи Христовы у четырехъ Еван- гелистовъ.	—	5	330
XLVI.	Къ монахамъ.	105	5	109. 1
XLVII.	Увѣщательное посланіе къ Гелле- нію о монахахъ.	106	4	334
XLVIII.	Юліану.	111	5	252
XLIX.	Отъ Никовула сына къ отцу.	112	5	271
L.	Отъ Никовула отца къ сыну.	115	5	280
LI.	Къ Виталиану отъ сыновей.	120	5	291
LII.	На челоука високаго родомъ и ху- даго по нравственности.	126	5	211. 1
LIII.	Молитва шествующаго въ путь.	127	5	7
LIV.	На безмолвіе во время поста.	128	4	348
LV.	Пѣснь Христу послѣ безмолвія въ Пасху.	131	4	357
LVI.	Совѣтъ Олимпіадъ.	132	5	240
LVII.	На возвращеніе свое изъ Констан- тина града.	134	6	85

IV

	Именованіе Стихотворенія.	Изданіе Биллія Рус. пер.		
		Стр.	Част.	Стр.
LVIII.	На себя самого и о человѣческой добротѣ.	135	4	251
LIX.	На лицетрвыхъ монаховъ.	138	5	243
LX.	На болѣзнь.	—	5	35
LXI.	Къ Немесію.	140	5	255
LXII.	Мысли, писанныя двустишіями.	146	4	360
LXIII.	На женщинъ , которыя любятъ на- ряды.	147	5	227
LXIV.	Надгробіе Василию Великому.	152	5	382
LXV.	Двустішія.	153	4	364
LXVI.	Жизнь человѣческая.	155	5	33. 1
LXVII.	Счастіе и благоразуміе.	156	5	119
LXVIII.	Мысли, писанныя четверостишіями.	—	5	200

Пѣснопѣвія таинственныя :

I.	О началахъ.	161	4	215
II.	О Сынѣ.	—	4	217
III.	О Святомъ Духѣ.	163	4	221
IV.	О мірѣ.	165	4	226
V.	О Промыслѣ.	167	4	231
VI.	Объ умныхъ сущностяхъ.	168	4	235
VII.	О душѣ.	170	4	240
VIII.	О завітахъ и о пришествіи Хри- стовомъ.	173	4	246
1.	На цѣломудріе.	175	5	115. 1
2.	Къ душѣ своей.	176	5	19. 1
2.	Молитва ко Христу.	—	5	3. 1
4.	Плачь и моленіе ко Христу.	176	5	12. 4
5.	Молитва ко Христу.	—	5	3. 2
6.	Молитва утренняя.	—	5	5
7.	Молитва вечерняя.	—	5	5

Именованіе Стихотвореніа.

Изданіе
Биллія Рус. пер.

		Стр.	Част.	Стр.
8.	Молитва на другое утро.	177	5	6
9.	Къ самому себѣ.	—	5	17. 1
10.	Молитва ко Христу.	—	5	4. 5
11.	На лукаваго.	—	5	28. 4
12.	На него же.	—	5	28. 5
13.	Къ душѣ своей.	—	5	20. 3
14.	Молитва ко Христу.	—	5	3. 3
15.	То же.	—	5	4. 4
16.	Къ себѣ самому.	—	5	18. 2
17.	На лукаваго.	178	5	29. 6
18.	На него же.	—	5	29. 7. 8
19.	Плачь и моленіе ко Христу.	—	5	12. 5
20.	То же.	—	5	12. 6
21.	Молитва въ болѣзни.	—	5	6. 1
22.	Плачь Григорія о самомъ себѣ.	—	5	16. 4
23.	То же.	—	5	17. 5
24.	Разговоръ съ міромъ.	179	5	31
25.	Покаянная пѣснь при концѣ жизни.	—	5	34. 2
26.	Жизнь человѣческая.	179	5	33. 2
27.	Христосъ на корабль.	—	5	324
28.	Надгробіе Павлу.	—	5	360
29.	Сигантію пустыннику.	180	5	254
30.	На терпѣніе.	—	5	118. 1
31.	Къ самому себѣ.	—	5	18. 4
32.	Молитва въ болѣзни.	—	5	6. 2
33.	То же.	—	5	7. 3
34.	На плоть.	—	5	25. 2
35.	Молитва ко Христу.	181	4	328
36.	На свое удаленіе.	—	6	83. 1
37.	На терпѣніе.	—	5	119. 2
38.	Пристрастіе.	—	5	120
39.	Смерть любезныхъ.	—	5	120
40.	Недобрыя друзья.	182	5	120. 1

VI

	Именованіе Стихотворенія.	Изданіе		Рус. пер.
		Биллія	Стр.	
			Стр. Част. Стр.	
41.	То же.	189	5	190, 2
42.	Къ монахамъ.	—	5	113, 11
43.	Къ душѣ своей.	—	5	196
44.	Пѣснь Богу.	185	5	2. 2
45.	Мысли, писанныя одностипіями. . .	186	5	209

Ямническіе стихи :

I.	О себѣ самомъ и на завистниковъ. . .	187	6	67
II.	О Промыслѣ.	188	5	40
III.	Къ Селевку.	190	5	306
IV.	Надпись ко храму Иліи, называемому Вдовымъ.	195	5	346
V.	Плачь и моленіе ко Христу.	—	5	13. 7
VI.	Плачь о самомъ себѣ.	—	5	16. 4. 5
VII.	Упреки неразумнымъ стремленіямъ души. .	196	5	22
VIII.	На любомудрую нищету.	—	5	117. 1
IX.	Къ самому себѣ.	197	5	18. 4
X. (**)	На свое удаленіе.	—	6	84. 1
XII.	Плачь и моленіе ко Христу.	—	5	13. 8
XIII.	Плачь о самомъ себѣ.	—	5	16. 3
XIV.	Къ самому себѣ.	198	5	18. 2
XV.	Опредѣленія, слегка начертанныя. . .	—	5	335
XVI.	На расхищающихъ гробы.	202	5	387
				1—16
XVII.	Чудеса Пророковъ Иліи и Елисея. . .	204	5	318
XIX.	Сравненіе жизни духовной и жизни мірской.	220	5	186
XX.	На тѣхъ, которые часто клянутся. Раз- говоръ.	224	5	173

(**) Стихотвореніе XI у Биллія помѣщено только въ латинскомъ переводѣ, и потому не вошло въ число переведенныхъ Стихотвореній.

Именованіе Стихотворенія.	Изданіе		Рус. пер.
	Биллія		
	Стр.	Част.	Стр.
XXI. На гнѣвливость.	229	5	154
XXII. На богатолубцевъ.	237	5	214
XXIII. Къ себѣ самому.	243	6	87
О вочеловѣченіи, противъ Аполлинарія.	247	5	45. 2
О стихахъ своихъ.	248	6	91
Максиму.	249	5	269
На свое удаленіе.	251	6	84. 2
На челоуѣка высокаго родомъ и худаго по нравственности.	—	5	212. 2
Къ завистникамъ.	—	6	69
На цѣломудріе.	252	5	117. 2
Пѣснь Богу.	—	5	1. 1
Покаянная пѣснь при концѣ жизни.	—	5	34. 2
Къ самому себѣ.	—	5	18. 5
То же.	—	5	18. 4
Молитва ко Христу.	—	5	{ 4. 6 5. 7
Къ двѣамъ.	299	5	105

ОГЛАВЛЕНИЕ

Писемъ Св. Григорія Богослова.

	Стр.
1. Къ Василию Великому.	97
2. Къ нему же.	98
3. Къ нему же.	99
4. Къ нему же.	101
5. Къ нему же.	102
6. Къ Адамантію.	104
7. Къ Кесарію брату.	105
8. Къ Кандіану.	107
9. Къ Амфилохію.	111
10. Къ нему же.	112
11. Къ Василию Великому.	113
12. Къ Евсеію Епископу Кесарійскому.	113
13. Къ нему же.	115
14. Къ нему же.	115
15. Къ Василию Великому.	116
16. Къ Григорію Нисскому.	117
17. Къ Никовулу.	119
18. Къ нему же.	120
19. Къ нему же.	121
20. Къ нему же.	123
21. Къ Аппію.	123
22. Къ Кесарію брату.	125
23. Къ Филагрію.	126
24. Къ Софронію Ипарху.	127
25. Къ нему же.	129
26. Къ нему же.	129

	Стр.
27. Къ нему же.	130
28. Къ нему же.	131
29. Къ Кесарію.	132
30. Къ нему же.	133
31. Къ Θεμισтію.	134
32. Къ нему же.	135
33. Къ Василю Великому.	136
34. Къ жителямъ Кесаріи отъ имени отцава.	138
35. Къ Епископамъ отъ имени отцава.	140
36. Къ Евсевію, Епископу Самосатскому, отъ отцава же имени.	141
37. Къ нему же.	143
38. Къ Василю Великому.	144
39. Къ нему же.	145
40. Къ нему же.	146
41. Къ нему же.	147
42. Къ нему же.	151
43. Къ нему же.	152
44. Къ Амфилохію.	153
45. Къ нему же.	153
46. Къ нему же.	154
47. Къ нему же.	154
48. Къ нему же.	154
49. Къ Василю Великому	155
50. Къ нему же.	156
51. Къ нему же.	158
52. Къ Никомулу.	160
53. Къ Аерію и Алипію.	160
54. Къ Виталиану.	162
55. Къ Амфилохію.	162
56. Къ Юліану.	164
57. Къ нему же.	165
58. Къ нему же.	166
59. Къ Евсевію Епископу Самосатскому.	167
60. Къ нему же.	168
61. Къ нему же.	169

X

	Стр.
62. Къ Евтропію.	170
63. Къ нему же.	171
64. Къ Григорію Нисскому.	172
65. Къ нему же.	172
66. Къ Епископу Григорію. . . ,	173
67. Къ Воспорію Епископу Коловійскому. . . .	173
68. Къ нему же.	174
69. Къ Григорію Нисскому. ,	175
70. Къ нему же.	176
71. Къ Ездоксію Ратору.	177
72. Къ Симпликію.	177
73. Къ Θεодору, Епископу Тіавскому. . . , .	180
74. Къ Аліпію.	183
75. Къ нему же.	184
76. Къ нему же.	185
77. Къ нему же.	185
78. Къ Палладію. . . . ,	186
79. Къ Гигантію.	187
80. Къ Воспорію, Епископу Коловійскому. . . .	188
81. Къ Леонтію.	189
82. Къ Амазонію.	189
83. Къ Ипатію.	190
84. Къ Филагрію.	191
85. Къ Нектарію.	192
86. Къ Софронію Ипарху.	193
87. Къ нему же.	193
88. Къ Тимоѳею.	194
89. Къ Иракліану.	195
90. Къ Епископу Θεодору.	196
91. Къ Евладію.	197
92. Къ Келевсію Архонту.	198
93. Къ нему же.	199
94. Къ нему же.	200
95. Къ Кандонію.	200
96. Къ нему же.	200
97. Къ нему же.	201

	Стр.
98. Къ Палладію.	201
99. Къ нему же.	201
100. Къ Епифанію.	202
101. Къ Евладію.	202
102. Къ нему же.	203
103. Къ нему же.	203
104. Къ нему же.	204
105. Къ Елладію, Епископу Кесарійскому. . . .	204
106. Къ нему же.	205
107. Къ Проконію.	206
108. Къ нему же.	207
109. Къ нему же.	207
110. Къ Олимпію.	208
111. Къ нему же.	209
112. Къ нему же.	210
113. Къ нему же.	211
114. Къ Виріану.	212
115. Къ Олимпію.	213
116. Къ нему же.	216
117. Къ нему же.	217
118. Къ нему же.	218
119. Къ нему же.	218
120. Къ нему же.	219
121. Къ Никовулу.	220
122. Къ Θεодору, Епископу Тіанскому.	221
123. Къ нему же.	222
124. Къ нему же.	223
125. Къ неизвѣстному.	224
126. Къ Елладію.	225
127. Къ Африкану.	225
128. Къ Стагирію.	226
129. Къ Евстохію Соѣисту.	227
130. Къ нему же.	229
131. Къ нему же.	230
132. Къ Евдоксію Ритору.	231
133. Къ нему же.	232

XII

	Стр.
134. Къ нему же.	232
135. Къ нему же.	233
136. Къ Тимофею.	236
137. Къ нему же.	237
138. Къ нему же.	239
139. Къ Θεодору Епископу.	240
140. Къ Θεодору, Епископу Тіанскому.	242
141. Къ нему же.	243
142. Къ нему же.	243
143. Къ нему же.	244
144. Къ нему же.	244
145. Къ нему же.	245
146. Къ Григорію Нисскому.	245
147. Къ Нектарію.	246
148. Къ нему же.	248
149. Къ Амфилохію.	248
150. Къ нему же.	249
151. Къ Постуміану.	250
152. Къ Сатурнину.	252
153. Къ нему же.	253
154. Виктору.	253
155. Къ нему же.	254
156. Къ Мардарію военачальнику.	255
157. Къ нему же.	255
158. Къ Фотію.	256
159. Къ Елладію.	257
160. Къ Олимпію.	257
161. Къ нему же.	258
162. Къ Астерію.	260
163. Къ нему же.	261
164. Къ нему же.	262
165. Къ нему же.	263
166. Къ нему же.	264
167. Къ Олимпію.	265
168. Къ Григорію Архонту.	266
169. Къ Еквиولیю.	267

	Стр.
170. Къ Нектарію.	268
171. Къ Проконію.	269
172. Къ нему же.	270
173. Къ нему же.	271
174. Къ Филагрію.	272
175. Къ нему же.	273
176. Къ нему же.	275
177. Къ нему же.	277
178. Къ нему же.	278
175. Къ нему же.	278
180. Къ нему же.	279
181. Лалліану.	280
182. Къ Григорію Нисскому.	281
183. Къ Кастору.	283
184. Къ Немесію	284
185. Къ нему же.	285
186. Къ нему же.	286
187. Къ нему же.	286
188. Къ Аделфію.	287
189. Къ нему же.	289
190. Къ нему же.	290
191. Къ Евсевію другу.	292
192. Къ Діоклу.	293
193. Къ Іакову.	293
194. Къ нему же.	294
195. Къ Саннаваданвскому братству.	295
196. Къ Палладію.	297
197. Къ Стратигію.	297
198. Къ Кастору.	298
199. Къ Фотію.	298
200. Къ Елладію.	299
201. Къ нему же.	300
202. Къ Сакердоту.	301
203. Къ нему же.	302
204. Къ нему же.	303
205. Къ нему же.	303

XIV

	Стр.
206. Къ Ездокію.	304
207. Къ нему же.	305
208. Къ нему же.	306
209. Къ Омофронію.	307
210. Къ нему же.	308
211. Къ Киріаку.	309
212. Къ Валентиніану.	310
213. Къ Θεκλѣ.	311
214. Къ ней же.	312
215. Къ ней же.	313
216. Къ Евагрію.	315
217. Къ Пансофію.	316
218. Къ нему же.	317
219. Къ Θεодосію или Θεодору.	318
220. Къ Θεодору.	319
221. Къ нему же.	320
222. Къ нему же.	321
223. Къ неизвѣстному.	321
224. Къ неизвѣстному.	322
225. Къ Урсу.	323
226. Къ Эллевику.	324
227. Къ Македонію.	324
228. Къ Авлавію.	325
229. Къ Мелетію.	326
230. Къ Анисію.	327
231. Къ Олимпіану.	327
232. Къ Георгію.	328
233. Къ Петру.	329
234. Къ Θεοτεκνυ.	329
235. Къ Гражданскимъ Начальникамъ.	331
236. Къ Еванкію.	332
237. Къ Θεκλѣ.	333
238. Къ Ливанію Соенсту.	334

ТАБЛИЦА

ДЛЯ ОТЪИСКАНІЯ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПИСЕМЪ ПО
СЧЕТУ, ПРИНЯТОМУ ВЪ ИЗДАНІИ Биллія.

По Биллію	По Русскому переводу.		
Письмо			
1-е соответствуетъ письму 92-му			
2	—	—	52
3	—	—	18
4	—	—	40
5	—	—	1
6	—	—	2
7	—	—	3
8	—	—	4
9	—	—	5
10	—	—	39
11	—	—	11
12	—	—	47
13	—	—	48
14	—	—	68
15	—	—	80
16	—	—	22
17	—	—	7
18	—	—	24
19	—	—	15
20	—	—	12
21	—	—	33
22	—	—	34
23	—	—	35

По Библию По Русскому переводу.

Письмо

24	соответствуетъ	письму	38
25	—	—	43
26	—	—	41
27	—	—	42
28	—	—	59
29	—	—	37
30	—	—	60
31	—	—	50
32	—	—	49
33	—	—	51
34	—	—	69
35	—	—	64
36	—	—	65
37	—	—	70
38	—	—	72
39	—	—	71
40	—	—	23
41	—	—	174
42	—	—	146
43	—	—	16
44	—	—	168
45	—	—	169
46	—	—	127
47	—	—	162
48	—	—	163
49	—	—	115
50	—	—	167
51	—	—	81
52	—	—	170
53	—	—	105
54	—	—	106
55	—	—	107
56	—	—	108
57	—	—	171
58	—	—	172

По Биллію По Русскому переводу.

Письмо

59	соответствуетъ	письму	86
60	— —	—	87
61	— —	—	129
62	— —	—	130
63	— —	—	135
64	— —	—	175
65	— —	—	84
66	— —	—	176
67	— —	—	177
68	— —	—	178
69	— —	—	179
70	— —	—	180
71	— —	—	151
72	— —	—	152
73	— —	—	82
74	— —	—	93
75	— —	—	94
76	— —	—	110
77	— —	—	112
78	— —	—	117
79	— —	—	187
80	— —	—	53
81	— —	—	73
82	— —	—	141
83	— —	—	140
84	— —	—	142
85	— —	—	143
86	— —	—	144
87	— —	—	145
88	— —	—	124
89	— —	—	123
90	— —	—	122
91	— —	—	199
92	— —	—	197
93	— —	—	198

XVIII

По Библию По Русскому переводу.

Письмо

94	соотвѣтствуетъ	письму	183
95	—	—	182
96	—	—	95
97	—	—	97
98	—	—	96
99	—	—	103
100	—	—	102
101	—	—	101
102	—	—	91
103	—	—	99
104	—	—	100
105	—	—	30
106	—	—	29
107	—	—	25
108	—	—	26
109	—	—	27
110	—	—	28
111	—	—	131
112	—	—	217
113	—	—	218
114	—	—	219
115	—	—	132
116	—	—	133
117	—	—	134
118	—	—	158
119	—	—	125
120	—	—	223
121	—	—	221
122	—	—	225
123	—	—	226
124	—	—	227
125	—	—	166
126	—	—	164
127	—	—	165
128	—	—	188

По Билію По Русскому переводу.

Письмо

129	соответствует письму 189		
130	—	—	190
131	—	—	228
132	—	—	153
133	—	—	154
134	—	—	155
135	—	—	156
136	—	—	157
137	—	—	63
138	—	—	62
139	—	—	32
140	—	—	31
141	—	—	67
142	—	—	66
143	—	—	229
144	—	—	230
145	—	—	54
146	—	—	194
147	—	—	193
148	—	—	74
149	—	—	75
150	—	—	21
151	—	—	76
152	—	—	77
153	—	—	216
154	—	—	20
155	—	—	17
156	—	—	89
157	—	—	109
158	—	—	173
159	—	—	9
160	—	—	10
161	—	—	55
162	—	—	46
163	—	—	44

По Биллію По Русскому переводу.

Письмо

164 соответствует письму 149

165 — — — 231

166 — — — 57

167 — — — 56

168 — — — 58

169 — — — 13

170 — — — 14

171 — — — 191

172 — — — 116

173 — — — 113

174 — — — 111

175 — — — 119

176 — — — 113

177 — — — 120

178 — — — 160

179 — — — 161

180 — — — 195

181 — — — 114

182 — — — 232

183 — — — 184

184 — — — 185

185 — — — 186

186 — — — 233

187 — — — 88

188 — — — 128

189 — — — 137

190 — — — 138

191 — — — 136

192 — — — 83

193 — — — 192

194 — — — 8

195 — — — 181

196 — — — 212

197 — — — 235

198 — — — 234

По Биллію По Русскому переводу.
Письмо

199	соотвѣтствуетъ письму			6
200	—	—	—	213
201	—	—	—	215
202	—	—	—	214
203	—	—	—	237
204	—	—	—	6
205	{	Не помѣщены въ Русскомъ переводѣ.		
206				
207	—	—	—	121
208	—	—	—	19
209	—	—	—	236
210	—	—	—	113
211	—	—	—	202
212	—	—	—	203
213	—	—	—	204
214	—	—	—	205
215	—	—	—	200
216	—	—	—	201
217	—	—	—	126
218	—	—	—	220
219	—	—	—	221
220	—	—	—	222
221	—	—	—	222
222	—	—	—	90
223	—	—	—	188
224	—	—	—	208
225	—	—	—	139
226	—	—	—	148
227	—	—	—	147
228	—	—	—	78
229	—	—	—	196
230	—	—	—	98
231	—	—	—	99
232	—	—	—	104
233	—	—	—	211

XXII

По Биллію По Русскому переводу.

Письмо

234 соответствует письму 159

235 — — — 206

236 — — — 207

237 — — — 209

238 — — — 210

239 — — — 79

240 — — — 150

241 — — — 45

242 въ Русскомъ переводѣ не помѣщено.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано :

Должно читать :

Стр	Строк.		
6	16	враги	врачи
7	4	сниз. показавши	показавшее
14	9	Равно	Давно
38	9	сниз. поворотилъ я	поворотилъ я ко ^{му} назадъ и поворотилъ
—	4	Отецъ	отецъ
41	14	найти	найти къ нему
42	1	свнѣхъ	свнѣхъ
—	9	Монтонова	Монтанова
43	8	сниз. а однимъ	а не однимъ
45	13	настояще	настоящее
47	2	народъ.	народъ,
—	5	снизу	снизу до верху
54	2	сниз. перенесъ	перенесенъ
58	2	при семъ	при семъ изъ виду
67	3	сниз. и	на
105	1	свой	своей
137	11	остерегая	остерегся
186	5	должны	должно
188	6	(115.)	15.
—	11	вамъ	вашъ
196	9	сниз. можно ;	можно,
197	4	дарованіемъ	дарованіемъ
199	7	справедливую	справедливую
225	8	сниз. не	же
241	17	разстроенному	разстроенному м ^о сму
256	12	И мнѣ	А мнѣ
260	4	которымъ	которыхъ
270	7	сниз. потому что	потому
292	6	— желаю	желаю
298	7	скоръ	скорѣ
309	11	Каверинъ	Киверинъ
323	6	— и притомъ,	а притомъ.
328	8	— свойства	свойства

~~JAN 09 2008~~

JAN 09 2008			
GAYLORD			PRINTED IN U.S.A.

0111960604

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0111960604

ENTRÉE STADES

Digitized by Google

Распознавание текста

ABK/FR

~~JAN 09 2008~~

~~JAN 09 2008~~

GAYLORD

PRINTED IN U.S.A.

0111960604

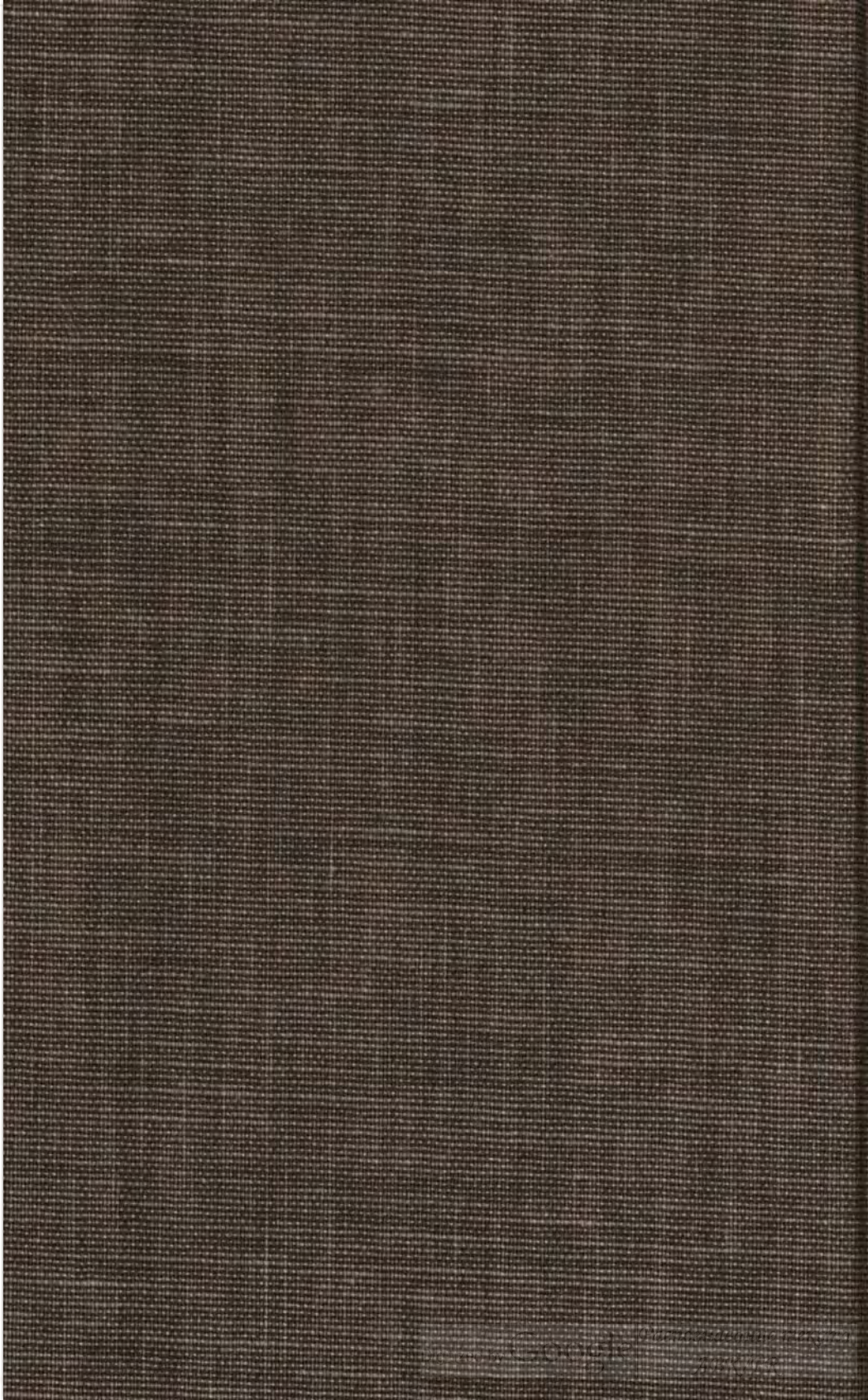
COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0111960604

OUTLER STAGHS

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>